

Г. РЫЖКИН

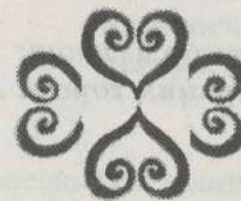

**Ливенские
были**

Г. РЫЖКИН

Ливенские были

ОРЕЛ
Издательство Орловской Государственной
телерадиовещательной компании

1997

Спонсор издания:
Администрация города Ливны

Автор от всей души благодарит главу администрации города Ливны Юрия Викторовича Коростелкина и его заместителя Александра Юрьевича Максимова за помощь при издании книги. При содействии В. В. Беженцева, О. Н. Булатникова, О. П. Тупикина, Ю. Г. Рыкова, Н. И. Шеламова, А. Н. Бологова книга смогла выйти в свет. Искреннее им спасибо!

Рыжкин Г. В.

Р 93 Ливенские были. / Краеведческие очерки и рассказы. — Орел: Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1997. — С. 242, с илл. ISBN—86615—046—8

Книга — историческое повествование о земле ливенской и ее людях с древних времен до наших дней. Герои ее — замечательные земляки, патриоты Отечества, простые люди.

Адресована учащимся, краеведам, широкому кругу читателей.

ББК 26.89

© Рыжкин Г. В., 1997
© Художественное оформление автора, 1997
© Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1997

6M8(03) — 1997. Заказ.
ISBN 5—86615—046—8

Родина — святыня для всякого, и как таковая, она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий...

С. Н. Булгаков

Свое желание рассказать о ливенском крае мне удалось удовлетворить в 1996 году. Тогда вышла в свет моя первая книга краеведческих очерков «Страницы ливенской жизни», в которой написал о ливенцах — всемирно известном Сергее Николаевиче Булгакове, авиаконструкторе Николае Николаевиче Поликарпове, герое войны Михаиле Павлове, женщинах — участницах войны 1941—1945 годов, труженицах тыла, мастере ливенских гармоник Константине Федоровиче Кудрявых, мастерице-игрушечнице Александре Михайловне Иваниловой и других. Там же есть рассказы об истории Ливенщины: зарождении крепости, городских слободок и Сергиевской церкви, о Муравском шляхе и Государевой дороге... Кратко показан и современный период нашего края — возникновение промышленных предприятий, заботы и дела ливенцев нынешнего поколения.

С выходом названной книги наряду с радостными чувствами я испытывал неудовлетворенность. По той причине, что сведения о ливенском крае носили далеко не полный, а, скорее, отрывочный характер. Совершенно не показан период революционных бурь 1905 и 1917 годов, потрясших эту землю. Мне захотелось показать эти события такими, какими они были на самом деле, без лакировки и прикрас, чтобы об их роли судил сам читатель. Неудовлетворенность испытывал и от того, что мало написал о мужестве и патриотизме земляков. А ведь земля ливенская взрастила пятнадцать Героев Советского Союза и пять кавалеров орденов Славы трех степеней, воевавших не ради популярности и славы, а ради независимости своей Родины. Немало замечательных художников, музыкантов родилось здесь. Например, живописец Н. Д. Лосев, художник-подвижник Н. Д. Селищев, композитор Н. А. Мельгунов. Да и много людей, заслужен-

ных и интересных, других профессий являются уроженцами этих мест. А. Ф. Щербаков, М. Ф. Спасский, А. Г. Стаханов, П. С. Баженов... И о них почти ничего не сказал.

О том, что не удалось сказать в первой книге, и хотел я поведать в этой, второй моей книге. Я совершенно не преследовал цель изложить события в исторической последовательности и энциклопедически, показать людей наиболее известных и заслуженных. Просто излагал те факты, которые, на мой взгляд, наиболее значимы и интересны, поведал о тех людях, которые близки мне и симпатичны.

В основу положены фрагменты из моих ранее опубликованных материалов в периодической печати, факты из архивных данных, воспоминаний, писем. Используются также публикации орловских и ливенских краеведов. Рассказ «Ливенский щит» написан совместно с Иваном Кирилловичем Бородиным.

В этой книге я постарался учесть замечания, появившиеся у читателей после прочтения «Страниц ливенской жизни». За них благодарен всем. Буду благодарить заранее и за критику этой публикации.

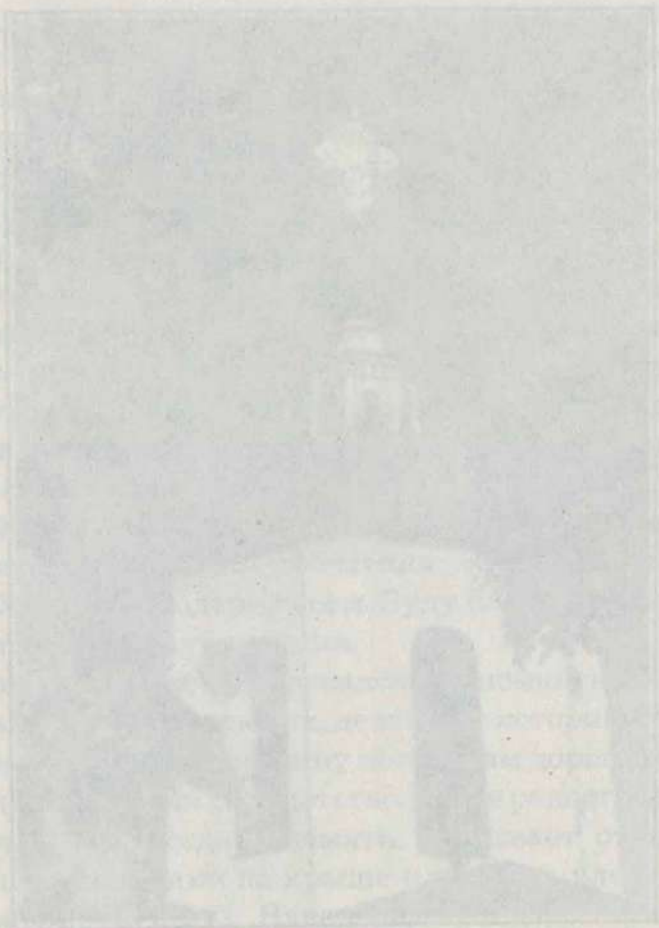
Главное, чем руководствовался, — помнить об истории нашей малой родины и людях, делавших историю. Не секрет и не открытие, что на всю нашу жизнь нам дорого место, где мы родились, провели свое детство. Какое радостное чувство испытываем мы, когда в памяти всплывает отчий дом с воркующими голубями на крыше или запах хлебного поля за околицей! Почему? Наверное, это дано природой и передается из поколения в поколение с молоком матери.

Навеять воспоминания о своей малой родине, разбудить хоть немножечко чувства любви к ней — вот главная цель, которую ставил при написании книги. И если это случится с вами, дорогой читатель, знайте, что цели своей мне удалось достигнуть.

Земляки

УКРАИНЕ

ВЫПУСКНИКИ ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА

1817 году Орловская духовная семинария, находящаяся в уездном городе Севске, была преобразована. Во-первых, ее перевели в Орел, а во-вторых, с этого времени она стала иметь три отделения — низшее, среднее и высшее. Низшие отделения составляли уездные и приходские училища. Считается, что одновременно с этим преобразованием и было открыто Ливенское духовное училище, состоявшее под управлением ректора. Несколько позднее для него строится красивое и богатое здание, облик которого практически не изменился со времени его постройки. Сейчас здесь размещается школа-лицей № 3. Духовное училище считалось просветительским центром не только города и уезда, но и всей ливенской округи, так как прививало молодым людям идеи христианства, добра и мудрости. В разное время его закончили многие дети, ставшие впоследствии за выдающиеся труды известными на всю Россию.

В 1821 году порог этого учебного заведения впервые переступил Миша Спасский, тогда ему было двенадцать лет, и родился он в деревне Захарково Ливенского уезда. Отец его был священником, да и учился мальчик прилежно, поэтому после окончания училища его везут в Орел, где он в 1829 году заканчивает духовную семинарию. Успешно, и в числе лишь семи учеников, удостоивается чести быть зачисленным в Петербургский главный педагогический институт — лучшее в те времена столичное учебное заведе-

ние такого профиля. И в институте Михаил учится отлично: как один из способных выпускников награждается серебряной медалью и в числе одиннадцати наиболее отличившихся командировается за границу «для усовершенствования в науках».

Уже в студенческие годы Спасский занимается изучением климата, публикует ряд работ в научных журналах, переводит труды иностранных ученых. Но наиболее полно и многогранно раскрывается его талант в Московском университете, где тридцатилетний ученый начинает преподавательскую и научную деятельность.

Его интересы более всего сосредоточены на климатологии — науке, изучающей атмосферные явления на Земле. Он убежден: изучение и предсказание климата имеет большое практическое значение. У себя на родине он воочию видел, какой вред приносят крестьянину стихийные бедствия, поэтому он поставил перед собой цель: познать секреты погоды, научиться предвидеть ее.

Он анализирует и обобщает наблюдения в разных точках России, делает выводы и заключения. Результатом восьмилетней работы явилась докторская диссертация под названием «О климате Москвы», которую он успешно защитил в 1848 году. На страницах журнала «Москвитянин» писали об этой защите: «Судя по всем отзывам, это труд не только новый, но многосложный и добросовестный». Новаторским и дальновидным было его предложение отнести к элементам климата атмосферно-электрические наблюдения, практическая реализация которого была осуществлена лишь через восемьдесят лет. Но важнейшей идеей диссертации Михаила Федоровича Спасского, опередившей время, стала теория постоянной борьбы двух главных воздушных течений: полярного и тропического, которая и определяет погоду. Эта идея победоносно возродилась в нынешнем веке и подробно развита синоптиками мира, а в то время взгляды ученого сначала нашли поддержку, а спустя несколько лет стали считаться ошибочными. Но скромный труженик науки все-таки оказался прав!

М. Ф. Спасский — автор работ по физике и физической географии, он первым в России повторил опыт Фуко с

маятником в Московском университете, слыл убежденным материалистом.

В 1850 году он назначается профессором Московского университета, год спустя становится членом русского Географического общества, дважды избирается деканом физико-математического факультета. 9 февраля 1859 года в возрасте пятидесяти лет наш земляк умер.

...На могильном памятнике этого человека высечены три его главных труда: «Добротолюбие», «Толкование Апостольских посланий», «Начертание христианского нравоучения». Речь идет о Егоре Васильевиче Говорове, в монашестве — Феофане, Святителе, Затворнике. Он — уроженец села Чернавского, учился в Ливенском духовном училище в 1825—1829 годах, а затем в Орловской духовной семинарии. Во время его обучения преподавателями были яркие личности: иеромонах Платон, в будущем митрополит Киевский, протоиерей Орловского кафедрального собора Евфимий Оstromысленский. По окончании семинарии в числе лучших направляется в Киевскую духовную академию, где на последнем курсе принимает монашество. В последующее время он инспектор семинарии в Новгороде, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии.

В 1847—1855 годах Феофан Затворник — в Русской духовной миссии в Иерусалиме, изучает греческий язык, осваивает древнееврейский и арабский языки, читает древние рукописи, начинает писать иконы. Много путешествует по Европе: знакомится с храмами и богословскими центрами, посещает музеи, библиотеки, учебные заведения. Возвратившись в Россию, получает назначение настоятелем посольской церкви в Петербурге. В 1857 году архимандрит Феофан становится ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а через два года — епископом Тамбовским, здесь он издает первый сборник своих проповедей и большой труд «Письма о христианской жизни». С 1863 по 1866 год Феофан — епископ Владимирский, а затем в течение 28 лет — святитель-отшельник в Вышенской пустыни Шацкого уезда Тамбовской губернии. Ради трудов литературных он отвергает ряд лестных предложений, в том числе и пост Московского митрополита. Посвящая себя ученым духов-

ным трудам, видит в них служение России и православной церкви. Работает весьма интенсивно. Один из его биографов писал: «Мы имеем полное право называть его великим мудрецом христианской философии, он в такой же степени плодотворен, как и святые отцы четвертого столетия».

С 1872 года — ведет затворническую жизнь, за что и получает имя Затворник, общается только с келейником и духовником. В своей келье устраивает домашнюю церковь, ежедневно служит литургию, в свободное время сочиняет труды.

Однако круг его интересов не ограничивался религией, он занимался астрономией, живописью, увлекался фотографией, токарным и столярным ремеслом. Скончался Феофан Затворник 18 января 1894 года и похоронен в Вышенской пустыни.

Учился в Ливенском духовном училище и известный деятель медицины, уроженец Ливен Николай Николаевич Феноменов (1855—1918). После его окончания поступил в Орловскую духовную семинарию, где занимался в 1869—1873 годах. Уезжает в Петербург и поступает в университет на физико-математический факультет, после его окончания — в медико-хирургическую академию и получает квалификацию врача-акушера. В 1880 году защищает диссертацию на звание доктора медицины.

Практическая деятельность Феноменова проходила в стенах Казанского университета, где он в течение 14 лет заведовал кафедрой акушерства и женских болезней, зарекомендовав себя талантливым ученым, хорошим организатором, искусным врачом. В 1899 году становится директором Надеждинского родовспомогательного заведения, создав клинику и кафедру, где занимается практикой и учит врачей.

Николай Николаевич Феноменов — автор многих трудов в области медицинской науки, а его руководство «Оперативное акушерство» пользуется повсеместной известностью среди специалистов. Он создал ряд удобных инструментов, применяемых в акушерской практике и носящих его имя, ввел в российскую акушерскую практику асептику. Заслуги нашего земляка в области медицины бесспорны.

Другой выпускник Ливенского духовного училища Сергей Николаевич Булгаков связал свою судьбу с философией, экономикой, богословием. В десятилетнем возрасте в 1881 году он зачисляется в училище, а в 1885 году выпускается отсюда и поступает в духовную семинарию города Орла. По-другому и быть, наверное, никак не должно. Его отец — протоиерей Николай Васильевич Булгаков — был кладбищенским священником в Ливнах и принадлежал к исконно священническому роду. Как пишет монахиня Елена, «отец Сергей унаследовал «левитскую» кровь шести поколений, восходящих примерно к эпохе Ивана Грозного». Отец Николай был скромным и смиренным священником, в молодости тоже учившийся и в училище, и в семинарии.

Детство Сергея отмечено вдохновенными религиозными переживаниями во время изучения религиозных наук в училище, во время пребывания в храме Святого Сергия. Мальчик жил в благодатной атмосфере дома, как будто продолжавшего собою храм и училище. «И это наложило неизгладимый отпечаток на весь внутренний облик Сергея — мужественный и стойкий, дерзновенный в вере, детски доверчивый по отношению к Богу, всегда смиренно и добровольно приемлющий Его святую волю, безгранично любящий и преданный Христу, пламенный, с духовно-орлиным полетом, возносящим его к созерцанию и постижению тайн Божественной жизни», — так сказала монахиня Елена.

Детство заронило не одну жемчужину в его чистую и благородную душу, жаждавшую целомудренной любви, истины, красоты, сделало Булгакова выдающимся русским Человеком, известным во всем мире...

И, наконец, рассказывая о выпускниках Ливенского духовного училища, нельзя не упомянуть о Николае Николаевиче Поликарпове. Как и Булгаков, он никак не мог миновать это учебное заведение Ливен. Достаточно назвать предков: прадед Михаил закончил Орловское духовное училище; дед Петр — священник в селе Сергиевском Ливенского уезда; отец Николай закончил Ливенское духовное училище и Орловскую духовную семинарию, служил в селе Сергиевском, женат на внучке священника села Спас-

ском (ныне Калинин). По стопам отца пошел Николай Поликарпов, но с окончанием Орловской духовной семинарии закончилась его связь с религией. Он связывает свою судьбу с авиацией, хотя отец Николай Петрович и при власти Советов остается служить на поприще религии: с 1923 года — священник Клинский, через три года — епископ Брянский; став в 1927 году архиепископом, последовательно возглавляет епархии в Твери, Могилеве, Виннице, Тульчине.

Сын же стал известным авиаконструктором, доктором технических наук, лауреатом. Под его руководством создано несколько типов отечественных самолетов, лучших машин своего времени. Он слыл скромным, трудолюбивым, добрым человеком, чему, безусловно, способствовало воспитание, полученное в духовном училище...

Разумеется, рассказано коротко лишь о некоторых из выпускников, внесших весомый вклад в развитие России. Людей, беззаветно служивших своей родине, Ливенское духовное училище выпустило неизмеримо больше.

В ДОМЕ БЫХАНОВА

Имю небольшого домика под номером 23 по улице Орджоникидзе проходили, наверное, многие ливенцы. Знаменит он тем, что в нем до 1898 года жил Евграф Васильевич Быханов (1828—1915), астроном-самоучка, более чем за полвека до ученых с мировым именем изложивший две теории: происхождения нашей планеты и образования

земных материков. Сформулировал он свои мысли в труде «Астрономические предрассудки и материалы для составления новой теории образования солнечной системы» и в книге «Нечто из небесной механики». Его гениальные работы оставались невостребованными, и лишь несколько десятков лет назад благодаря профессору Н. И. Леонову самодеятельный ученый из Ливен стал известен и высоко оценен в научных кругах. Его называли «Циолковским в астрономии».

Примечательна история опубликования первой книги, которую он издал анонимно, на обложке нет имени автора. Но в протоколах Московского цензурного комитета за 1877 год записано: «В начале марта месяца сего 1877 года в Московский цензурный комитет поступила на рассмотрение присланная Евграфом Васильевичем Быхановым, живущим в городе Ливнах Орловской губернии, рукопись под заглавием: «Современные астрономические предрассудки. Записки любителя астрономии. Гипотеза образования солнечной системы». Цензор Рахманинов 19 марта того же года положил на рукопись резолюцию, разрешающую печатать труд. Но пока рукопись ходила по кабинетам власти,

энтузиаст из Ливен, видный не сидел сложа руки. Размышлял, изучал небо через собственноручно изготовленный оптический прибор, писал выводы, которые были новы. А когда получил рукопись из Москвы, то отдал в типографию местного предпринимателя И. А. Савкова с сокращениями, добавлениями и изменениями. Брошюру быстро напечатали и экземпляр отправили в цензурный орган. Цензор был рассержен — рукопись от книги отличалась, как небо от земли. Согласно закону, Савков был предан суду, но книгу все-таки разрешили, и она увидела свет.

Что же побудило провинциального учителя пеня изложить свои мысли во всеуслышание? В предисловии он пишет: «В течение долгого времени я безусловно веровал почти во все астрономические заключения... Но одно время вера моя в некоторые из выводов, считавшихся учеными за аксиомы, поколебалась. Борясь с сомнениями, не доверяя себе, я старался, насколько доступно слабому моему пониманию, правильнее, точнее уяснить себе все то, что подрывало мою веру в любимую мною науку. Такие положения я записывал, делал на них свои замечания и выписывал из книг, что согласовывалось с моими взглядами... Человеку с моим образованием неизвестны научные формы изложения. Что делать в таком затруднительном для меня положении? Молчать нельзя, да и печатать с моим знанием опасно. Остается избрать из двух зол меньшее. Вследствие этого я и решился печатать свои записки...»

Далее следуют строки научного характера: «Юго-восточный берег Южной Америки от мыса Рока и далее за устье реки Рио-де-Ла-Плата своею кривизною почти совершенно соответствует кривизне юго-западного берега Африки, начиная от устья реки Нигера и вплоть до мыса Доброй Надежды...» Быханов указывает и на совпадение береговой линии Европы и Северной Америки, Австралии и Южной Америки и делает вывод: «Все это едва ли может быть простой случайностью». Он объясняет это явление тем, что в очень давние времена единый первичный материк разделился на глыбы, которые разошлись в стороны и образовали современные материки. Лишь в 1910 году немецкий геофизик Альфред Вегенер (1880—1930) создает так называемую теорию дрейфа материков, которая так похожа на

предположения ливенского астронома-любителя, что будто переписана у него. Поражает также близость воззрений Быханова на данные, добытые современной геофизикой.

Но, может быть, это случайное совпадение? Один раз попал в точку безвестный автор из глухой провинции да и все? Нет. И во второй книжке Евграф Васильевич делает поразительные выводы. Сто лет назад он излагает гипотезу образования Земли и Луны за счет скопления метеоритов. Новые идеи современных ученых развивают именно эту гипотезу...

И вот мы в бывшем домашнем гнезде этого оригинального человека. Война не пощадила дом, но его восстановили, перестроили, и он бережет память о земляке. Рядом — садик, в котором Евграф Васильевич устанавливал телескоп и наблюдал небо, а через дорогу — железнодорожный путь, где изредка прогромыхает поезд да глухо прозвучит гудок тепловоза. Хранительницей дома и памяти о Быханове и его потомках остается Надежда Федоровна Шарькина, любезная и добрая женщина, которая живет здесь вместе с сыном.

— Купили мы этот домик с ныне покойным мужем в 1961 году, а до этого проживали в слободе Стрелецкой, — делится она воспоминаниями. — Жила здесь до самой смерти внучка Евграфа Васильевича Ольга Григорьевна Говорова-Андреева.

Из беседы выясняется: после отъезда Быханова в Елец к сыну в 1898 году в доме осталась жить дочь Варвара Евграфовна Говорова с семьей, женщина начитанная и образованная. Сыновья ее, то есть внуки Быханова, Виктор, Александр и Григорий покинули родной дом после событий семнадцатого года, так как жили, можно сказать, зажиточно и боялись преследований от новой власти. Первые двое стали офицерами, воевали, заслужили государственные награды. Дочь Ольга из Ливен не уехала, осталась жить в отчем доме.

По свидетельству Н. Ф. Шарькиной, а ее родители находились в дружественных отношениях с Быхановыми-Говоровыми, Ольга закончила Ливенскую женскую гимназию, преподавала на дому, а после 1917 года работала в городском госбанке. С мужем она развелась, осталась дочка

правнучка Е. В. Быханова), которая умерла в детском возрасте. Как и дед, любила музыку, увлекалась литературой, играла на пианино, которое продала в связи с трудным материальным положением в военное время. Это была очень порядочная, интеллигентная женщина.

— Постоянно советовала мне учить детей музыке, — говорит Надежда Федоровна. — Советы помогли — дочь получила музыкальное образование и теперь преподает музыку.

Что касается Быханова, то Шарыкина помнит, как Ольга Григорьевна рассказывала: дедушка соорудил два телескопа и часто часами наблюдал за ночным звездным небом из сада или слухового окна на крыше. Приводил своих учеников для наблюдений. И много читал, а то и писал сам... Говорова-Андреева, последняя из ливенских потомков Быханова, страдала гипертонией и умерла в 1963 году.

Другая внучка, Ольга Михайловна, проживала в Москве. Вышеупомянутый профессор Леонов встречался с ней в пятидесятых годах и написал: «...она показала мне ноты, написанные Е. В. Быхановым. На стене в ее комнате висит сделанная им копия с картины Рафаэля. Она вспоминает, как дед, бывая в Петербурге, неделями пропадал в Эрмитаже, копируя картины. Внучка говорит: «Он «водил» нас по небу, рассказывал нам о море, о животных, о растениях, читал Загоскина так, что и мы и он забывали о том, где мы, и бродили с героями по Брынскому лесу. Высокий, седобородый, всегда спокойный и ласковый, он был очень внимателен к нам, детям».

Но не только астрономия, музыка, литература, искусство интересовали Е. В. Быханова. Он был замечательным садоводом. Вложил немало труда и знаний в создание плодового питомника при станции Долгоруково, что за Чернавой. Уцелела его книжечка «Разведение плодового сада в средней России», изданная в Липецке в 1912 году. «Само занятие садоводством безукоризненно с этической точки зрения, — говорится на первой странице. — Книгу природы особенно легко читать здесь, в саду, значение солнечного света и биологические законы природы как будто нарочно направились на ваше внимание». Далее он пишет о цели при

написании книги: «...посеять любовь к благоприятному и полезному занятию». И цель свою, наверное, Евграф Васильевич выполнил. Став подлинно русским самородком, посеял любовь и знания, заслужил у потомков должную оценку как первооткрыватель.

...Живет в Ливнах человек, которого по праву можно назвать последователем Быханова. Это Юрий Викторович Нестеров, тоже астроном-самоучка. Он учился в Киевском университете, но обстоятельства жизни не позволили ему получить образование.

С юных лет его мир — астрономия. Будучи второклассником, в начале шестидесятых прочитал о планете Марс и «заболел» им. Да так, что поразил библиотекарей:

— Дайте почитать что-нибудь о Марсе, — попросил восьмилетний мальчик.

Спал с этой книгой. И уже в пятом классе знал о небесных светилах больше любого десятиклассника. Сделал из очковых стекол телескоп, потом еще один. Служат они ему исправно до сих пор. В 1980 году К. И. Чурюмов в книге «Кометы и их наблюдение» отмечал: «Хорошо подготовленным наблюдателем, способным открывать новые кометы, является Ю. Нестеров, обнаруживший кометы 1974в и 1975h». «Кометчик» (так называет себя Юрий Николаевич) позднее вел наблюдения и других комет: Остина, Органо-Сайгуза, Фудзикава... Принят в члены астрономо-геодезического общества, ведет переписку с астролaborаториями...

Как и Быханова, Нестерова влечет к себе звездное небо.

ПУТЬ К ВОЗВЫШЕННОМУ

В довоенное время в Ливнах был замечательный музей, который существовал с 1919 года и пользовался большой популярностью. Располагался он на главной улице в здании бывшего Русско-Азовского банка. Зал искусства наряду с другими картинами украшали полотна Николая Дмитриевича Лосева. Такие, как «Притча о блудном сыне», «На рыбу с наметкой», «Лошадь упала». Война, прокатившаяся по ливенской земле, унесла богатства музея в неизвестность, картины Лосева также утрачены. Но память о ливенском художнике жива в воспоминаниях его современников, в сохранившихся картинах...

Родился Н. Д. Лосев в 1856 году в семье священника. Закончил Ливенское духовное училище. Пятнадцатилетним юношей уехал в Петербург поступать в Академию художеств. В то время академия, учрежденная указом правительствующего Сената 6 ноября 1757 года и ставшая центром культурной жизни России, переживала период утраты авторитета. Передовые художники уже с середины 19-го века боролись с официальным рутинным искусством, протестовали против консервативной системы академии с ее омертвевшими канонами, приверженностью к далеким от жизни темам...

В назначенный день в огромном экзаменационном зале собрались все поступающие. Были приготовлены столы, подставки, на столах разложены гипсовые слепки классических форм — руки, торсы, части лица. Розданы листы

бумаги и карандаши. Каждый выбирал для рисования любую гипсовую модель. На рисунок отводилось полтора часа времени. Внимательно приглядывался Коля Лосев к чуть тронутому тенями белому слепку, затем взял карандаш и начал...

Прозвенел звонок, и работы экзаменующихся отправляются в зал заседаний совета. Там решалась судьба юношей. Вызывали по очереди в алфавитном порядке.

— Лосев! — выкрикнул служащий в ливрее.

Николай вскочил со стула, бросился к распахнутой двери. Над мраморной статуей Екатерины Великой сидели чиновники в мундирах при орденах и лентах. Один из них поднялся и протянул ему рисунок:

— Вы не прошли...

Лосев остолбенел. Голова закружилась, ноги сделались ватными.

— Вы свободны, — как сквозь сон услышал он все тот же голос.

Потом взял рисунок и, качаясь, пошел прочь. Вышел на набережную, сел на гранитные ступеньки спуска к Неве, задумался. Его мечта разрушилась в одночасье. Что делать? Ехать домой в Ливны? Но где взять денег? Была еще одна возможность — попробовать добиться разрешения посещать занятия вольноопределяющимся. Ему удастся получить такое разрешение. Два долгих, полных лишения года ходил юноша на занятия, учился искусству живописи. Посещал и научные классы, где преподавали историю всеобщую и священную, литературу, анатомию, химию, физику. Уроков не пропускал, старался уловить то, что не дало духовное училище.

Большим авторитетом среди слушателей пользовался преподаватель Павел Петрович Чистяков, внедрявший в учебу все новое, подсказанное жизнью. Он выучил В. Сурикова, И. Крамского, И. Репина, В. Поленова, В. Васнецова... Через два года рука у Николая стала послушной мысли, глаз внимательным и точным. Юношу перевели на казенный кошт — государственное обеспечение. Общение, дружба и споры с художниками, изучение искусства прошлого, современного обогатили ум и душу. Талант, работо-

способность, желание принести пользу людям обусловили значимость нарисованного им. В 1883 году приходит успех: картина «Последние минуты князя Михаила Черниговского в ставке хана Батыя» удостоивается большой золотой медали. Он получает звание художника Российской академии художеств первой степени, звание художника двора Его Императорского величества. Получает командировку в Италию, в течение трех лет пишет большие полотна: «Невеста посвящает свои детские игрушки домашним Богам», «Ответ милому», «Отпущение рабыни на волю».

Ливенский краевед Юрий Николаевич Беляев, изучавший творчество земляка, отмечал: «На вернисаже Академии художеств в сезон 1887—1888 годов Лосев выставил «Отпущение»... За эту картину он был удостоен звания академика, самое высокое звание, которое мог получить российский художник».

На следующий сезон он экспонировал картину под названием «Недоразумение». В журнале «Вестник изящных искусств» были помещены восторженные дифирамбы... Эту картину приобрела вдовствующая императрица. Любившая живопись и сама писавшая картины, она попросила Лосева быть ее наставником...

Жизнь этого замечательного художника оборвалась в 1901 году.

Но все-таки первым ливенцем, проторившим дорожку в столичную академию художеств, был Вячеслав Григорьевич Шварц. Он жил в своем поместье, в селе Белый Колодезь, которое более известно ливенцам под названием совхоз «Спасский».

Родился земляк 4 октября 1838 года, учился в Петербургской академии в 1859—1863 годах. Признан как основоположник историко-бытового жанра в русской живописи. Передавал на полотнах реальную обстановку без прикрас, раскрывал своеобразие жизненного уклада русских людей правдиво. Его наиболее известные произведения: «Иван Грозный у тела убитого им сына», «Сцена из домашней жизни русских царей». Первая картина написана в 1864 году, вторая — год спустя.

Умер Вячеслав Григорьевич в молодом возрасте в 1869 го-

ду, находясь во втором своем имени в Курской губернии. Гроб с его телом крестьяне несли два десятка верст в Белый Колодезь на плечах — настолько уважали своего барина за доброту. Похоронили художника в склепе местной церкви. Почти сто лет прах его тихо покоился здесь, никому не мешая. Но так казалось внешне. Наступил 1965 год и пришло в село указание властей: выбросить останки Шварца на улицу. И выбросили. Но, как говорят, мир не без добрых людей. Ночью, тайком три местные старушки подобрали косточки и захоронили в двух десятках шагов от церкви. Остался на могиле небольшой бугорок...

Петербургскую Академию художеств закончил и другой ливенец — Иван Михайлович Проскурин, родившийся в 1850 году в семье мещан. В отличие от Лосева, он в 1872 году сразу выдержал экзамены в академию. Через два года прервал учебу, но спустя шесть лет поступил опять. В этом культурном центре России ежегодно в торжественной обстановке подводились итоги творческой деятельности художников. В огромном зале за большим столом сидели члены Художественного общества, преподаватели. Выдавали дипломы, награды. Вызывали по степени заслуг и вручали медали из драгоценного металла и конверты. В конвертах — дипломы, деньги. Иван Михайлович в разное время получил пять серебряных медалей — две большие и три малые.

После окончания академии Проскурин занимал должность инспектора Петербургского высшего художественного училища и продолжал писать картины. Особое внимание на выставках привлекали живописные полотна «Вид на Галерной гавани», «Березовый лес при вечернем освещении». Зрители останавливались перед картиной «Зимняя ночь в Орловской губернии», которая была навеяна художнику пребыванием в родном ливенском крае. Умер земляк в 1901 году.

Если Лосев и Проскурин — ливенцы, то Лев Михайлович Жемчужников (1828—1919) — один из братьев знаменитой триады Жемчужниковых — не является уроженцем Ливен, но бывал не раз в уезде, жил здесь, и, безусловно, Ливенщина оказала влияние на его творчество. Учился он в Петербургской Академии художеств и за границей. Испытав

Влияние известного живописца П. А. Федотова, писавшего на темы быта, Лев Михайлович создал правдивые картины. Продолжительное время жил на Украине, был дружен с великим кобзарем Тарасом Григорьевичем Шевченко и реалистично показал жизнь и быт братского народа. Особенно ценны его офорты (отпечатки с гравюр на меди или цинке) из серии «Живописная Украина», в которых он продолжил реалистические традиции Шевченко.

О Петре Алексеевиче Леонове (1910—1982), уроженце села Лютое, заслуженном художнике РСФСР, члене-корреспонденте Академии художеств, помещен очерк в предыдущей книге «Страницы ливенской жизни». Все новое, родившееся в отечественном фарфоре, связано с его именем. Проработав без малого сорок лет главным художником Дулевского фарфорового завода, он стал лауреатом Государственной премии имени И. Е. Репина, получил за свои произведения большие золотые медали на всемирных выставках в Париже и Брюсселе.

...За слободой Заливенской на реке Сосне и сейчас высится кирпичная коробка пятиэтажного здания внушительных размеров с пустыми проемами окон. Это — Адамова мельница. Построил ее еще в царское время один из самых маститых купцов, известный, пожалуй, на всю Россию, — Михаил Федорович Адамов. 6 января 1913 года в его семье родилась дочь, которую назвали Евгенией. Революционная буря семнадцатого года разметала семью и дом купца. Начались скитания по стране. Москва, Украина, Туркмения. Живя на Украине, Евгения закончила педагогический техникум, некоторое время преподавала на Харьковщине. В 1932 году семья Адамова находит окончательное пристанище в Ашхабаде.

«Отец мечтал, чтобы я стала врачом, — вспоминала Евгения Михайловна. — И уступив его желанию, я училась в медицинском институте. Но влечение к живописи одержало верх». В 1936 году она покидает институт, окончив два курса, и становится студенткой Туркменского училища имени Шота Руставели. Через три года заканчивает его с отличием, а в 1941 году дебютирует на республиканской

художественной выставке с полотном «Первые шаги». Таблетка заслужила внимание знатоков живописи.

Вскоре загорелся пожар Отечественной войны. Два брата Евгении Михайловны призываются на фронт. Младший — Игорь, погибает в первый год войны в боях под Одессой. Тяжело переносит она эту невосполнимую утрату. Глубокие переживания, посещения госпиталей с тяжелоранеными выливаются на полотна... Создаются картины «Доноры», «У постели раненого сына». В 1943 году наваливается еще горе — на Орловско-Курской дуге погибает старший брат Сергей. Страдания она заглушает интенсивной работой, которую ведет в Туркменском телеграфном агентстве, создавая злободневные плакаты на тему быстрого разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Но вот приходит долгожданная победа, и на полотнах Евгении Михайловны — тема мирного труда и быта Туркменистана. Наиболее значительными считаются следующие ее произведения: 1948 год — «На досуге», 1950 — «Новая песня», 1957 — «Все-таки буду учиться». Двадцать лет она работала заместителем председателя Союза художников Туркменистана. В 1956 году удостоена звания «Заслуженный деятель Туркменской ССР», а в 1964 году — звания народного художника республики, в 1968 году получила национальную премию имени Махтумкули.

Родные ливенские края, вероятно, запали в душу Евгении Михайловны на всю жизнь. Краевед Ф. В. Ковалев в одной из публикаций приводит строки из ее письма: «...Вам, может быть, покажется странным, но, поверьте, это правда — я часто думаю о Ливнах, о том, каким стал город сейчас...» Е. М. Адамова подарила местному краеведческому музею несколько своих работ.

...Впервые с этим замечательным человеком довелось встретиться в начале шестидесятых годов. Мы с приятелем пришли в его приземистый домик у реки в слободе Беломестной, почти рядом с мостом. В правой половине было жилье, в левой — мастерская. Мастерской небольшую комнатку можно называть условно: три крошечных окошка, потолок — рукой достать, а кругом — картины, гравюры, свитки ватмана. Краски в тубиках и банках, распространя-

ющие сладковатый запах олифы. На грубо сколоченном столе — металлический пресс для снятия оттисков с линогравюр. Александр Никифорович Селищев, с которым меня познакомил приятель, с темпераментом сильно увлеченного человека показывал свои работы. В то время он осваивал искусство линогравюры и подарил свою картину «Строительство моста в Ливнах». До сего времени висит она в моей квартире...

Начало биографии Александра Никифоровича Селищева мало чем отличается от биографий его сверстников. Родился в 1922 году в Ливнах, в годы войны воевал на разных фронтах. После победы вернулся в родные края с наградами. Он вспоминает о том времени: «Город полуразрушен. Школы сожжены и разрушены. Электричества нет. Занятия идут в случайных помещениях при керосиновых лампах... По развалинам бегают одичалые, не стриженные ребятишки, потерявшие своих отцов и старших братьев. Сколько их стало инвалидами и сколько их погибло от запалов, мин и патронов, которых было всюду множество! Этим ребятишек надо было чем-то занять, чему-то научить. Условия очень тяжелые, но наше поколение, прошедшее через годы войны, было настроено оптимистично и отдавало все свои силы на восстановление жизни. Мы не ждали, что кто-то придет и сделает все для нас... Кроме школьной работы, многие организовали кружки и студии. В Ливнах, как только отстроился Дом культуры, жизнь сразу оживилась. Стали работать различные кружки и собираться любители изобразительного искусства, образовалась изостудия, через которую прошло много различных любителей и учащихся школ...» О себе не сказал ни слова этот человек необыкновенной скромности. А он, приехавший в родной город после окончания Елецкого художественного училища, зажигал всех своим энтузиазмом и подвижничеством, обивал пороги разных учреждений и добился своего — изостудия в Ливнах была открыта. И двенадцать лет просуществовала, став кузницей юных художников и очагом городской культуры. Он не успокаивается. В 1979 году при его непосредственном участии открывается детская художественная школа, где он становится директором.

Но художник — прежде всего художник. В 60-е годы он увлекается гравюрой — выполнил работы «Строительство моста в Ливнах», «Тургенев и музыка», «Старые и новые Ливны», другие. Делал зарисовки на заводах рабочих у станков и вагранок, по селам — механизаторов, портреты знаменитых ливенцев. Обращался к образам родной природы. Использует различную технику исполнения: акварель, масло, офорт, пастель. Участвует в многочисленных выставках. Последние годы оформляет книги. В настоящее время Александр Никифорович проживает в Киеве, заглядывает на родину, с великой радостью ищет встречи со старыми друзьями.

Немало учеников Селищева продолжили дело своего учителя — стали художниками-профессионалами, педагогами. Один из них — Вячеслав Кубарев, воспитанник изостудии, известный художник-график, родился в 1941 году. Учился в Орловском педагогическом институте. По рекомендации художника профессора Андрея Ильича Курнакова поступил в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова, который успешно закончил. Большое влияние на его творчество оказал академик Е. А. Кибрик. Герои произведений Кубарева — строители, воины, сельчане. Работал на родине — в совхозе имени Георгиевского, написал портреты земляков. В частности, героя труда Н. Д. Деева. За серию рисунков «Нурекская ГЭС», «Люди БАМа», «Строители КамАЗа» члену Союза художников России В. Кубареву присуждена премия комсомола. Живет и работает в Москве, часто навещает в Ливны.

Творческая биография уроженца деревни Грязцы Виталия Фомича Свеженцева тоже начиналась в Ливнах. Работал плотником в строительном управлении и посещал изостудию. Потом закончил Пензенское художественное училище, а в 1973 году — художественно-графический факультет Курского педагогического института. С 1981 года — член Союза художников. Начинал свою творческую деятельность с портретного жанра. Написал портреты многих людей старшего поколения. Много работает в области монументальной пропаганды, создал мемориальные памятные доски, посвященные орловцам Д. Давыдову, И. Тургеневу, И. Бунину, Д. Писареву, барельефы И. Новикова.

многочисленных выставках.

Членами Союза художников нашей страны стали также ученики А. Н. Селищева В. А. Сысоев, А. С. Никитин.

Живет в Ливнах и художник-краевед. Это Владимир Артамонов. Еще учась десять лет назад в Орловском художественном училище, начал он осваивать технику живописи 19-го века с тщательным изображением деталей. Взял старинные фотографии с видами города. «Больше всего меня зачаровали церкви. Захотелось хотя бы на холсте возродить порушенную красоту». И стал молодой художник создавать цикл картин «Старые Ливны». Первой написал «Церковь Новая Никола», потом из-под кисти вышла «Адамова мельница», затем другие. Пишет он и пейзажи современной Ливенщины.

...Когда готовился этот материал, директор художественной школы Николай Ильич Шеламов обязательно просил не забыть о «певце ливенского края», как он сказал, ныне покойном художнике Александре Михайловиче Мишине, кстати, тоже ученике Селищева. «Это художник-романтик, его творчество отличается поэтичностью, любовью к земле ливенской», — рассказывал Николай Ильич.

ИХ РОДИНА — ЛИВЕНСКИЙ КРАЙ

Галактика состоит не только из звезд первой величины, но и из звездных россыпей, иногда совсем мелких, однако без них не было бы звездного неба.

В. Г. Лидин

исатель-ливенец Алексей Васильевич Ионов писал в своем очерке «Волшебный язык»: «Ливны — город моего отрочества. Мы, школьники, бывало, частенько заходили в музей, подолгу стояли с раскрытыми от удивления и любопытства ртами у найденных при археологических раскопках в окрестностях города бивней мамонта, наконечников стрел, стальных кольчуг,

шлемов, полу-сгнивших долбленых челнов. Но больше всего нас изумлял белый лакированный рояль. Он стоял на невысоком прямоугольном помосте, сияющий, изящный, непорочно белый, точно лебедь, и, казалось, готовый был вот-вот взмахнуть крылом и улететь. Это был рояль композитора Аренского...»

Каким же образом попал в провинциальный тихий городок рояль известного русского композитора, пианиста и дирижера?

Антон Степанович Аренский — уроженец новгородской земли. В 1882 году окончил Петербургскую консерваторию по классу Римского-Корсакова, стал профессором Московской консерватории. Сочинения его отличаются искрен-

Но не описание его музыкальной биографии ставим мы целью.

В 1886 году великий русский композитор Петр Ильич Чайковский писал своему ученику С. И. Танееву на Орловщину: «Если будете мне писать, дайте каких-нибудь сведений об Аренском». Чайковский спрашивал Танеева об Аренском потому, что двух последних помимо страсти к музыкальному искусству связывала привязанность к орловскому краю. Аренский часто приезжал и подолгу жил в Ливнах, где в уезде находилось имение его жены, уроженки Ливенщины. Выступал перед любителями музыки, в этих местах к нему приходило вдохновение для создания произведений. Аренского здесь приветливо встречали, и в благодарность за это он подарил ливенцам свой личный рояль. Эта реликвия была помещена в музей, на ней красовалась латунная табличка с выведенными гравером вензелями текста: «Подарок городу Ливны от композитора А. Аренского».

Правда, в период после революционной бури, в начале двадцатых годов, про рояль забыли. Напоминал о ценном подарке один из орловских газетных репортеров, написав, что рояль запылится, весь в грязи и на нем бренчат все, кому не лень. Позднее инструмент вновь стал под присмотром. Еще помнят о нем старожилы. В конце сорок первого его здесь видели в последний раз, после эвакуации музея подарок Антона Степановича Аренского исчез...

Если же писать о деятелях музыкальной культуры, уроженцах Ливенщины, то о первом, безусловно, — Николае Александровиче Мельгунове. Родился он в 1804 году в селе Петровское. В Благородном пансионе в Петербурге учился вместе с будущим выдающимся композитором Михаилом Глинкой. Одногодки и однокашники, познакомившиеся в четырнадцать лет, они через всю жизнь пронесли дружбу и уважение друг к другу.

Окончив ученье, Николай поступает на государственную службу в Московский архив иностранных дел. Сближается в кружке «любомудров» с одним из основоположников русского классического музыкознания В. Ф. Одоевским.

Человек разносторонних интересов, Мельгунов зани-

лся становления таланта Глинки и популяризации его творчества. Оперу «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») довелось впервые прослушать Мельгунову, и он стал первым музыкальным критиком этой оперы. «...Глинка будет основателем русской музыкальной школы», — написал он в заключение статьи. Ливенский друг Глинки — автор первых в России трудов о творчестве Бетховена, Берлиоза, Вагнера. Как музыкального критика его высоко ценили Герцен, Белинский, Стасов.

Занимался он и композиторской деятельностью, переложив на музыку стихи Дельвига, Тютчева. Особой популярностью во второй четверти прошлого века пользовался его романс на слова Пушкина «Я помню чудное мгновенье». Часто он встречался в Париже с И. С. Тургеневым. «Милейший и добрейший человек», — так говорил Иван Сергеевич о Мельгунове, а в письме к нему писал: «Музыку вашу я показывал Виардо — и она ее хвалила». В 1832 году изданы семь его романсов и песен на слова Пушкина и Баратынского.

В одной из своих статей земляк писал: «Нам, русским, следует относиться свободнее к чужим теориям в искусстве. Для чего непременно раболепствовать перед итальянцами, либо перед немцами?» Эти слова особенно злободневное звучание получают сегодня.

До конца дней своих Николай Александрович Мельгунов не забывал свою малую родину — село Петровское, часто навещался сюда, стараясь наладить хозяйственные дела, отдыхал, писал. Многие статьи подписывал псевдонимом «Н. Ливенский», словно подчеркивая этим свои корни. Умер он в Москве в 1867 году.

А вот Александр Леонтьевич Маслов часто под своими статьями ставил подпись «А. Ливин», что указывало на его происхождение. Родился он в селе Благовещенском в 1874 году, получил музыкальное образование в музыкально-драматическом училище при Московском филармоническом обществе и сразу же принялся за изучение музыкального фольклора Орловщины. В 1900 году выходит его работа «Лирники Орловской губернии», в которой автор пишет о своих земляках: «...Во время пребывания моего в Ливенском

уезде мне пришлось услышать пение слепых нищих: старика, старухи и мальчика-поводыря... Пение их сопровождалось игрой старика на невиданном мною дотоле инструменте. Этот инструмент оказался так называемой у нас малороссийской лирой».

Александр Леонтьевич был заинтересован увиденным инструментом и через крестьянина Студенникова заказал в селе Ольшаны изготовить такую же лиру. Маслов научился играть на ней, а потом написал вышеназванную работу. Вскоре подготовил еще книгу — «Напевы лирницких стихов Ливенского уезда», которая представляет ценность в связи с публикацией в ней нот и текстов песен орловских лирников. Через короткое время опубликовал труды по этнографии народов Поволжья, Беломорья, Белоруссии, одновременно занимаясь педагогической деятельностью в Московской народной консерватории.

Много внимания уделял он пропаганде музыкального искусства, по его инициативе проводились концерты народной музыки, им написано несколько популярных учебников по музыке и пению. Долгое время сотрудничал в «Русской музыкальной газете», а в 1908—1912 годах издавал и редактировал журнал «Музыка и жизнь». Известен он и как музыкальный критик, сделавший рецензии на произведения Мусоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова.

Однако яркому таланту и трудолюбию земляка раскрыться до конца не удалось. Началась первая мировая война, и он как истинный патриот России уходит воевать добровольцем. В одном из сражений на австрийском фронте Александр Леонтьевич Маслов 13 октября 1914 года был убит.

Там же, где и Маслов, — в музыкально-драматическом училище при Московской филармонии учился другой ливенец — Иван Сергеевич Тезавровский, сын ливенского священника, выпускник Ливенского духовного училища. Он был очень дружен с орловским композитором В. С. Калининским. В течение нескольких десятков лет работал артистом оркестра Большого театра. Исполнительскую деятельность сочетал с педагогической в Народной консерватории, в Московском музыкальном училище. Занимался также и

исследовательской работой — изучал народный фольклор Орловщины и Архангельска, сотрудничая в Государственном институте музыкальной науки, считался «незаменимым специалистом по расшифровке фонографических записей». Умер Тезавровский в 1941 году в возрасте семидесяти лет.

Получил известность в музыкальных кругах и еще один наш земляк — Буцкой Анатолий Константинович, родившийся в 1892 году в селе Россошном Ливенского уезда. Азам музыки научила его мать, известная скрипачка Е. Н. Вонсовская. Поступил в Киевскую музыкально-драматическую школу, после ее окончания в 1916—1918 годах совершенствовался в Киевской консерватории по классу композиции у Р. М. Глиэра и Б. Л. Яворского. В советское время занимается педагогической деятельностью, пишет исследовательские работы в области музыкального искусства. Учебник земляка «Структура музыкального произведения» стал настольной книгой студентов музыкальных учебных заведений.

В 1935 году Анатолий Константинович удостоился звания профессора, в 1941 году стал доктором искусствоведения. До конца своих дней, умер он в 1965 году, А. К. Буцкой вел активную научную и общественную деятельность.

СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ

ровень медицинского обслуживания и здравоохранения на Ливенщине в разное время соответствовал уровню развития науки, техники, экономики страны, был соизмерим с общегосударственным, но всегда отставал от западноевропейского. В конце прошлого века в Ливнах и уезде врачебной и санитарной деятельностью в общей сложности занималось 180 человек, то есть один человек приходился на 1600 жителей. В последнее десятилетие 19-го века трижды вспыхивала эпидемия холеры, население сел и деревень иногда косил тиф, отмечались случаи оспы, малярии. В начале нынешнего столетия в городе функционировало два лечебных учреждения: уездная земская больница на 35 коек и городская лечебница. Одноэтажный деревянный корпус больницы построен в 60-е годы, а двухэтажный кирпичный — в 80-е годы прошлого столетия. Здесь трудились четыре врача: А. Г. Колпенский, Н. В. Пуйкевич, Г. Н. Чеботарев, Д. И. Нацкий. Работали они напряженно — приходилось излечивать и больных стационара, и посещающих амбулаторию. А еще ранее в Ливнах земским врачом работал Л. П. Александров, который в 1887 году уехал в Москву.

Резко ухудшилось состояние ливенской медицины после империалистической войны и событий 1917 года. В 1921 году на территории уезда свирепствовали сыпной и брюшной тиф, дизентерия, дифтерия. Но уже через несколько лет эти болезни пошли на спад, а потом и вообще исчезли до сере-

дней сороковых годов. Большой вклад в ливенскую медицину внес замечательный врач Михаил Николаевич Маслов. Еще в старое время на собственные средства он построил больницу в районе села Петровка. Она до настоящего времени служит людям под официальным названием Новоевковская, но в народе ее до сего времени зовут «Масловская». Это был высокообразованный врач, по происхождению помещик, типичный представитель земской медицины, отличный педагог и организатор. Прошел ординатуру в Москве, его по праву нынешние врачи называют основоположником специализированной медицинской помощи в районе. Он пригласил к себе на работу молодых коллег — хирурга Удовыдченкова и гинеколога Щеглову, которые делали сложные операции и спасли жизнь многим людям. Организуются глазная лечебница, различные отделения, начинает работать зубной врач, открываются три аптеки. К 1925 году создается хирургическое отделение на 45 коек, больница располагает уже 165 местами, организуется туберкулезный диспансер.

Но к врачу-патриоту Маслову власти были весьма неблагоприятны за его «буржуазное прошлое». В 1918 году изгоняют из имения, которое благодаря его повседневным трудам превратилось в благоухающий уголок природы. И в ливенский период жизни ему нет покоя. Например, в газете «Красное Знамя» Елецкого округа, в который тогда входили Ливны, помещается фельетон под названием «Гомеопатия» на М. Н. Маслова. Автор язвительно пишет: «...помещик, спекулировавший своими знаниями и получавший за это жалованье от земства, сбежал после Октября к белым, но скоро повернул оглобли, почувствовал себя старым чудаком-помещиком ...был настоящим старорежимным держимордой...» И все это опубликовано через неделю после похорон врача! «В морозном воздухе, — продолжает газета, — зычно гудели колокола всех церквей, бесконечное количество венков «дорогому и любимому» плыло среди пестрой толпы...»

Лукавит газета по поводу «старорежимного держиморды». Так, Мария Семеновна Монаенкова вспоминала: «Я работала медсестрой у Маслова. Честный и душевный

человек. Как-то было сооруже́но в больнице, у меня угра́ны пальто с вешалки. Михаил Николаевич узнал об этом, подошел:

— Не волнуйтесь, все уладится.

И дал мне 200 рублей, на которые я купила новое пальто».

А прачка Евдокия Колосова свидетельствовала: «Барин был добрый, простой народ лечил бесплатно. В Ливнах его однажды посетили двое крестьян из Козловки. Он попросил их привезти сундук спрятанный. Рассказал, где разыскать его. По замерзшей реке переправились на санях крестьяне, нашли сундук, привезли Маслову. Попросили показать, что за тяжелый груз в нем. Михаил Николаевич открыл крышечку. Сундук ломился от книг...»

В 1929 году, когда по стране покати́лось «красное колесо», Маслов изгоняется с работы, лишается избирательных прав, исключается из профсоюза. И, если верить данным, приведенным в книге ливенца С. Леонова, врач глубоко переживает случившееся и принимает яд в ответ на несправедливые преследования...

Следующий этап местной медицины напрямую связан с деятельностью Петра Саввича Баженова. Родился он в 1885 году в Москве, в семье служащего, окончил медицинский факультет университета. Сначала работал в Голицынской московской больнице, но когда разразилась первая мировая война, был призван на фронт, где оказывал помощь раненым. В гражданскую стал старшим врачом полевого госпиталя. В 1922 году приезжает в Ливны и остается здесь навсегда. Проявляет себя с самой лучшей стороны, овладев техникой ряда уникальных операций, организацией активной медицинской помощи. За период с 1929 по 1941 годы подготовил одиннадцать хирургов, его имя встречается в трудах известнейших врачей того времени, он выступает с научными сообщениями в печати, на заседаниях обществ в Москве и Ленинграде. С первых дней Отечественной войны — в действующей армии, формирует эвакогоспиталь в Ливнах, с августа 1942 года становится его главным хирургом. После окончания войны заведует хирургическим отделением Ливенской городской больницы, становится заслуженным врачом республики, награждается тремя ор-

денами. Умер П. С. Баженов в 1964 году, оставив неизгладимый след в ливенской медицине. Одна из улиц города названа его именем. Жива память о нем и в подготовленных им специалистами.

В Ливнах, пожалуй, после Петра Саввича Баженова не было более известного хирурга, чем Василий Николаевич Сабаев. Около сорока лет лечит он ливенцев. И если с человеком случился серьезный недуг, требующий операции, и он попадает на лечение к этому хирургу, то на душе становится спокойнее — опытнее Василия Николаевича в больнице нет...

Родился он в поселке Орловчик, что под Островом. Закончил среднюю школу в селе Оберец в 1953 году и поехал в Воронеж поступать в медицинский институт. Почему именно в медицинский? Причина простая. Во время войны получил травму, перенес операцию в Лютовском госпитале, долго лежал там на излечении. Видел, как врачи бились над лечением раненых бойцов, сам воочию испытал, как спасали его. И полюбилась молодому человеку профессия врача. Правда, теперь Василий Николаевич сомневается: может быть лучше стать бы юристом, ведь все-таки четыре курса юрфака закончил. Но что теперь тужить — судьба распорядилась по-другому: быть врачом.

Учеба в институте шла хорошо, только материальное положение было неважное. Отец погиб на фронте под Ливнами, у мамы, сельской учительницы, осталось четверо детей. Помогала чем могла, но приходилось Василию в студенчестве фельдшером подрабатывать и еще кое-где. Доверяли ему товарищи и преподаватели — избрали старостой группы и факультета. А проректор даже поставил «старостой кочегарки» (так шутливо называет свою «должность» во время работы в котельной института Василий Николаевич). Время — неудобное, ночное, зато в полтора раза повысили стипендию.

В 1958 году повезло: приехал в Ливны на практику, пришел к Баженову, тот встретил дружелюбно:

— Будешь у меня помощником. Приглядывайся, учись, смелее осваивай операции.

Наверное, полюбился Петру Саввичу практикант, если никак не отпускал студента. Подписал бумаги лишь после

человек. Как-то было собрание в больнице, у меня украли пальто с вешалки. Михаил Николаевич узнал об этом, подошел:

— Не волнуйтесь, все уладится.

И дал мне 200 рублей, на которые я купила новое пальто».

А прачка Евдокия Колосова свидетельствовала: «Барин был добрый, простой народ лечил бесплатно. В Ливнах его однажды посетили двое крестьян из Козловки. Он попросил их привезти сундук спрятанный. Рассказал, где разыскать его. По замерзшей реке переправились на санях крестьяне, нашли сундук, привезли Маслову. Попросили показать, что за тяжелый груз в нем. Михаил Николаевич открыл крышку. Сундук ломился от книг...»

В 1929 году, когда по стране покатилося «красное колесо», Маслов изгоняется с работы, лишается избирательных прав, исключается из профсоюза. И, если верить данным, приведенным в книге ливенца С. Леонова, врач глубоко переживает случившееся и принимает яд в ответ на несправедливые преследования...

Следующий этап местной медицины напрямую связан с деятельностью Петра Саввича Баженова. Родился он в 1885 году в Москве, в семье служащего, окончил медицинский факультет университета. Сначала работал в Голицынской московской больнице, но когда разразилась первая мировая война, был призван на фронт, где оказывал помощь раненым. В гражданскую стал старшим врачом полевого госпиталя. В 1922 году приезжает в Ливны и остается здесь навсегда. Проявляет себя с самой лучшей стороны, овладев техникой ряда уникальных операций, организацией активной медицинской помощи. За период с 1929 по 1941 годы подготовил одиннадцать хирургов, его имя встречается в трудах известнейших врачей того времени, он выступает с научными сообщениями в печати, на заседаниях обществ в Москве и Ленинграде. С первых дней Отечественной войны — в действующей армии, формирует эвакогоспиталь в Ливнах, с августа 1942 года становится его главным хирургом. После окончания войны заведует хирургическим отделением Ливенской городской больницы, становится заслуженным врачом республики, награждается тремя ор-

деными. Умер П. С. Баженов в 1964 году, оставив неизгладимый след в ливенской медицине. Одна из улиц города названа его именем. Жива память о нем и в подготовленных им специалистах.

В Ливнах, пожалуй, после Петра Саввича Баженова не было более известного хирурга, чем Василий Николаевич Сабаев. Около сорока лет лечит он ливенцев. И если с человеком случился серьезный недуг, требующий операции, и он попадает на лечение к этому хирургу, то на душе становится спокойнее — опытнее Василия Николаевича в больнице нет...

Родился он в поселке Орловчик, что под Островом. Закончил среднюю школу в селе Оберец в 1953 году и поехал в Воронеж поступать в медицинский институт. Почему именно в медицинский? Причина простая. Во время войны получил травму, перенес операцию в Лютовском госпитале, долго лежал там на излечении. Видел, как врачи бились над лечением раненых бойцов, сам воочию испытал, как спасали его. И полюбилась молодому человеку профессия врача. Правда, теперь Василий Николаевич сомневается: может быть лучше стать бы юристом, ведь все-таки четыре курса юрфака закончил. Но что теперь тужить — судьба распорядилась по-другому: быть врачом.

Учеба в институте шла хорошо, только материальное положение было неважное. Отец погиб на фронте под Ливнами, у мамы, сельской учительницы, осталось четверо детей. Помогала чем могла, но приходилось Василию в студенчестве фельдшером подрабатывать и еще кое-где. Доверяли ему товарищи и преподаватели — избрали старостой группы и факультета. А проректор даже поставил «старостой кочегарки» (так шутливо называет свою «должность» во время работы в котельной института Василий Николаевич). Время — неудобное, ночное, зато в полтора раза повысили стипендию.

В 1958 году повезло: приехал в Ливны на практику, пришел к Баженову, тот встретил дружелюбно:

— Будешь у меня помощником. Приглядывайся, учись, смелее осваивай операции.

Наверное, полюбился Петру Саввичу практикант, если никак не отпускал студента. Подписал бумаги лишь после

окончания института. Обещание выполнил, прибыл в Ливны, но к Баженову не попал — направили главврачом в Новоселковскую больницу Никольского района, где когда-то работал знаменитый М. Н. Маслов. Вновь повезло — прибыл к нему способный хирург Сергей Михайлович Шеламов, опыт свой не держал при себе, передавал молодому врачу. На лету схватывал Сабаев советы, операции стал проводить сложные. Слава пошла в округе: начинающий врач, но надежный, ему можно довериться. Даже из Ливен приезжали больные, просили, чтобы именно он сделал операцию. Василий Николаевич не отказывал — наработка квалификации ему была очень кстати.

Когда ушел из жизни Баженов, некоторое время спустя вызвали в облздравотдел:

— Придется поработать в ливенской больнице.

С того времени и трудится он здесь хирургом.

— И в Москву перебраться три раза предлагали, и в Орел. Места давали престижные. Ездил, смотрел. Нет, не поехал, — делится воспоминаниями Сабаев.

Прикипел к нашему городу врач, сделал более шести тысяч серьезных операций на органах желудочно-кишечного тракта, осуществил и две операции на сердце. Сколько жизней он спас, скольким облегчил страдания!

Спрашиваю: какая операция запомнилась больше всего, была самой трудной? После объяснений понял: вопрос так ставить нельзя. Все операции трудные, требуют полной мобилизации знаний, опыта, нервов. Но бывают все-таки такие, с помощью которых человека буквально «вытаскивают с того света».

— Помню мальчишку Васю. Привезли его из села, — рассказывает Василий Николаевич, — машина по нему проехала. Шансов на спасение практически никаких. Разрыв почки, селезенки, кишечника. Часа три-четыре «колдовали», все испробовали — спасли. Вынес мальчуган, выжил. Заходил потом...

Врач-хирург в любое время суток должен быть начеку: несчастные случаи требуют немедленных операций, послеоперационные осложнения бывают. Сабаева можно увидеть

призидки. За внешне спокойным (а порою на пределе нервов) состоянием кроется ежечасная и ежеминутная работа. Все удаchi и неудачи проходят через душу и сердце хирурга.

У него богатое профессиональное потомство. Он подготовил более восьмидесяти врачей-хирургов; имеет восемь опубликованных печатных работ. Высокую оценку квалификации дает он своим ученикам: В. Ковалеву, который лечит людей в Колпне, ливенцам Николаю Васильевичу Савельеву, Юрию Алексеевичу Грибову, Андрею Васильевичу Цельковскому. Многие его питомцы работают за пределами Ливен, а Василий Александрович Семенов — заведующим отделением урологии в институте усовершенствования врачей в Петербурге.

Благодаря усилиям Василия Николаевича и возглавляемого им коллектива хирургического отделения значительно повышен уровень используемой медицинской техники. В последние годы освоена исследовательская эндоскопическая аппаратура с волоконной оптикой. Он говорит, что в последнее время работает лучше: квалификация хирургов улучшилась, выросло их число, они овладели новой техникой. Отделение хирургии на хорошем счету в области, на его базе неоднократно проводились научно-практические конференции по обмену опытом...

Слава идет и о другом враче — Вениамине Матвеевиче Безъязыкове, заведующем травматологической службой.

Когда он приехал в Ливны (было это в 1960 году), то загрустил: разве сравнишь живописное Забайкалье с незнакомыми степными местами? Старые ветхие здания больницы тоже не порадовали. Вспомнились Иркутский медицинский, друзья... С самого начала Безъязыков целиком окунулся в работу, проявил новаторский характер. Тогда делались первые шаги по пересадке зубов и внедрению метода соединения костей с помощью металлического стержня, молодой врач стал одним из энтузиастов нововведений. В конце шестидесятых сделал операцию на сердце. Затем стал заведующим травматологическим отделением. Под его руководством осваивается серия новых операций по восста-

ся в практику разработки других клиник.

У Безъязыкова более двух десятков удостоверений на рационализаторские предложения. Такие новинки он придумал: «Стол для одномоментного восстановления сломанных позвонков», «Чехлы на конечности при обморожениях», «Приспособление для сращивания костей таза» и многие другие. Все направлено на то, чтобы уменьшить срок выздоровления, сделать человека здоровым и работоспособным.

На всю жизнь осталась в памяти Безъязыкова борьба со столбняком в Ливенском районе. На стыке шестидесятых — семидесятых годов от этой коварной болезни погибли несколько человек. Путь к победе над ней один — профилактические прививки всему населению. Это не так просто, как кажется. Врачи в содружестве одолели эту болезнь. Коллектив травматологического отделения, руководимого Вениамином Матвеевичем, — творческий, дружный. За год в стационаре проходят лечение до восьмисот человек. А совсем недавно вышла в свет его книга о достижениях ливенской медицины. Поделился он в ней с читателями и своими многочисленными новшествами...

Немало выпускников ливенских учебных заведений избрали путь служения людям с помощью медицины. Среди них первым назовем имя Николая Николаевича Феноменова, родившегося в Ливнах в 1855 году. Закончил Петербургский университет, медико-хирургическую академию. В 1885 году защитил диссертацию на получение степени доктора медицинских наук. Работал в Казанской клинике, затем перешел на кафедру акушерства Петербургского женского медицинского института. Ему принадлежит около сорока печатных работ в области акушерства и гинекологии.

Среди более позднего поколения ливенцев работают в области медицины Строев Юрий Иванович, доктор медицинских наук, профессор медицинского института в Петербурге; Мишин Григорий Иванович, кандидат медицинских наук, многие другие. Наиболее типична для этого поколения биография Анатолия Павловича Ерохина, выпускника первой школы.

... — вместе с аттестатом зрелости получил серебряную медаль. Поступил на педиатрический факультет Харьковского медицинского института. На пятом курсе в связи с материальными затруднениями устроился фельдшером в туберкулезную больницу. После окончания института поезд уносит Анатолия в Тернопольскую область. Стал заведующим сразу двух отделений: детского и хирургического. Забот хватало, только дежурить приходилось до семнадцати раз в месяц. Работа ладилась, его заметили в областном центре, предлагали стать главврачом одной из больниц. Отказался, уехал в столицу, устроился в клиническую ординатуру. С большим интересом занимается наукой. Поступает в аспирантуру, в 1968 году защищает кандидатскую диссертацию, через пятнадцать лет — докторскую. Бывал в творческих командировках во многих странах мира, им написано более двухсот научных работ. Трудится ради здоровья детей, частенько бывает в родных Ливнах.

...Есть в административном корпусе городской больницы стенд, посвященный истории ливенской медицины, ее людям. Из него можно узнать, что большой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков внесли местные медики. С первых дней войны на фронт ушли Гончарова М. С., Сапрыкина А. В., Архипова Е. В. В 1943 году на Курской дуге под Белгородом вступила в должность старшего врача 204-го минометного полка Мария Тимофеевна Жукова. Когда грянула война, она училась на последнем курсе Сталинградского медицинского института. После окончания — краткие курсы военной хирургии и фронт. Сотни раненых бойцов и офицеров прошли через ее руки, большинство из них она вернула в строй. На Сандомирском плацдарме сама получила ранение от осколка мины. Закончила боевой путь в Праге. С 1958 года — в Ливнах. Сначала трудилась терапевтом, потом — врачом функциональной диагностики, награждена знаком «Отличник здравоохранения».

Доброе слово вспоминают больные и товарищи по работе Александру Григорьевну Никулину, врача подросткового кабинета, которая вот уже почти сорок лет стоит на

страже здоровья детей, Людмилу Григорьевну Силаеву, бывшую заведующую поликлиникой, Лидию Матвеевну Левкович, Виктора Ивановича Мартынова, с именем которого связано становление лабораторных исследований, Тамару Давыдовну Очневу, бессменного врача Сахзаводской больницы, проработавшую на ниве медицины более четырех десятков лет.

Богатый опыт, прочные знания, доброту ветеранов как эстафету взяли и достойно несут Ольга Семеновна Купавых, Алла Борисовна Стребкова, Лидия Ивановна Малявина, Ольга Евгеньевна Козьма, Алевтина Ивановна Капитанова. А все хлопоты по организации полноценного лечения ливенцев ложатся на плечи главного врача Анатолия Николаевича Крючкова, с большим энтузиазмом и любовью исполняющего свое благородное дело.

В ближайшее время ливенскую медицину ждут хорошие перемены. Заканчивается строительство пристройки к поликлинике, ввод которой в действие позволит применить более квалифицированное лечение. В Георгиевском микрорайоне воздвигается комплекс зданий, которые все вместе составят родильный центр; сдача его в эксплуатацию позволит лучше сохранить здоровье матери и ребенка.

ЦАРЮ НЕ ПОКЛОНИЛСЯ

Есть в Ливнах в слободе Егорьевской приметная улочка: частные домики с палисадниками, в которых весной буйствует сирень, а в садах кипят белым цветом яблони и вишни. На Украине, в Енакиево, тоже есть улица, одна из центральных, со стройными зданиями и рядами каштанов. Нет ничего похожего в облике этих улиц, но общее все-таки есть — обе названы именем Щербакова...

Андрей Филимонович Щербаков родился в 1881 году. Дом его родителей находился в Егорьевской слободке, но где и цел ли он — неизвестно. Семья Щербаковых, как и большинство соседей, благосостоянием не отличалась. Когда в конце прошлого века в Донбассе возник и начал развиваться городок шахтеров и металлургов Енакиево, отец собрал свои нехитрые пожитки и увез семью на шахты. Заработки были приличные, хоть и спину пришлось гнуть усердно, но так и не удалось русскому мужику из Ливен увидеть счастье. Вскоре заболел и умер, оставив жену с тремя детьми. Большая часть забот ложится на старшего Андрея. Десятилетним он идет работать по найму. В 1900 году сопутствует удача — поступает учеником электромонтера на Петровский завод (ныне Енакиевский металлургический завод).

Благодаря трудолюбию и способностям Андрей овладел специальностью, работу выполнял хорошо. Начальство заметило это и перевело его работать электротехником с солидными заработками. Казалось: живи в свое удовольст-

вие, но это не стало уделом такого неуспокоенного и жаждавшего справедливости во всем человека, как Андрей Щербаков. Под влиянием местных социал-демократов, а на Петровском заводе еще в 1899 году возник социал-демократический кружок, он втягивается в стачечную борьбу и становится членом организации Российской социал-демократической рабочей партии на Петровском заводе. Это произошло в 1903 году. В этом же году на заводе кружковцы достали старый печатный станок, отремонтировали и пустили в работу. Написать одну из листовок поручили Андрею. Назвали ее «Смерть тиранам!», в ней он с вдохновением говорил: «Рабочие! Незачем ждать, пока коронованный вампир высосет всю кровь из народа. Рабочим остается только сплотиться в свою социал-демократическую партию и призвать всех, кто хочет свободы, идти с ними, чтобы насилию царских опричников противопоставить силу вооруженного народа и одним взмахом низвергнуть трон царя...» Подпольные листовки появились на верстаках и станках, в людных местах.

События 1905 года Андрей Щербаков встречает уже сложившимся революционером. Он становится ближайшим другом и помощником Г. Ф. Ткаченко-Петренко, который возглавлял социал-демократическую организацию Петровского завода, а впоследствии стал председателем первого в Донбассе совета рабочих депутатов (ноябрь 1905 года). Кипучую деятельность Щербаков развернул летом 1905 года. Он разъезжает по рудникам, выступает на митингах, рабочих и крестьянских сходках. В частности, — перед крестьянами сел Еленовка и Михайловка, призывая их отбирать землю у помещиков и объединяться с рабочими для борьбы против самодержавия.

Полиции с помощью провокатора удалось установить личность оратора. 20 августа его арестовывают. На дознании он категорически отказался указать лиц, участвовавших вместе с ним на митинге в селе Еленовка. Там выступал и Ткаченко-Петренко, но Щербаков не выдал его. Андрея отправляют в Луганскую тюрьму, но освобождают 24 октября по амнистии во время всеобщей политической стачки. Попадает сразу в гущу событий. Становится командиром

отряда Енакиевской боевой дружины рабочих, вооруженной револьверами, пиками, гранатами, ножами. Отряды выставляют посты, следят за порядком в городе, охраняют митинги.

Наступает декабрь 1905 года. Екатерининская железная дорога бастует. Ткаченко-Петренко, Щербаков, Мазанов становятся руководителями этой акции, выступают в цехах завода, на электростанции, на рудниках. Призывают к сплочению, организованности, вооруженному выступлению. Андрей принимает личное участие в разоружении солдат и полиции. 13 декабря перед поездкой боевой дружины в Авдеевку для боя с царскими войсками вместе с товарищами захватывает винтовки, хранящиеся на заводе, и агитирует за поездку на выручку авдеевским рабочим. Затем в качестве командира отряда дружинников едет в Авдеевку, разоружает там полицию и войска.

...Во второй половине дня 16 декабря из комнаты станционного телеграфиста станции Горловка отстукивается телеграмма следующего содержания: «Енакиево. Боевой дружинине. Мы все без оружия, требуем немедленной помощи со всех сторон. Горловский комитет». Такие же телеграммы полетели в другие соседние города. Одними из первых на зов горловчан откликнулись рабочие Петровского завода. Оттуда в пять часов вечера дружина под руководством рабочего Дмитрия Апостолова отправилась на помощь восставшей Горловке. Командование первым отрядом было возложено на И. Мазанова и А. Щербакова.

Утром семнадцатого все три отряда дружины двинулись занимать отведенные позиции. По сигналу — взрыву бомбы начался штурм солдатских казарм. Перестрелка продолжалась более двух часов. Войска подняли белый флаг и отступили в степь. Дружинники вернулись на станцию. Далее события развивались трагически. Подождав отряд казаков, войска вместе с ними пошли на станцию. Мела метель, завывала вьюга, свистели пули. Бой длился шесть часов, к трем часам дня станция была захвачена, в плен взято несколько сот мятежников. Затем военные пошли в наступление на террикон шахты № 1, где оборонялись дружинники. Много из восставших погибло, многие были

ранены. Лишь с наступлением сумерек дружинники пробились вместе с ранеными к стоявшим наготове поездам и, отстреливаясь, уехали из Горловки. Из четырех тысяч человек, принимавших участие в горловском восстании, погибло более трехсот.

Щербакову удалось скрыться, но ненадолго, он был арестован вместе с братом Петром на территории Петровского завода.

Началось следствие, которое закончилось передачей дела в Одесский военно-окружной суд. Называлось дело так: «О захвате Екатерининской железной дороги в декабре 1905 года». В нем имеются следующие данные об Андрее Филимоновиче Щербакове:

«Признаны виновными и обвиняются:

...4. Электротехник Андрей Филимонович Щербаков в том, что до и во время железнодорожной забастовки в декабре 1905 года являлся деятельнейшим сотрудником Ткаченко-Петренко (руководитель Енакиевской социал-демократической организации), Мазанова и Бутенко по ведению антиправительственной пропаганды; на митингах говорил мало, но всегда находился с ораторами на возвышении; постоянно произносил речи в цехах и на электрической станции, причем совращал, главным образом, молодых рабочих и подростков; ездил для агитации в окрестные селения; 13 декабря вместе с другими рабочими участвовал в захвате винтовок у нижних чинов, помещавшихся в доме № 31 для холостых, причем по назначению Мазанова командовал отрядом дружинников, вооруженных револьверами; агитировал за поездку в Авдеевку 13 декабря, крича на заводе: «Наших товарищей убивают в Авдеевке». 17 декабря с другими дружинниками с оружием в руках поехал в Горловку, причем принял участие в бое с войсками... Будучи арестован, сказал полицейскому надзирателю: «Мы ездили в Горловку защищать товарищей, теперь пошла неправда на свете, нам надо искать своего, вода прорвала, соломой ее не удержишь...»

Три года он и его товарищи ждали приговора суда, который был вынесен 19 декабря 1908 года. Из 302 человек обвиняемых 32 были приговорены к смертной казни через

повешение. Жестокость приговора вызвала взрыв негодования в России. Царское правительство смягчило наказание, утвердив смертную казнь для 8 осужденных, заменив ее остальным бессрочной каторгой. Смертная казнь и для восьми могла быть отменена, но нужно было написать прошение царю о помиловании. Они не пошли на унижение. Вместе с Г. Ф. Ткаченко-Петренко, А. М. Зубаревым-Кузнецовым, А. И. Вещаяевым, П. Л. Бабичем, В. П. Григорашенко, В. В. Шмуйловичем, И. Д. Митусовым Андрей Филимонович принял смерть. Письмо, написанное им перед казнью, пробиться на волю не смогло. В ночь с 3 на 4 сентября 1909 года на балках пожарного сарая 4-го полицейского участка города Екатеринослава они были повешены.

СЫН СОЦИАЛИЗМА

«...капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

В. И. Ленин

диннадцатого сентября 1935 года газета «Правда» сообщила: «В Донбассе началось замечательное дело! На крепких плечах социалистического соревнования поднимается новое большое движение...» Его зачинателем стал забойщик кадиевской шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Григорьевич Стаханов. Он отметил Международный юношеский день установлением всесоюзного рекорда производительности отбойного молотка отечественного производства. 31 августа 1935 года он нарубил 102 тонны угля, перевыполнив норму в четырнадцать раз и положив начало стахановскому движению.

Стаханова пригласили в столицу, поселили в светлом и уютном номере гостиницы «Москва», прикрепили журналиста Семена Гершберга, двух стенографисток. Вот что они записали со слов Алексея Григорьевича: «Жизнь у меня обыкновенная, простая. Я сам из-под Орла. Родился в 1905 году в деревне Луговая Островской волости Ливенского уезда Орловской губернии... Одиннадцати лет меня отдали подпаском к пастуху сельского табуна; я проработал три сезона подряд. Платы опять никакой, работал за харчи, которые получал каждый день то в одном, то в другом дворе.

Тогда же на зиму отдали меня в школу. Проходил три зимы, и хотя мне было очень трудно, я все же научился читать, писать, узнал четыре действия арифметики..

Запомнилось одно: когда пришла весть, что скинули царя, наши мужики очень обрадовались и первое, что сделали, это пошли разносить имения окрестных помещиков Попова, Пожидаева, Адамова и других..

Отец тяжело заболел и летом 1922 года умер... Не успели опомниться от тяжелой утраты, как в том же году, осенью, скончалась мать... Мне шел уже двадцать первый год, а даже одеться не во что... В Кадиевку я попал не случайно. Там уже в 1927 году работало до тридцати моих земляков: Зиборов, Малыгин, мои однофамильцы Петр и Роман Стахановы, многие другие...» Мечтал заработать Алексей на серого коня в яблоках да и вернуться на родину, но привык к шахтерской жизни, стал хорошо зарабатывать, женился и остался на новом месте.

...Наступил 1935 год — решающая пора выполнения второй сталинской пятилетки. Дела на шахте «Центральная-Ирмино», надо сказать, шли отвратительно: отбойные молотки, на которые возлагались большие надежды, использовались мало, все обушком рубили, стойки для креплений в забои доставлялись с опозданием, из 210 коммунистов шахты в забоях трудились лишь 70. Первая пятилетка была провалена, валить и вторую было нельзя, еще свежи были в памяти ночные аресты в связи с «шахтинским делом», когда на Соловки попали сотни спецов за «вредительство».

Заботы о повышении производительности труда были и в целом по стране. Велся поиск примера, который вдохновил бы каждого лучше работать. Остановились на Стаханове. Правда, сначала выбор пал на комсомольского вожака шахты Дмитрия Канцедалова, но в последний день он сильно проштрафился. Парторг ЦК ВКП(б) на шахте Константин Петров был озадачен. Обсудил вопрос с заведующим шахтой Заплавским — не поддержал. Пошел к начальнику участка Мащурову — тот колебался. Все-таки Петров принял решение: поручить установление рекорда Стаханову — надёжному, физически крепкому парню. С. Гершберг

описывает разговор со Стахановым так: «Петров без особых предисловий сообщил Стаханову о цели их прихода к нему домой:

— Есть предложение отметить Международный юношеский день большим производственным рекордом забойщика, и выбор пал на тебя. Ты будешь один рубить всю лаву, а два крепильщика будут за тобой крепить.

И Стаханов решил на смелый шаг! К разговору прислушалась жена Стаханова, она поначалу засомневалась:

— А если опозоришься, что люди скажут?

За Стаханова ответил Машуров:

— Алексей с делом справится, позора не будет...»

И Алексей не опозорился, наоборот — прославился на всю страну. Он показал, что можно рубать уголь значительно быстрее англичан и французов, если поднатужиться и по-другому организовать труд, так, как это делалось за рубежом. Но даже и при этих условиях на конкурсах забойщиков, проводимых в наше время, стахановской производительности достичь не удалось. Правда, со слов старых рабочих, крепильщики были приданы Алексею Григорьевичу очень ловкие, успевали со своим делом и порой даже подрубывали уголек.

Некоторые газетчики даже в то время писали, что «у стахановцев вымотали все жилы, высосали всю кровь, довели до изнеможения». Может быть и так, но ни в коей мере нельзя отрицать — стахановское движение принесло несомненную пользу в условиях социалистического строительства. Были люди, которые заявляли: это кампания, и она принесет лишь временный успех. Так, горного инженера Грица, упомянутого в книге Ю. Чиркова «А было все так...», отправили на Соловки за анализ рекорда Стаханова. «Он доказывал, что сам факт перевыполнения нормы на 1400 процентов указывает на абсурдность этого рекорда. Если норму можно перевыполнить в четырнадцать раз, то что это за норма?»

Алексей Григорьевич завоевал популярность в стране. Его последователи начали бить рекорды в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства. Орловские газеты тех лет пестрят сообщениями о стахановцах: «...бри-

гадир тов. Шибаев выработал на тракторе 725 га вместо 400... тракторист Конобеев Егор — 460 га вместо 210, стахановец Авдеев дал 800 процентов, а тов. Шишов — 500...» Активно включились в новую форму трудового соперничества ливенцы. Металлообрабатывающая артель «Прогресс» в 1936 году удостоилась чести называться «стахановской». Бывшая работница спиртзавода Мария Дмитриевна Анисимова рассказывала: «На одном из профсоюзных собраний на трибуну вышла моя подруга Аня Тимофеева, горячо выступала, а в конце сказала:

— Обязуюсь перевыполнить задание в полтора раза и призываю к этому других девчат!

Не удержалась я, тоже слово попросила. Рассказала, как работает, поддержала ее почин. И другие подруги стали работать лучше...»

Правда, случались и курьезы. Газета «Орловская правда» в номере от 16 января 1936 года писала: «...тов. Стаханов со своей женой Евдокией Ивановной приехал в Измалково. На митинге, встреченный горячими, долго не смолкающими аплодисментами, с краткой речью выступил Алексей Григорьевич... потом отправился с женой в родное село Луговое — в колхоз «Красная звезда». В колхозе шла молотьба. Стаханов заметил, что в его присутствии на молотилке обмолачивают 150 копен в день, а в его отсутствие только по 100...» Что поделаешь — время было такое, так и писали.

Земляки встречали Стаханова как героя. Вскоре мастер отбойного молотка стал инструктором, а немного погодя вообще расстался с шахтерским инструментом, будучи назначенным на пост завшахтой. С 1943 года начал трудиться в Наркомате угольной промышленности, заведовал отделом соцсоревнования и наград. Оторвали шахтера от отбойного молотка, и стал он потихоньку забываться. Не любимое дело поручили, и начал баловаться всенародный кумир «горькой». Его имя исчезло со страниц газет.

В тяжелое послевоенное время он пишет жалобу на имя Сталина, сетуя на свое плохое материальное положение. Бумага пошла по инстанциям. Спустя короткое время чиновники из ЦК и наркомата угольной промышленности докладывали Г. М. Маленкову:

«...Мы решили помочь т. Стаханову.

Срочно отремонтировать квартиру, пополнить ее недостающей мебелью и уменьшить квартирную плату, выдать промтоварную и продовольственную лимитные книжки, увеличить зарплату до 3 тысяч рублей, подыскать дачу. Что касается вопроса об автомашине, хотя у него их две, но плохие, машину «Победа» пока дать нельзя, она еще не выпускается, но после выпуска она ему будет дана, а пока на время подыщем другую машину.

Из разговоров в с т. Стахановым выяснилось, что он почти ничего не читает и культурно отстает.

Что касается вопроса о его поведении в быту, то мы ему крепко указали на то, что он должен перестроиться, чтобы не ходить по ресторанам, не допускать разгула... Из его объяснений поняли, что к нему часто ходят его земляки и втягивают в выпивки. Мы ему указали на то, чтобы он не окружал себя подхалимами, которые сбивают его с правильного пути и могут довести его до нехороших вещей...»

После смерти Сталина о стахановцах вообще забыли. Сын Алексея Григорьевича Виктор рассказывал: «Волевым решением Хрущева разрушило нашу семью. Представляете: жили в Москве и вдруг — жесткое требование выехать насовсем в течение 24 часов. А было так. Во время беседы с Хрущевым Пальмиро Тольятти (председатель Итальянской компартии) спросил, где теперь тот шахтер Стаханов, имя которого до войны гремело на весь мир и которого принимали в Коминтерне. «Да все там же, в Донбассе», — ответил Никита Сергеевич. «Нельзя ли встретиться с ним?» — «Организуем», — ответил Хрущев... Так в конце 1957 года и оказался отец, как он сам говорил, в южной ссылке». Ни жена, ни дети с ним не поехали.

Оказался Стаханов один-одинешенек в городе Торезе. Работал сначала заместителем управляющего угольным трестом, потом заместителем главного инженера шахты. Жил в старом домике барачного типа. Его никуда не приглашали на торжества, никто не поздравил его с 60-летием.

Осенью 1968 года газета «Труд» пригласила в Колонный зал Дома союзов знатных людей страны. Когда ведущий

объявил, что слово предоставляется Алексею Григорьевичу Стаханову, зал оцепенел — все считали, что его нет в живых... 23 сентября 1970 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, вручили сразу три знака «Шахтерская слава» всех степеней. Но обида запала в душу старика, не покидала его до последних дней. В 1975 году привезли Стаханова в Кадиевку на родную шахту. Приехали киношники, сверстники, официальные лица. Была задумана пышная встреча, однако мероприятие не удалось. Поднялся Стаханов, с морщинистым лицом, сутуловатый. Только ростом, как и прежде, выделялся среди окружающих. Начал говорить:

— Позачисляли меня во все трудовые коллективы, повносили в списки бригад. Работают, деньги куда-то перечисляют... а старику никто не прислал и рубля... Выслали в Торез. Звезду Героя дали. На кой она мне теперь, на старости лет?

Рассерженного старика увели. К вечеру ему дали волю — он напился. Бывший парторг Петров, тоже состарившийся, журил его. Наутро мосфильмовцы поймали героя, выставили на бугре за городом. Равнодушно смотрел Стаханов на панораму города, откуда он взял стремительный разбег, взлетел и куда опустился вновь...

Умер Алексей Григорьевич 5 ноября 1977 года, как раз перед октябрьским юбилеем. Похоронили его в Торезе, поставили на могиле стелу из красного мрамора, посадили розы, которые он так любил. Через три месяца Кадиевку переименовали в город Стаханов. Говорят, что это единственный город на нашей планете, названный в честь простого рабочего человека.

ЗА ЗЕМЛЮ РОДНУЮ

*Тяжел музейный запах,
Печальна тишина.
Лежит в миллионах папок
Проклятая война.*

В. Рассохин

В конце 1966 года ливенцы отмечали 25-летие освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Приехали многочисленные гости, участвовавшие в боях за Ливны. Уставшие от поездок, встреч, выступлений вечером ветераны собрались на торжественный ужин в ресторане «Сосна». Ведущим вечера, или, как говорят, тамадой был известный в городе человек Анатолий Булгаков, самодеятельный поэт, чтец, артист. Тогда он был молод и его чаще называли просто Толя.

— За доблестную 13-ю армию, нашу освободительницу! — провозгласил он тост.

После чарки вина у бывших воинов порозовели щеки, они вспоминали былое, негромко запели фронтовую песню. Атмосфера вечера была теплая, дружественная, непринужденная.

Анатолий ходил между столиками, развлекал гостей и хозяев. Потом кто-то попросил: «Теркина, Толик». И зазвучали в притихшем зале строки из поэмы Твардовского:

*Переправа, переправа,
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода...*

Ветераны аплодировали, а из-за одного из столиков поднялся военный с полковничьими погонами и со Звездой Героя Советского Союза на груди. Это был знаменитый комбат Даниил Кузьмич Шишков. Жестом он пригласил Анатолия к своему столу. Волнуясь, спросил:

— Молодой человек, извините, кто ваш отец?

Анатолий Булгаков назвал имя, отчество и фамилию отца.

— Он жив? — последовал вопрос.

— Нет, погиб при форсировании Днепра в сорок третьем.

— Это точно?

— Думаю, да — цела похоронка.

— Вылитый отец, — проговорил полковник со слезами на глазах, крепко обняв Анатолия. Потом подошел к микрофону и начал свой рассказ:

— Дорогие друзья, перед вами сын моего любимого заместителя командира полка майора Булгакова Дмитрия Павловича, погибшего на Днепре. Помню, как его смертельно ранило. Теряя кровь, посиневшими губами он шептал: «Данила, если доведется, передай родным, ребяткам моим привет, скажи, что воевал я честно и умираю, как честный человек...»

Тысячи ливенцев сложили головы на фронтах Отечественной войны. Память о них — в обелисках, названиях улиц, в музейных экспонатах, пожелтевших письмах.

Бережно хранила письма своего брата Ивана Белых Мария Дмитриевна Анисимова. Их несколько, приведем строки из последнего:

«Действующая армия, 31 декабря 1941 г.

Привет, мои дорогие родители и сестры! Поздравляю вас с наступающим 1942-м годом! Желаю здоровья и счастья!

Для нас это будет год дальнейшего уничтожения бандитов, вторгшихся на нашу Родину. И придет то время, когда враг будет разбит и фашизм уж никогда не возродится.

Сейчас мы освобождаем деревню за деревней, и везде нас встречают со слезами на глазах. У меня набежали слезы, когда узнал, что освободили Ливны... Буду беспощадно

метить гитлеровским извергам, пока бьется в груди мое сердце... Может придется погибнуть, без этого войны не бывает, но будущие поколения будут вспоминать о нас, как об освободителях от фашистской чумы... Пишите, как живете, все ли живы и здоровы? Что натворили в Ливнах бандиты?

В честь Нового года нам прислали подарки. Все. С боевым приветом.

Ваш сын Ваня».

Иван Дмитриевич Белых в звании младшего лейтенанта воевал в 298-м отдельном пулеметном батальоне имени Моссовета и погиб 13 января 1941 года под Медынью, что в Калужской области. До войны работал директором инкубаторной станции в Ливнах, проживал в слободе Егорьевской.

Не вернулись с войны два брата Красногорцева — Василий и Николай. Первый призван в армию сразу же после освобождения Ливен в начале 1942 года. Прошел военную подготовку и — на передовую. Писал короткие письма с фронта. Все датированы сорок вторым годом. Вот первое: «...2 мая в восемь часов вечера мы находились левее Студеного в деревне Баранчик. Немцы — рукой подать. Значит, скоро в бой...» И еще: «Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие родные. Ведем с врагом сильные кровопролитные бои...» Родные слали Василию тревожные письма, беспокоились о его жизни. Он просил не волноваться о нем, писал, что сильно скучает. Последняя встреча с врагом произошла у деревни Казинка. Василий шел в разведку, враг подстерег воинов. Автоматная очередь прошла ему живот, руку. Товарищи притащили его в санчасть, но спасти солдата не удалось, умер Василий Красногорцев в госпитале, похоронен в деревне Зубцово Покровского района.

Трагична судьба и второго брата — Николая. Менее чем через год и он погиб в жестоком бою. Посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Погиб под Малоархангельском колхозник из деревни Бараново Федор Кузьмич Переяславцев. Писал в своей последней весточке 2 июля 1943 года из-под Малоархангельска: «Фронтной привет вам, любимые Елизавета Ва-

сильевна, дочка Нина, сыночек Толя, и пожелания всего хорошего... В армии не положено много писать. Милая Лиза, вы зовете меня побывать дома. После победы я к вам приеду, и будем все отстраивать вновь...» Верил солдат в победу и погиб ради нее.

...Со школьных лет каждый знает о подвиге Александра Матросова: зимой 1943 года под Великими Луками он пошел на сознательное самопожертвование — закрыл своим телом амбразуру вражеского дота. Уроженец деревни Грачев Верх Александр Михайлович Печерских совершил такой же мужественный поступок, но раньше Матросова...

Говорят, что к подвигу нужно быть подготовленным. Школой подвига для Александра стала деревенская жизнь, работа, сделавшая его трудолюбивым, сильным духом, честным человеком. Он писал с фронта жене в сорок первом: «...бьем врага, жди с победой, береги дочку, воспитай будущего сына». Второй ребенок еще не родился, но очень хотелось отцу наследника рода — сына. И сын родился. И еще повезло в жизни Александру. Когда часть воевала вблизи Ливен в сорок первом году, в двухсуточный отпуск приезжал домой. Неописуемым счастьем для солдата была возможность из холодного окопа попасть в тепло родного дома, встретиться с родителями, женой, детьми. Встретиться в последний раз. 207-й стрелковый полк 21-й армии, где командиром отделения разведки воевал Печерских, держал оборону на правом берегу Дона в районе станции Клетской. В ночь с 9 на 10 октября 1942 года взвод разведки участвовал в наступлении на хутор Караженский. Когда разведчики начали продвижение, заработал немецкий пулемет из одного из дотов. Александр лично подавил его. Бойцы поднялись вновь в атаку, но их стал разить пулемет из второй огневой точки. Ловко передвигаясь по-пластунски, прячась за складками местности, Александр двигался к цели. Когда до дота оставалось несколько метров, он вскочил с земли и телом закрыл амбразуру. Несколько секунд было достаточно, чтобы окружить пулеметчиков и уничтожить их. Бессмертный подвиг старшего сержанта с Ливенщины Александра Михайловича Печерских отмечен государственной наградой — орденом Красного Знамени.

Немало смелых атак совершили воины командира батальона, гвардии майора Николая Даниловича Клушина. Уроженец деревни Жерино воевал на южных фронтах, был награжден пятью орденами, погиб при освобождении Венгрии под городом Печ. В калининском небе сражались летчики-ливенцы Илья Быков и Иван Михайлов. Первый — штурманом в 820-м штурмовом авиаполку. Второй — тоже штурманом в 667-м полку 292-й авиадивизии под командованием прославленного Героя Советского Союза Николая Петровича Каманина. Илья недотянул до аэродрома нескольких сотен метров, возвращаясь с боевого задания будучи подбитым, Иван погиб ровно через две недели — 17 декабря 1942 года, направив поврежденную машину на колонну врага...

Мы написали лишь о совсем небольшой части ливенцев, которые отдали жизни ради мира на земле. А сколько их лежит в братских могилах, разбросанных по Европе, сколько пропало без вести! Многим повезло — вернулись домой в семьи, продолжили трудовую жизнь. Расскажем о некоторых из них. Вот Дмитрий Иванович Сажин. Военные будни начались для него так же, как и для многих ливенцев. Работал восемнадцатилетний паренек токарем на заводе, потом прозвучало грозное сообщение из репродуктора, принесли повестку и — прощай, завод, прощайте, Ливны! В октябре — первый бой под Ефремовом. Необстрелянные солдаты жалась к опытному бойцу — «старичку», а тот учил: «Главное — из-за танков не высовывайтесь и живы останетесь». Не все живы остались, но деревню освободили. Потом с боями прошли северо-западнее Ливен — через Здоровец, Моногарово, Речицу, закрепились. Командир у Сажина был добрый: отпустил Дмитрия домой на сутки. Вот была радость! А потом горе случилось. Послали группу разведчиков в деревню Сетенево, что под Дросковом. Все нормально сделали — выяснили, сколько у немцев машин, где штаб. На обратном пути решили передохнуть в Муратовке, но обнаружили их немцы. Пуля угодила Сажину в ногу. Госпиталь, потом пехотное училище в Ульяновске. Глубокий тыл, тишина — даже ухо режет. Но это временно. Впереди был Сталинград.

Попадает он в конце октября сорок второго в 62-ю армию В. И. Чуйкова. Держали оборону на заводе «Красный Октябрь», воевали между станков и еще горячих печей. Бывало так, что полцеха — наша территория, во второй половине — немцы. Говорят однажды по громкоговорителю:

— Рус, на Дону тебя плавать тренировали, на Волге будем зачеты принимать.

Хохочут, подсмеиваются:

— Иван, давай мне шапку, а я тебе — автомат.

«Хороши были у фашистов автоматы, безотказные, любил мы их», — вспоминает Дмитрий Иванович.

Но позднее врагу стало не до шуток, окружили его...

Потом воевал Сажин на Украине, там же стал шофером, исколесил всю Европу: Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия. Вернулся на родину солдат с орденом и несколькими медалями. Работал в артели, затем на «Ливгидромаше» — мастером, слесарем. Теперь на пенсии.

А вот у Дмитрия Алексеевича Добрикова — три ордена и две медали, которые он получил в военное время. И каждая награда присуждена не по разнарядке, а за конкретные дела. Живет он со мною по соседству, частенько вспоминает войну, причем помнит по имени, отчеству, по званиям всех своих товарищей. Однажды он рассказал такое: «Под Витебском это было. Нашему штурмовому батальону пришлось брать высоту, на которой стоял пулемет. Много народу полегло. Пришла очередь идти в атаку и нашему первому отделению. Я был командиром. Поползли двенадцать человек в бронежилетах, по промоине, левее дота немцев. Заметили нас, начали обстреливать, пулемет, как кобель, залаял. А что толку — промоина нас защищает. Кричу Придворову:

— Петя, пальни-ка из противотанкового! Не спеши, в дырку целясь!

Приник к ружью Петр, мне только подошвы его сапог видны, в грязи и соломе. Потом выстрелил. Раза три еще пальнул. Умолк пулемет. Для верности поближе подползли и гранатами забросали. Потом встали и — к гнезду. Нет никого, пусто, не выдержали нервишки у фашистов. Красную Звезду получил за это...

Эпизодов военных в памяти у него множество осталось. И языка брал, и «выкуривал» немцев из подвалов в Вильнюсе, и психические атаки отражал. Прошел с боями от Ливен до Данцига. С армией связал большую часть своей жизни, только в 1967 году демобилизовался. Трудился на заводе противопожарного машиностроения контролером, сейчас — на заслуженном отдыхе.

...Вспоминается открытие памятника Н. Н. Поликарпову в 1985 году. Среди выступавших обращал на себя внимание подтянутый человек среднего роста с многочисленными орденскими планками на груди. Это был бывший штурман самолета-бомбардировщика Алексей Стефанович Мягких. После авиационного училища в 1943 году он направляется на фронт, на Кубань, в разведывательную авиацию. Летал в составе экипажа самолета «Пе-2» в тыл врага в Крыму и на Смоленщине, в Белоруссии и Польше, совершив 163 боевых вылета. А каждый вылет — смертельная опасность, враг не дремлет, прикрывая свои военные объекты и зенитным огнем, и истребителями охранения. Фиксировал в памяти и на фото пленку аэродромы, железнодорожные узлы, скопления войск противника. После их разведки в работу вступала бомбардировочная авиация, нанося немцам бомбовые удары. За профессионализм и отвагу Мягких был награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя — Отечественной войны. Воин из Здоровца неоднократно получал благодарности от командования...

Когда Ивана Юрьева призвали в армию, ему еще не было и восемнадцати лет. Это произошло в феврале 1942 года, вскоре после освобождения Ливен от оккупантов. Поучился в Ельце и — на фронт в качестве командира отделения связи. Воевал под Навесным, Воловом, Касторным. Вместе с боевыми товарищами брал Малоархангельск, за что получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги». Перед битвой на Орловско-Курской дуге полк Юрьева стоял на одной из высот, немцы занимали высоту напротив. Это было под Глазуновкой.

— Мясорубка настоящая, — качая головой, говорит Иван Михайлович, — веду огонь из траншеи и от телефона не отхожу. Слышу слабеющий голос командира полка: «Помо-

гите, ранен». Вылезаю из траншеи и — к танку. В нем полковник устроил наблюдательный пункт. Картину увидел страшную: лежит он с оторванной ногой, солдат рядом залит кровью. Вытащили, на плащ-палатке притащили к санитарам. Под огнем врага, но бог миловал, живы остались. А потом опять — на исправление связи.

Варшава, Кюстрин, Потсдам — вот вехи боевых дорог Юрьева. И награды: ордена Красного Знамени, Славы, медали. За мирный труд — орден «Знак Почета».

...Когда на нашу Родину накатила военная гроза, пареньку из Прилеп Алексею Дворядкину едва минуло шестнадцать лет. Школу ФЗО закончить не удалось, отправили с Брянщины на Урал. Там работал слесарем, внося свою посильную лепту в дело победы. В сорок третьем ушел на фронт. Особенно отчетливо врезались в память Алексея Ивановича бои на Одерском плацдарме. Наверное, оттого, что были они уж очень горячими.

— Перед форсированием Одера получили по два автоматных диска. Кроме того, по 350 патронов и по 4 гранаты, — рассказывает Дворядкин. — Преодолели реку по льду, залитому водой, в полнейшей тишине, ночью. Обнаружили нас фашисты, когда были уже на их берегу. Завязался бой. Пошли в наступление, но приказ получили — закрепиться на достигнутом рубеже. Выкопал ямку в талой земле, чтобы голову спрятать. Немцы говорят из агитмашины: «Рус, сдавайся! Вы в ловушке, всех в Одере утопим!» Сделалось жутковато, а потом смотрю — метрах в пяти-шести товарищи окопались, думаю: рано помирать, постоим еще за себя.

Утром двинулись гитлеровцы в контратаку с танками и бронетранспортерами. «Пантера» прорвалась на участок нашего отделения. И вот тогда Саша Опалёв ценой собственной жизни остановил бронированную машину. В грохоте боя не было слышно, что он кричал перед броском под гусеницы, лишь мелькнула его фигура, обвязанная гранатами, и оглушительный взрыв последовал. Командовать отделением я вызвался...

Ордена Красного Знамени удостоился А. И. Дворядкин за те бои. После войны поступил на «Ливгидромаш» и работал здесь до самой пенсии. Получил и трудовую награду — медаль «За трудовое отличие».

...Упомянутый Федор Кузьмич Переяславцев, воевавший на Курской дуге, за три дня до смерти в бою писал в письме на родину: «...до дома недалеко, за двое суток дойти можно, но нельзя мне уйти. После победы я к вам приеду, и будем все отстраивать вновь...»

В этих простых строках, думается, изложена суть русского характера и причина, почему непобедим русский человек. Чувство долга и вера в будущее — вот секрет нашей непобедимости и твердости духа.

ПАРТИЗАН МАРТЫНОВ

евральские метели сорок первого года покрыли землю толстым слоем снега, замели дороги, нагромоздили сугробы. Но для молодых людей не было преград — группа из десяти лыжников, одетых в синие спортивные костюмы, упорно двигалась к конечной цели своего путешествия. Это были учащиеся Орловского машиностроительного техникума, совершающие лыжный пробег Орел—Брянск—Орджоникидзеград (сейчас — Бежица). Почему именно этот город выбрали своим конечным пунктом ребята? В то время это был растущий индустриальный центр не только Орловщины, но и всей страны, и назывался он звучно: Орджоникидзеград. Вот и хотелось будущим машиностроителям увидеть воочию гигантскую промышленную стройку.

Как всегда, впереди идет парень крепкого телосложения, ростом выше других да и внешне — постарше товарищей. Это — Иван Мартынов, всеми признанный в техникуме лидер, заводила, наставник.

Лыжня пролегает вдоль железнодорожного полотна. Позади — Карачев. Шуршит снег под лыжами, глубоко вдыхают морозный воздух юноши. Во второй половине дня показался Брянск, а к вечеру пришли в конечный пункт. Не думал тогда Иван, что два года своей молодости придется провести в этих краях, жить в лесах, вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

Лыжный пробег оставил большие впечатления, ребята

решили и на каникулах сорок второго отправиться в лыжное путешествие, но уже в Москву. Не в столице, но в Подмоскowie им привелось побывать не через год, а раньше, в летнюю практику сорок первого. На заводе в городе Климовске работали на разных станках: токарных, строгальных, фрезерных. Составляли карты технологической обработки, назначали режимы резания. Жили на частных квартирах, вечерами ходили в местный парк, где безмятежную тишину нарушала плавная музыка вальса, лившегося из труб духового оркестра.

Но в воздухе пахло военной грозой: хозяина квартиры срочно подняли ночью с постели и отправили на военные сборы, на застекленной крыше механического цеха появилась светомаскировка. А 22 июня толпы людей собрались у черной тарелки репродуктора...

Практиканты вернулись в Орел, всех отпустили по домам. Приехал в свое родное село Крутое и Иван Мартынов. Но к 1 августа собрали весь курс и объявили, что учеба будет ускоренной — до января все защитят дипломные проекты. Начались занятия. Фронт в сентябре под Брянском ненадолго стабилизировался, даже приостановили эвакуацию орловских промышленных предприятий, и никто не верил, что оккупация Орла так близко. Некоторым учащимся предложили в случае захвата Орловщины остаться у немцев и подготовили для действий в тылу. Отбирал надежных ребят из техникума и сам проходил подготовку Иван Мартынов. Но враг наседал. Первого из группы направили в тыл к немцам Ивана Ляпина. Его добротнo одели, дали личное оружие и деньги.

«Это событие отметили в ресторане, — вспоминает один из провожавших — Сергей Данилович Савенков, уроженец Должанского района, тоже ставший партизаном и воевавший в Карелии. — Поели по-человечески. Были Мартынов, Ляпин, я и еще один наш товарищ. На душе была зависть и какая-то грусть. Иван Ляпин убыл на Брянщину, действовал на железной дороге. Там и погиб, как мне стало известно после войны. 27 сентября меня и еще несколько человек вызвали в Орловский горвоенкомат и срочно отправили в Пермь в качестве инструктора лыжной подготовки. У подъ-

езда техникума нас провожали Иван Мартынов, директор, завуч, ребята. С этого часа мои дороги с Мартыновым разминулись...»

Дальнейшая жизнь парня из Крутого складывалась так. При подходе фашистских оккупантов к Орлу он был брошен на Брянщину. Стал минером в Брянском городском отряде имени Кравцова (где командиром был прославленный М. И. Дука, ставший Героем Советского Союза), к осени сорок второго года слыл среди партизан как непревзойденный мастер-подрывник. Ливенец С. Кожухов, лично знавший И. Мартынова, писал: «В суровые дни битвы под Москвой отряд имени Кравцова получил приказ перерезать железную дорогу Брянск—Москва. Минеры вышли на задание. Дороги немцы охраняли. Чтобы подобраться к полотну, партизаны часами выслеживали вражеское охранение, вычисляли время смены караулов патрулей. К мосту подбирались под грохот поезда, скрадывая шаги.

Так случилось и в этот раз. Дождавшись поезда, Иван Мартынов и Дмитрий Ступин под его грохот подбежали к мосту и успели привязать мешок с толом к уголкам фермы. Осталось то же самое сделать с другой стороны, но поезд ушел, все стихло, и в морозной тишине послышались мерные шаги патрулей. Бежать поздно...» Пришлось дожидаться следующего поезда. Уходить от моста наступила возможность, когда проследовал третий поезд. Лишь при следовании по мосту четвертого эшелона партизаны взорвали мост. В ноябре 1942 года Мартынова наградили первым орденом Ленина. Вручил награду в селе Чернь на оккупированной территории А. П. Матвеев, начальник штаба партизанского движения на Орловщине.

В то же время в городах, поселках и деревнях Брянщины нашла распространение листовка:

«Смерть немецким оккупантам!

Немецкие поезда — под откос!

Иван Мартынов пустил под откос девять вражеских эшелонов с боеприпасами и живой силой врага, следовавших на фронт. Во время крушений разбито шесть паровозов, 107 вагонов и платформ, десятки танков и автомашин, истреблено более тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

Подумай, сколько потребовалось бы людей и техники, чтобы на фронте вывести из строя такую вражескую часть. Родина достойно оценила молодого партизана, наградив двумя орденами Ленина. Молодые партизаны и партизанки! Помните: железная дорога — самое уязвимое место для немцев! Разрушайте пути, рельсы, мосты, стрелки, крестовины, сигналы, средства связи, блокировки».

Иван Мартынов будучи подрывником выполнял большую воспитательную работу, являясь секретарем Брянского подпольного райкома комсомола, о чем свидетельствует редактор газеты «Партизанская правда» Н. П. Коротков. Вожак молодежи выступал с докладом 11 апреля 1943 года на комсомольской конференции в партизанском крае, в Навлинском лесу.

В Центральном музее Вооруженных Сил хранится приведенная листовка, имеется фотография отважного партизана.

29 августа 1943 года ЦК комсомола отозвал его в свое распоряжение, он учится на партийных курсах. В 1944 году становится первым секретарем Брянского обкома комсомола. С 1946 года учится в партшколе, после чего — на партийной работе. В 1955 году избирается первым секретарем Дубовского райкома партии, что на Брянщине, с 1963 года — председатель Брянского обкома профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок. В 1972 году жизнь Ивана Ивановича Мартынова трагически оборвалась — он погиб в автомобильной катастрофе.

НАШИ ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ

городском парке имени 40-летия Победы, который раскинулся на месте древнего кремля, есть уголок, в котором ливенцы увековечили память людей, являющихся гордостью земли ливенской. Здесь установлены скульптурные изображения Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы всех трех степеней. Героев, удостоенных медали «Золотая Звезда», — пятнадцать. В разном возрасте совершили они подвиги. Самому старшему — Тимофею Ильичу Селищеву — исполнился 41 год, а самому младшему — Анатолию Кузьмину — всего двадцать один. Разная география свершения героических подвигов: Подмосковье, Курская битва, Днепр, Венгрия, Чехословакия... Военная профессия и звания тоже разные: пехотинцы, летчик, танкист... рядовые, лейтенанты, полковник... Но всех объединяет одно: ради благополучия своих товарищей, ради победы, во имя родной земли не пожалели эти люди сил, крови, некоторые — жизни. Восемь человек из них домой не вернулись, сложив головы на полях сражений.

Не ради славы...

Уроженец села Троицкого Иван Михайлович Быков воевал в качестве командира батареи в прославленной дивизии А. И. Родимцева. В мае 1942 года под Харьковом, сдерживая наступление наших войск, гитлеровцы бросили в бой крупное танковое соединение и многочисленную пехоту. На одном из участков фронта им противостояла

батарея Быкова. За один день это подразделение уничтожило 10 танков и бронемашину. На следующий день противник вновь предпринял массированную контратаку, которая была отбита с большими потерями для немцев. Как писал командир, представляя Быкова к высшему званию, Быков лично вывел из строя несколько танков. 2 июня 1942 года получил звание Героя. Самоотверженно сражался в Сталинграде и в Курской битве. Погиб под Белгородом в 1943 году.

Трое наших земляков удостоились геройского звания в боях при форсировании Днепра. В наградном документе уроженца села Казанского Александра Егоровича Бахтина сказано: «...выполняя приказ командования, старший лейтенант Бахтин обеспечил успех частей дивизии в бою за форсирование реки...» За этими словами кроется мужество и смелость Александра. Будучи командиром роты, он одним из первых ступил на противоположный берег, вместе с бойцами держал длительную оборону, отвлекая на себя силы немцев, когда наша пехота вела переправу. 10 января 1944 года он получил звание Героя, а через три месяца сердце его остановилось — погиб в Тернопольской области. Его однофамилец из поселка Ольхов Луг Семен Алексеевич Бахтин был тоже командиром роты, и тоже одним из первых перебрался на занятый немцами берег в районе Киева. Шестнадцать натисков врага отразила рота старшего лейтенанта Бахтина, расширила занятый плацдарм, при одной из атак захватила две 105-миллиметровые пушки. Звезду Героя он получил в июне 1944 года. После войны жил и трудился в Ростове. А вот другому герою Днепра Ивану Ефимовичу Войнову дожить до победы не довелось. Родился он в деревне Бараново в 1921 году, работал в колхозе. С 1942 года — на войне. 26 ноября 1943 года группа прорыва, в которую входил Иван, зацепилась за правый берег. Во время одной из атак фашистов выбыл из строя командир отделения. «Рядовой Войнов принял на себя командование отделением и повел его вперед, уничтожив до десяти гитлеровцев...» — писал командир, представляя храброго солдата к званию Героя. Погиб под Днепропетровском.

Герой из Липовца Михаил Никитович Павлов погиб тоже на Украине. Воевал в качестве штурмана бомбардировщика. Во время 213-го вылета самолет был подбит, и наш земляк вместе с командиром разбились. А до этого громил врага на

Орловщине, в Белоруссии. Подробно о его подвигах написано в моей предыдущей книге «Страницы ливенской жизни».

...Есть рядом с «Ливгидромашем» улица Селищева. Небольшие домики на одну-две семьи, впереди — палисадники. Названа эта тихая улочка в честь прославленного командира 238-го гвардейского пехотного полка Тимофея Ильича Селищева. Выходец из крестьян деревни Редькино, став кадровым военным, он с самого начала войны в боевых действиях. Южный, Кавказский, Сталинградский, Воронежский, 2-й Украинский фронты. И везде его полк воевал на самых горячих участках. При освобождении чешского села Ангерн командир вел за собой батальоны, лично истребил 35 гитлеровцев, но когда бой разгорелся в селе, пуля снайпера оборвала его жизнь. 15 мая 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя.

А вот уроженец деревни Редькино Иван Митрофанович Филипповский до войны был сугубо штатским человеком — работал библиотекарем. На фронт попал в 1942 году, сражался с врагом в Сталинграде, на Украине, в Белоруссии. 27 июня 1945 года ему присвоено звание Героя. В его наградном листе есть такие строки: «...в период ожесточенных боев с 26 по 30 апреля по ликвидации группировки немцев юго-восточнее Берлина гвардии капитан Филипповский, презирая явную опасность для жизни, лично находился в боевых порядках пехоты батальона, не отступил от занимаемого рубежа, умело используя всю мощь огня батальона, отразил контратаку противника. На поле боя оставил более 300 солдат и офицеров врага, 3 танка, 5 бронетранспортеров...»

Уроженец деревни Паниковец Дмитрий Григорьевич Редькин участвовал в боях на фронте с первых дней войны. Помощник командира взвода, старший сержант героический подвиг совершил при освобождении Гомельской области. В ночь на 2 февраля 1944 года в бою за высоту 142,7 поднял взвод в атаку, смело бросился в проход через заминированный участок. В этом бою он погиб, но проложил дорогу своим товарищам. Геройское звание получил посмертно 23 июля 1944 года.

Имя этого героя стало известно ливенцам совсем недавно. Теперь и улица в честь его названа. Виктор Никитович Красов родился в Ливнах в 1914 году. Воевал заместителем

командира танкового батальона. При освобождении села в Львовской области завязался ожесточенный бой с превосходящими силами врага. Немцы прорвали оборону батальона, нависла угроза его уничтожения. Тогда замполит покинул танк и повел ударную группу на фашистов. Погиб, но задачу выполнил. 23 сентября 1944 года удостоен звания Героя.

Пареньку из деревни Липовец Анатолию Кузьмину было всего двадцать один год, когда он вступил в боевые действия. До этого работал в колхозе, окончил в армии школу сержантов. В 1956 году его вместе с товарищами направили в Венгрию на подавление мятежа. Приказ есть приказ, его не обсуждают. Главное для солдата — проявить смелость и отвагу при выполнении задания. Так и действовал Кузьмин. Танк, на котором он был механиком-водителем, подбили в Будапеште мятежники, наш земляк погиб. Геройское звание присвоено 18 декабря 1956 года.

На Карельском перешейке

Когда односельчане из деревни Луги провожали в армию Сергея Говорова, то давали ему наказ: «Будь настоящим солдатом — дисциплинированным, смелым, находчивым!» И эти слова земляков он никогда не забывал. На действительной службе был отмечен несколькими благодарностями, как примерный солдат был направлен в Ульяновское бронетанковое училище, стал командиром.

В 1939 году начались боевые действия с Финляндией. Лейтенант Говоров командовал ротой в 13-й легкотанковой бригаде. Бои на Карельском перешейке были тяжелыми. Финны засели за бетонными укреплениями, ведя точный огонь из орудий и пулеметов. С деревьев и из укрытий за бойцами и командирами охотились замаскированные снайперы. Местность для танков была труднопроходимой: болота, леса, глубокие снега. Подходы к позициям были заминированы, имели глубокие рвы и противотанковые препятствия. Не давали покоя истребители танков, бросающие на броню бутылки с зажигательной смесью. В ту зиму морозы достигали 45 градусов. Войска Красной Армии несли большие потери.

Как же воевал в таких условиях Говоров? 14 февраля 1940 года в районе Лягде танкисты уничтожили противо-

танковую оборону и вели огонь по отступающим финнам. Когда кончились боеприпасы, а танк задымил от прямого попадания, Говоров выскочил из машины. Кругом окопалась пехота. Он взял винтовку у раненого бойца и с призывом «Вперед, за мной!» повел пехотинцев в атаку. Бой закончился успешно.

Сражения продолжались. У местечка Нээтель нужно было уничтожить огневые точки и сделать проход для пехоты. Танкисты ринулись в атаку. Однако танк Говорова остановился — под его гусеницами взорвалась мина. Товарищи по экипажу застонали — давали знать о себе ранения. Лейтенант перевязал их, помог под огнем выбраться из подбитой машины, оттащил по снегу в укрытие, а сам вернулся и вел огонь из танковой пушки до тех пор, пока намеченные рубежи не были заняты.

Полковник Баранов, представляя Говорова к высокой награде, писал: «За период боевых действий Говоров одиннадцать раз ходил в атаку, и бойцы его роты заявляют: «С таким командиром мы не пропадем, в огонь и в воду готовы...»

Указом от 12 марта 1940 года ему присвоено звание Героя. После войны Говоров проживал в Ленинграде.

И пошли бойцы в атаку

Грозной осенью 1941 года защитники столицы поклялись: «За Москву будем драться до последней капли крови!» Такую же клятву дали и воины роты, где замполитом был ливенец Николай Бочаров. Они не только крепко держали оборону на Ржевском направлении, но и контратаковали.

Командование поставило задачу: отбить у врага населенный пункт Параксино. Село бойцы видели отчетливо: деревянные дома, надворные постройки. За ними чернел лес. Позиции роты и деревенскую улицу разделяло неубранное картофельное поле. «Наверняка заминировано, — подумал Бочаров, — без разведки не обойтись». Сам возглавил группу бойцов, поползли по-пластунски, внимательно оглядывая грядки.

Нашли засыпанный землей кабель, связали телефонный шнур в несколько жил, привязали к кабелю. «Если взорвать мины сейчас — значит обнаружить себя, и атака потеряет внезапность, — размышлял Николай. — Нет, сейчас нельзя, рванем за шнур перед самой атакой».

Выслушав доклад, командир роты выразил сомнение — взорвутся ли мины, но принял решение: «Наступать!» Замполит Бочаров полз впереди. Вот и жгут проводов. Сделал резкий рывок, и в ту же секунду грянул взрыв.

В образовавшуюся брешь ринулись солдаты. Казалось, что исход боя решен: противник, растерявшись от неожиданности, отступит. Но случилось непредвиденное — несколько немцев бросились к пушке, развернули ее и стали палить прямой наводкой. Другие фашисты тоже опомнились и заняли оборону. Атака захлебнулась. Командир дал команду на отход.

Раздосадованный замполит тоже было повернул, но тут увидел метрах в трехстах легкую немецкую пушку, стоящую на противоположной стороне улицы. Решение пришло мгновенно. «Ребята, за мной!» — крикнул Николай и бросился к пушке.

Осколочный снаряд, выпущенный им, разорвался рядом с орудием немцев, разметав прислугу. Смелчаки вели огонь до тех пор, пока рота с небольшими потерями отошла на исходный рубеж. После отдыха, пополнения боеприпасами бойцы пошли в ночную атаку и взяли деревню. Под утро бой утих, немцы оставили два орудия, одиннадцать пулеметов, автомашины, боеприпасы и понесли большие потери в живой силе.

Командование части представило земляка к награде, 12 января 1942 года ему было присвоено звание Героя.

От Москвы до Берлина прошел Николай Бочаров. Получил шесть орденов и несколько медалей. После войны закончил академию бронетанковых войск. Уволившись в запас в звании генерал-майора, вел активную жизнь: участвовал в общественной работе, иногда заглядывал в Ливны, приходил в школы, выступал с воспоминаниями.

...И ушел навсегда

Когда идешь на встречу со старым человеком, то не ждешь чего-то неожиданного. Так и в этот раз — увидел старушку, ветхую и немощную, с валиком повязки на голове — видно, боли одолевают.

Сказал, что пришел по поводу мужа — Героя Советского Союза Ивана Ефимовича Воинова; оживилась, начала по-

казывать фотографии, грамоту героя передо мной положила. Вместе с дочерью Валентиной стали расспрашивать Татьяну Матвеевну о муже.

— Родился Иван в селе Бараново в 1921 году, — рассказывает женщина. — Корень его — в этом селе. Шестеро детей росло в семье Воиновых, он — младший. Жили в большой бедности, с начала тридцатых годов, когда началась коллективизация, стали терпеть нужду невыносимую. И подались родители Ивана на шахты Донбасса. Следом за ними покинули родные места дочери и сыновья. Когда дошла очередь младшего сына, товарищ посоветовал: «Не уезжай, Ваня, давай будем вместе коров стеречь». То ли от того, что жалко было покидать привычные места, а, скорее, что денег не было на дорогу, остался Иван в отчем крае.

Жил в Дубровке, в пастухах ходил. На матаню навещивался к нам в Росстани, там я с ним и познакомилась. По душе пришелся: высокий, черноволосый, плотный. Работящий. Вино не пил, но дюже ревнивый. Не велел подходить к деревенским парням. Я коров совхозных доила. Сначала устроили нас в общежитии, потом на квартиру ушли, а вскоре переехали в мое село Сергиевское на Ямскую ферму. Только начали семейный очаг устраивать, война началась. Ваню по зрению не взяли. Но в сорок втором после освобождения Ливен подходит ко мне: «Что ждать, Татьяна, когда немцев прогонят, самому надо гнать их». Пошел в военкомат, заявление подал. У нас к этому времени дочка родилась, Галиной назвали. Отговаривала, но не послушался. До поезда провожала, он обнял и говорит: «Час пробил, Татьяна, либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Хорошо помню эти слова. И ушел навсегда, даже фотографии не осталось...

И понесла его судьба по дорогам войны: Брянский, Юго-Западный, 3-й Украинский фронты. Неграмотный был, лишь расписаться умел, самые черные работы ему доставались: окопы рыл, боеприпасы грузил, минные поля разминировал. Делал все так, как приказывали. Уважали его командиры и солдаты за трудолюбие, скромность и твердость характера...

Осенью 1943 года войска Красной Армии подошли к Днепру, который противник, как он сам считал, превратил в неприступный вал. Гитлер самоуверенно заявил: «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его». Но это были всего лишь слова.

12-й армии, где воевал Иван Воинов, предстояло форсировать реку между городами Днепропетровск и Запорожье. Штаб армии стоял в деревне Петро-Свистуново. Командарм-12 Данилов лично обследовал реку, выбрал наиболее удобное место для переправы. Приехав в штаб, сообщил собравшимся:

— Форсировать будем следующей ночью.

Далее обратился к командиру 333-й дивизии полковнику Голоско:

— Отберите тысячу двести добровольцев.

...Разведка доложила, что немцев на правом берегу немного, готовятся к обороне. К часу ночи первый понтон отплыл на противоположную сторону. Он транспортировал четыре пушки и триста красноармейцев. Среди них был Иван Воинов. Огней не зажигали. Курить запретили. Звезды высыпали на небе, как на параде, луна отликает серебряным следом в воде.

Не ожидали немцы десанта в таком широком месте. Бойцы ворвались в окопы, противник драпанул без боя. Но все было еще впереди. С рассветом над Днепром появились летающие громады с крестами на крыльях. Пролетая на бреющем, они строчили из пулеметов, били из пушек, бросали бомбы. Авиатака прошла с потерями для наступающих, но не такими большими, чтобы остановить их. На десять километров в оборону врага вклинилась дивизия, пока не остановилась перед двумя глубокими балками. Вот здесь и подготовили немцы жестокую контратаку, выбросив сорок танков, авиацию, пехоту. Дивизия начала отходить. Сложилось критическое положение. Смелчаки пошли против танков с гранатами. Иван метал их метко. Вел себя осмотрительно, прячась за складками местности и в воронках от снарядов и бомб. Но вот упал командир отделения. Солдаты заматались, начали терять самообладание. И тут в грохоте боя услышали твердый голос Ивана:

— Слушать мою команду! Назад — ни шагу!

Пехотинцы не отступили. Вскоре пришла помощь. Подтянулась артиллерия, подбросили боеприпасы. Немцы поутихли, оставив на поле боя тринадцать танков, несколько сотен убитых, десять автомашин, сорок пять пулеметов и три орудия. Заслуга в победе была и красноармейца Ивана Воинова, в критическую минуту взявшего командование отделением на себя.

Командир дивизии представил его к званию Героя Советского Союза. Указ о присвоении вышел 19 марта 1944 года, и стал боец из-под Ливен героем № 5107. Но об этом радостном событии он не узнал — погиб в бою в январе. Вечный покой нашел он на украинской земле, в 120-ти километрах от Днепра, у поселка Софиевка, что вблизи Кривого Рога...

— Дочь Галина ездила на могилу в 1966 году, когда еще жива была, в сорокадвухлетнем возрасте умерла, сильно похожа на отца, — продолжает жена героя. — А сразу после войны приехал командир, знавший Ивана. Сказал, что разговаривал с ним в день гибели. Поделится Иван: после боя попрошу кого-нибудь — пусть письмо под диктовку напишет. Не успел...

Истребитель танков

Долгое время после окончания войны Иван Михайлович Быков не числился в ливенских героях. Но местные краеведы в семидесятых годах установили, что он — земляк, из села Троицкого, родился в 1911 году, в юношеском возрасте переехал на Украину в Кривой Рог, откуда и ушел в армию.

Воевал в прославленной 13-й гвардейской дивизии А. И. Родимцева, удостоен звания Героя Советского Союза за успешные бои под Харьковом...

В мае сорок второго года после нудных весенних дождей наступили сухие дни. Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед Юго-Западным фронтом прорвать оборону противника под Харьковом и освободить город. В Купянске 9 мая прошло совещание командного состава, где были поставлены задачи армиям и соединениям.

Поставил командир полка задачу и перед капитаном Криклием, в дивизионе которого числились три батареи, по четыре орудия в каждой и по восемьдесят человек прислуги. Через двое суток дивизион в полной готовности ожидал приказ о начале боя.

Ясным тихим утром 12 мая началось. Ровно час, с шести до семи, обрабатывала позиции врага артиллерия, потом в атаку двинулась пехота. За день боев подбили 15 танков, четыре из них — дивизион Криклия. Второй день боев артиллеристы вели уже с других позиций и тоже успешно. На третий день на расположение дивизиона пошли до пятидесяти танков. От белых крестов, колыхавшихся вместе с башнями танков, рябило в глазах. Наводчики застыли у прицелов. Танки приближались к батарее старшего лейтенанта Быкова. Он с утра находился на своем наблюдательном пункте, обозревая местность в стереотрубу; увидев бронированные машины, побежал на огневые позиции. Спросил орудийцев:

— Бронебойные наготове?

— Готовы, товарищ гвардии старший лейтенант! — отчеканил командир орудия сержант Лычак.

Кто-то вкрадчиво проговорил:

— Дюже много их...

— Без моей команды не стрелять! — перебил его Быков. — Будем подпускать вплотную.

А у самого тоже сердце забилось с тревогой. Вспомнилось почему-то прошлое и мимолетно пролетело в памяти: шумные школьные годы, работа печником, потом проходчиком на шахте, рабфак, ребята из футбольной команды, с которыми вместе играл...

— Пора, — скомандовал Быков. — Первому орудью — по среднему, второму — по командирскому танку с антенной, третьему — по стреляющему... Поорудийно, огонь!

За первыми выстрелами последовали следующие, потом разразилась канонада. И танки немцев стали активно стрелять. Появились раненые, их места занимали другие. А на поле дымились или горели огнем пятнистые коробки. Часть из них развернулась и балкой уходила на исходные пози-

ции. «Сейчас артобстрел начнут, — подумал Быков и не ошибся, — потом опять танки полезут».

Вторая атака немцев была еще ожесточеннее, но артиллеристы сумели подбить два первых, последующие заматались. Батарейцы же не теряли времени даром. И первая, быковская, и вторая, и третья били прямой наводкой. Подожгли еще несколько. Пехота, двигавшаяся под прикрытием танков, залегла, остановилась.

— Хлопцы, не снижать темпа, сейчас они сломаются! — скомандовал Быков.

Вышли из строя два наводчика, ранены другие из прислуги, но бой продолжается. Фашисты вновь двинулись вперед вместе с подмогой. Командир первой батареи начал считать — получилось почти по десять танков на каждое орудие. Вокруг свистели осколки и сыпалась земля, но Быков командовал стоя. Если бы лег, не увидел бы поля боя. Ранило еще троих, потом разметало расчет другого орудия. А он стоял, даже с места двинуться не смея. Вот прямо на него пошел танк, но трусость не родня ему: встав у орудия за наводчика, продолжал уничтожать врага. Когда под гусеницами погибли два орудия с расчетами, применил гранаты и отомстил за гибель своих товарищей — два танка дымились на позициях батареи. Потом и его ранило.

Три часа длился этот кровавый бой. Немцы здесь не прошли. Только батарея Быкова оставила на поле боя двадцать одну вражескую бронированную машину.

В тот же день, 15 мая командир 32-го гвардейского артполка майор Клягин представил старшего лейтенанта Быкова Ивана Михайловича к государственной награде — ордену Ленина. Но командующий 28-й армией генерал-лейтенант Рябышев написал на представлении: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза...»

Воевал наш земляк под Сталинградом, под Белгородом, в июле 1943 года погиб в Курском сражении. В звании майора.

Мужество капитана

Группа ветеранов войны, освобождавших орловскую землю, прибыла в Ливны. Среди убеленных сединой людей

был Валентин Захарович Петрашов. Сердце взволнованно застучало, когда он увидел родные места: село Крутое, где он родился и вырос, черноземные поля, которые пахал, работая трактористом, вокзал, откуда поезд увозил его на фронт. Встречи с земляками будоражили память, разматывали клубок воспоминаний...

Первая схватка с фашистами была жарким летом сорок первого под Ельней. Затем — горечь отступления по дорогам Смоленщины, оборона несломленной Тулы, кровопролитные бои под Воронежем...

В то лето, когда готовилось сражение на Орловско-Курской дуге, двадцатипятилетний лейтенант командует стрелковой ротой в 13-й армии, державшей оборону под Малоархангельском. Противник был постепенно обескровлен в боях и остановлен. Стрелковой роте Петрашова была поставлена задача прорвать линию фронта, взять пленных, захватить господствующую высоту. Приподнятый боевой дух командира передавался и солдатам. Враг был сломлен. На груди многих воинов засияли ордена, а командир удостоился ордена Красной Звезды...

В середине января 1945 года войска 47-й армии, в которую Петрашов попал после ранения и воевал там в качестве заместителя командира стрелкового батальона, подошли к реке Висле севернее Варшавы.

Оборона немцев состояла из многочисленных укрепленных полос. Противник любой ценой стремился удержаться на рубежах реки. День и ночь в эфире звучали слова немецких дикторов: «Победа или смерть!»

Наступило раннее утро 15 января. Батальон получил приказ начать форсирование Вислы. Капитану Петрашovu пришлось быть в авангарде наступающих. Река дыбилась от разрывов, несколько переправочных средств разнесло в щепки, но бросок удался — пехотинцы достигли противоположного берега и зарылись в землю.

Фашисты пошли в контратаку. Петрашов организует грамотную оборону, принимает подкрепление. Когда сил прибавилось, поднимает солдат в атаку, и плацдарм расширяется. Сутки без перерыва гремел бой. Несколько раз

немцы замыкали батальон в плотные клещи. Временами казалось: все, пришел конец. Но мужественный капитан с кличем: «В атаку, за мной!» поднимает солдат с земли, и батальон размыкает кольцо окружения.

Отважные пехотинцы не только выстояли до подхода основных сил, но и вынудили противника покинуть свои укрепления. За личное мужество капитану Петрашovu было присвоено высокое звание Героя.

Потом были бои на территории Германии, участие в Берлинской операции. В послевоенное время В. З. Петрашов закончил академию имени Фрунзе, до 1961 года прослужил в армии. Впоследствии работал преподавателем в Курском сельскохозяйственном институте.

И один в поле воин

Уроженец деревни Берёзовка Алексей Зуйков работал на Ливенской машинно-тракторной станции, в 1938 году был призван в армию. Закончил бронетанковое училище. На фронт попал в 1942 году и воевал в качестве заместителя командира стрелкового батальона по политчасти. Воинское звание — старший лейтенант.

...Зуйков вместе со своими бойцами под прикрытием танка с автоматом в руках, пригнувшись, бежал в атаку. туда, к кладбищу, которое немцы превратили в неприступный опорный пункт. Метрах в пятидесяти параллельным курсом двигался второй танк. Из укрытий ухали пушки, строчили пулеметы.

Ох, и волновался старший лейтенант за эти танки! Экипажи молодые, необстрелянные, двигались машины неуверенно, прямолинейно, не используя складки местности для защиты. Стреляли как-то робко, не метко. Что и говорить, не обеспечили танки стремительного рывка пехоты, когда враг обычно паникует и бросает траншеи.

«Побыстрее, побыстрее», — мысленно торопил Зуйков танкистов и кивком автомата приказывая солдатам продвигаться вперед порасторопней.

При приближении танков немецкие пушки заработали активнее.

— Куда полезли? По овражку, по овражку, — шептал Зуйков танкистам, будто бы они могли его услышать. Но бронированные машины шли по незащищенной равнине, а вскоре остановились — у первой разорвало гусеницу, вторая задымила. Экипажи покинули свои места и прибежали в укрытие. Еще нахальнее застучали пулеметы с кладбища, придавив к земле пехоту.

— Труссы несчастные! — зло сплюнул Зуйков и упал на траву. — Что делать? Может быть вторую машину погасить попробовать?..

Молнией он метнулся к танку, телогрейкой сбил пламя и исчез в чреве грозной машины. Солдаты батальона, прильнув к земле, ждали: что же будет дальше. Не забыл замполит навыков по управлению боевой машиной, полученных на службе в танковой части. Мотор взревел, машина со звездой на башне стремительно сорвалась с места и понеслась к кладбищу, раздавила пулеметное гнездо, потом второе. Немцы с криками ужаса бежали в панике. Пехота с кличем «Ура!» занимала укрепления врага, Зуйков продолжал давить фашистов. В пылу боя не заметил, что ранен, кое-как выбрался из горящей машины. Боевой приказ был выполнен.

За этот подвиг 24 марта 1945 года А. В. Зуйков был удостоен звания Героя. После окончания войны продолжал служить в армии, демобилизовался в звании подполковника. Жил в Майкопе, в 1977 году погиб в автомобильной катастрофе.

Не числом, а умением

Скучал по товарищам, по родной деревне Прилепы Иван Никульников, когда служил в армии. Но вот пришел 1940 год — скоро демобилизация. На душе легко и радостно, уже и чемоданчик с немудреными подарками собран в дорогу, но тут подошел командир:

— Иван, давай поговорим по душам. Ты — хороший артиллерист, оставайся на сверхсрочную. На курсы тебя пошлем, командиром станешь. Сам чувствуешь, какая сейчас обстановка на международной арене, того и гляди...

Предложение взбудоражило мысли, лицо загорелось румянцем. Он и сам понимал: надвигалась гроза... Решено: остаюсь...

В краткосрочном отпуске проведал родных, односельчан, побродил по окрестностям деревни, матаню посетил, попрощался со всеми, да и вернулся в часть...

Войну встретил офицером. Воевал на Южном, Северо-Западном, Брянском фронтах. Награды получил.

...В конце 1944 года войска окружили вражескую группировку в Будапеште. Гитлеровцы и мадьярские хортисты, почуяв, что они загнаны в угол, бешено сопротивлялись, пытаясь вырваться из западни. Собрав силы в кулак, противник проводил ночные атаки. На одном из участков в ночь с 11 на 12 февраля 1945 года около трехсот фашистов смяли наши пехотные подразделения и продолжали выходить из окружения. Но на их пути встали артиллеристы из взвода лейтенанта Никульникова из 109-й гаубичной бригады.

Заметив наступающих в ночной темноте, Иван понял их намерение: имея подавляющее превосходство, окружить орудийные расчеты, уничтожить их и вырваться из кольца окончательно. Он мгновенно решает: занять круговую оборону, подпустить противника на близкое расстояние, стрелять без промаха.

— Ребята, не робеть, все будет нормально, — приободрил командир подчиненных.

Первой атаки ждать долго не пришлось, но бойцы не растерялись — укрылись за щитами орудий, за поваленными столбами и тумбами, умело разили врага из автоматов, приостановив его прорыв. Наступила короткая передышка.

— Получили и еще получите, если полезете, — высказался кто-то. Никульников был рад — в отблесках ночного боя видел: фашистов много попадало, у него же потерь не было.

Перегруппировавшись, наполнив автоматные и пулеметные диски, немцы начали новую атаку. Но за 50—60 метров от орудий их встречал шквал огня артиллеристов. Орудийные расчеты встали непреодолимой стеной на пути врага.

Наступил рассвет. После четвертой атаки Никульников понял: силы у атакующих иссякли и пора брать инициативу в свои руки.

— Батарейцы, за Родину! — первым выскочил он из укрытия. За ним двинулся взвод. В ход пошли гранаты. Оставшиеся в живых фашисты с поднятыми руками сдавались на милость победителей. Оцепив и разоружив пленных, артиллеристы удивились: 185 убитых и 210 сдавшихся в плен!

...Командир бригады полковник Адамчик дал указание всех представить к наградам, Иван Константинович Никольников стал Героем, указ об этом вышел 15 мая 1945 года.

После войны наш земляк жил в Тернополе, умер в 1980 году.

Так сражались наши герои-земляки за Родину, и пусть их подвиги останутся бессмертными, напоминают потомкам о том, что из таких подвигов складываются победы.

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

ноября 1943 года был учрежден орден Славы I, II и III степеней для награждения лиц только рядового и сержантского состава (в авиации и младших лейтенантов), совершивших подвиги храбрости, мужества, бесстрашия. Положение об этой награде предусматривало, что для получения ее нужно внести конкретный вклад в общий

успех войск в самых сложных условиях боя. Требовался настоящий подвиг. А чтобы получить все три ордена Славы, требовалось совершить три подвига. И все, как правило, с большим риском для жизни. Это сделали в Отечественную войну 2562 воина, в том числе и несколько солдат-ливенцев...

Федор Иванович Афонин родился в 1904 году в деревне Рог, воспитывался в крестьянской семье и рано познал сельский труд. С 1926 по 1928 год служил в армии. В 1935 году переезжает в Подмосковье, где работает на Щелковской биофабрике.

Всю Отечественную войну воевал минометчиком, слыл опытным бойцом. Полковник Г. Андреев вспоминал: «К безрассудной храбрости он относился осуждающе.

— Ну что толку, если шальная пуля или осколок пробьет голову? — назидательно выговаривал он молодым и не в меру горячим солдатам в своей батарее. — От бойца польза, когда он в строю, а не в лазарете. Поэтому надо беречься.

Он никогда не расставался с каской. Прибыв на новое место, первым делом брался за лопатку и по всем правилам оборудовал позицию. По возрасту был самым старшим в

батареи, поэтому нередко с ним советовался командир... Сам напрашивался на самые трудные задания.

— Ребята, я уже много повидал, — говорил он, — если что случится со мной — не беда, а вы еще совсем не жили...»

Тот бой за Гатчину, что под Ленинградом, был очень трудным. Немцы не жалели снарядов. Один из них разорвался вблизи минометной батареи, разметав расчеты в разные стороны. Никто не поднялся с земли. Лишь Афонин, раненый, нашел силы в себе вновь встать к миномету и, выполняя обязанности всех номеров расчета, начал палить по врагу. И метко — уничтожил двенадцать фашистов. Тогда он и получил орден Славы III степени.

Вскоре в боях Афонин опять был ранен, на этот раз тяжело. Излечился, встал на ноги и снова — на фронт. Польша, Силезия и вот — Германия. О том, как он воевал, красноречиво рассказывает сообщение командира полка Морозова командиру дивизии: «...В боях за населенный пункт Грэфлих-Визе старший сержант Афонин выдвинулся на передний край боевых порядков, обнаружил четыре огневые точки противника и огнем миномета уничтожил их. Отражая контратаки, подавил станковый пулемет и уничтожил до взвода гитлеровцев». Чуть позднее ему вручили второй орден Славы.

Война подходила к концу. Сопротивлялись фашисты все более фанатично. А Федор Иванович дрался с врагом еще самоотверженнее, о чем свидетельствуют строки представления к ордену Славы I степени: «В бою в районе высоты 204,5 у населенного пункта Турнита командир отделения минометной роты Афонин действовал смело, четко и отважно. По своей инициативе выбрал огневую позицию в передовой цепи пехоты и метким интенсивным огнем подавил семь и уничтожил три вражеские огневые точки...»

В этом бою он был еще раз тяжело ранен.

— Ну, ребята, я, кажется, отвоевался, — прощался он с товарищами, — не забывайте моей науки: быть порасчетливее да похитрее.

Он долго лечился, потом вернулся в Подмоскovie, работал. Но раны дали о себе знать — в 1962 году он умер.

А вот короткое повествование о колхознике из села

Успенского Егоре Андреевиче Козьякове. В труде и заботах он жил постоянно, пахал чернозем, убирал хлеб. Крестьянскую работу любил, но подошло время и забрали его в 1940 году в армию. А вскоре и война грянула, и пришлось солдату воевать. И артиллеристом, и минометчиком, и разведчиком.

...Особенно ожесточенное сопротивление оказывали немцы в Восточной Пруссии. Часть, где воевал Егор, вела наступление, но залегла — немцы прочно закрепились на высоте и атаки одна за другой захлебывались. Многие его боевые товарищи были или убиты или ранены. Сам он, контуженный, почти теряя сознание, из последних сил вел огонь из миномета. Одна из мин точно угодила в скопление фашистов на высоте. После этого часть взяла злополучный рубеж. Орденом Славы III степени был награжден минометчик.

А вскоре он удостоился ордена Славы II степени. В Польше послали Егора с группой бойцов в тыл врага. Перебравшись ночью по льду через Вислу, спрятались в скирде соломы и стали наблюдать за местностью. Чуть начало смеркаться, подошли три фашиста и начали ставить палатку, чтобы устроиться на ночлег. Потом двое из них пошли в деревню, а третий остался, стуча друг о друга сапогами и подпрыгивая, — видно, озяб. Улучив момент, Козьяков прыгнул со скирды, оседлал немца и завалил на землю. «Языка» доставили в штаб, он оказался офицером, давшим ценные сведения.

Боевые дороги привели Козьякова в Берлин. Здесь развернулись ожесточенные бои. Каждый дом немцы превращали в крепость. Много усилий приходилось затрачивать, чтобы выбить их. Ловкость и упорство проявил Егор, чтобы захватить один из домов. Метко бросал гранаты в проемы окон, смело врывался вместе с товарищами в подъезды, расстреливая обороняющихся из автоматов. И это принесло успех. Солдаты не только взяли дом, но и пленили 12 фашистов. Ордена Славы I степени удостоился старшина.

В 1945 году он вернулся в родное село. Кроме трех орденов Славы на груди односельчане увидели еще три медали «За отвагу», другие медали. Сразу же принялся за

работу. Все делал на совесть. Так и прожил всю свою жизнь солдат. В 1970 году Е. А. Козьяков умер.

...Свое боевое крещение воздушный стрелок-радист Николай Турбин получил над Сталинградом осенью 1942 года в 8-й воздушной армии. Под крылом штурмовика Ил-2, словно пылающий костер, горел город «Как там мои Ливны? Наверное, тоже в руинах?» — подумалось тогда. Но пребывать в воспоминаниях было некогда — нужно зорко и внимательно следить за небом, иначе проглядишь фашистского стервятника.

Задание вместе с летчиком Потапкиным они выполняли успешно, а сами оставались невредимы, если не считать прямого попадания в заднюю кабину в одном из вылетов. Тогда самолет повредило, но экипаж даже не поцарапало. И боевая победа в воздухе была: Николай сбил истребитель. А однажды в бою удалось отправить на землю две вражеские машины. При возвращении с задания на штурмовую группу напали истребители. Восьмерка «мессершмиттов» отрезала от основной массы три «Ила». Казалось: все кончено. Но летчик и стрелок не струсил, действовали расчетливо и хладнокровно — Турбин сбил одну машину с крестами на крыльях, вторая упала на землю от огня Василия Потапкина. За этот бой Николая наградили орденом Славы III степени.

Но не все бои заканчивались без потерь. Как-то в небе Белоруссии произошла настоящая воздушная дуэль. Кто первый нанес смертельный выстрел — трудно определить. Но после встречи «Ила» с истребителем «Ме-109» последний загорелся, и самолет с Потапкиным и Турбиным начал падать. Лишь у земли штурмовик удалось выровнять и посадить «на брюхо». Недалеко горел фашистский самолет. Отбившись от преследования, летчики нашли партизан, которые переправили их через линию фронта. За сбитого истребителя Турбин получил орден Славы II степени. Орден Славы I степени засиял на его груди после уничтожения врага в Восточной Пруссии.

После окончания войны Николай Алексеевич Турбин вернулся в родной город, длительное время возглавлял коллектив горпищекомбината, был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Сейчас на пенсии.

От Орла до Эльбы пролег боевой путь уроженца Егорьевской слободы Ивана Ивановича Морозова. Путь, отмеченный многими подвигами и многими наградами: орденами Красного Знамени, Славы всех трех степеней, медалями.

Восемнадцатилетним пареньком прибыл он на фронт, воевал смело и мужественно. Особенно примечателен в биографии Морозова эпизод, за который он удостоился первого ордена Славы. Это было под Житомиром. Немцы усиленно готовились к сдерживанию нашего наступления. Разведка доложила: шоссеюную дорогу Овруч—Шепетовка враг превратил в мощную артерию для снабжения своих войск. По ней двигались машины с боеприпасами, живая сила и техника. Командование решило уничтожить мост, лежащий на дороге. Приказ поручили выполнять саперу Ивану Морозову, придав ему в помощь двух солдат.

Ночь выдалась лунная. До моста оставалось три сотни метров. Осторожно ползли подрывники, но немцы их обнаружили, открыли огонь. Саперы вдавились в землю, переждали стрельбу. Через болотце вновь поползли. Вот и зачернели сваи и балки моста. Товарищи уложили на спину Морозову два десятикилограммовых пакета взрывчатки. Осмотрелись — охрана ушла в деревянный домик неподалеку, наверное, — ужинать. Ужом подкрался Иван к мосту, подвесил взрывчатку к середине пролета, размотал бикфордов шнур, приполз к ожидавшим товарищам. Саперы, закрывшись плащ-палаткой, подожгли его. Теперь — быстрее к своим. Сорок секунд оставалось до взрыва. Сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Но вот сполохи вспышки озарили окрестности, мост рухнул в воду.

Морозов не только взрывал мосты, но и спасал их. Орден Славы II степени он получил за разминирование моста через реку Выжувка, орденом Славы I степени его наградили за разминирование сильно укрепленной обороны противника в ходе Висло-Одерской операции. Тогда Морозов, подвергая себя смертельной опасности, первым пошел на разминирование и успешно выполнил задание.

После войны вернулся в Ливны, потом переехал в Крым, где и умер в 1985 году.

Бригадир полеводческой бригады из Костомаровки Илья

Харитонович Репин на войне с 1941 года. Воевал на Брянском, Калининском, Волховском, 1-м Прибалтийском фронтах. А первые бои принял на орловской земле. Наши войска отступали на Елец, и при отходе в одном из боев артиллеристам удалось подбить немецкий танк. К этому был причастен и Репин.

Орден Славы III степени он получил весной 1944 года. Артиллеристы поддерживали огнем наступление пехоты. Противник засек огневые точки и открыл ураганный огонь по батарее. Многие расчеты были выведены из строя, ранен командир взвода. Репин взял на себя управление взводом, артиллеристы оправались от удара и подавили две минометные, шесть пулеметных точек, разрушили два дзота.

Войска двигались на запад. Напряжение боев нарастало. Старшина Илья Репин совершенствовал свое военное мастерство. В одном из боев его расчет, укрывая пехоту, за день до боев уничтожил до десяти минометных точек, пушку, за что удостоился чести быть награжденным вторым орденом Славы. За бои на литовской земле он получил орден Славы I степени.

Придя в родную деревню с фронта, он продолжил работу в колхозе. В 1994 году И. Х. Репин ушел из жизни на 81-м году.

О последнем кавалере трех орденов Славы всех степеней наш рассказ.

Его имя не значится в списках ливенцев. Но биография тесно связана с ливенским краем. Это Виктор Иванович Алексеевский. Родился он в селе Оберец Ливенского уезда (ныне Измалковский район).

...В семью сельского священника Алексеевского свалилось сразу две беды. В 1936 году при родах умирает его жена. Не успели опомниться от непоправимого горя, как пришли люди из НКВД и увели отца семейства. Навсегда. Семья распалась в одночасье. Боясь преследований, дети разъехались по белу свету. Виктор сначала жил в Ливнах, потом учился в Ельце в школе ФЗУ, по окончании которой начал трудиться строителем в Новосибирске.

— Прослышал, что формируется Сибирская стрелковая дивизия, — вспоминает Виктор Иванович, — думаю: парень

я рослый, только годков не хватает, решаю — пойду на обман. Прибавил себе года, пошел добровольцем.

— Первый орден Славы вручили за форсирование Вислы, — продолжает он, — двое суток без сна и отдыха дрались, отразили десять атак. Второй орден Славы мне приколол генерал-лейтенант Телегин за форсирование Одера, тогда я спрыгнул на берег первым. Кошмар был, но жив остался.

Третий орден Славы первой степени Алексеевский получил из рук самого Георгия Константиновича Жукова. За бои на Зееловских высотах. Враг старался уйти и сдаться американцам, ему удалось прорвать кольцо окружения, сотня танков устремилась на Запад. Артиллеристам дали приказ: расстрелять бронированные машины. Ходили слухи, что под панцирями танков прячется гитлеровская верхушка. Десятки машин с крестами остались на поле боя, часть из них на счету Виктора и его товарищей. После этого сражения Виктору Ивановичу Алексеевскому было присвоено звание младшего лейтенанта, и он стал полным кавалером орденов Славы.

Сейчас он — пенсионер, заместитель председателя совета ветеранов города Сортавала, что в Карелии. Иногда приезжает в Ливны к сестре, не пропускает случая побывать в родном селе Оберец.

ГЕНЕРАЛЫ

русский писатель и поэт Константин Симонов писал, что не обязательно писать дневники, нужно хранить письма. Передо мною письмо, написанное ливенцем. Теперь он заслуженный человек, генерал. А когда-то, еще в довоенное время был озорным мальчишкой, и ему были присущи те черты, которые есть у многих в детском возрасте.

— Парень был активный, общительный, в общем, как говорят, ходовой, — вспоминая о Борисе Николаевиче Скоморошко, сказал ветеран войны и труда Алексей Андреевич О कोरोков.

Учился в средней школе, а в дни каникул был матросом-спасателем в пионерских лагерях. И не просто числился при этой обязанности. За личное участие в спасении попавших в беду на воде награждался знаком Союзосвода.

Вода романтически манила к себе юношу, он мечтал стать военным моряком, но судьба распорядилась иначе — после окончания школы уехал поступать в Тбилисское артиллерийское училище. Поступил. Курсантская жизнь шла своим чередом: штудирование артиллерийской науки, изучение пушек, выезды на стрельбы. Однако четкий ритм военной учебы сломала война. Фронт требовал бойцов, и, досрочно выпущенный из училища, двадцатилетний лейтенант Скоморошко в июле сорок первого становится командиром батареи на Юго-Западном фронте.

«Трудности 1941 года особенно врезались в память, — читаю письмо генерала, — оставляя город за городом,

отступали с территории Западной Украины и подошли к стенам Киева, заняв оборону. Боеприпасов и продовольствия — в обрез, в управлении войсками — неразбериха. Бои были неравные, потери с нашей стороны в людях и вооружении — огромные. Дрались под Киевом, а враг уже подходил к Курску. Мне с батареей три раза пришлось пробиваться из окружения».

Осенью 1941 года немцы во что бы то ни стало стремились захватить Москву. Очень опасное положение сложилось на правом крыле Западного фронта. Чтобы отразить нависшую над столицей смертельную угрозу, Ставка в конце ноября в районе Яхромы ввела в действие новую армию — 1-ю ударную. В 701-м артиллерийском полку ее воевала батарея Скоморошко. Из глубины времен к мужеству и отваге звал клич:

...Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали...

Словно удары набата, стучали в голове Бориса эти выученные в школе стихи. Не жалел он сил, и не покинул позиций. Отстоял вместе со всеми Москву.

Потом были бои в Калининской, Новгородской, Псковской, Ленинградской областях. Из-за болотной грязи и воды ноги воинов ни зимой, ни летом не просыхали. Как бурлаки, тащили они за ляжки пушки, прокладывали по болотам бревенчатые дороги, возводили защитные сооружения. И все это — под огнем, при постоянной нехватке продовольствия, а если выразиться точно — при полуголодном существовании.

Часто всплывают в памяти весенние бои 1942 года. Артиллерийскому дивизиону, которым стал командовать Скоморошко, была поставлена задача: не пропустить противника через реку Ловать. Была там переправа, которая просматривалась лишь с высоких елей, растущих в трехстах метрах от переднего края. Сначала все шло как по маслу — наблюдатель забирался на верхушку дерева и, спрятавшись в ветвях, сообщал о перемещении немцев. Но вскоре враг озлобился, видно, не давали покоя ему разведчики на деревьях, сбивал их, как грачей, пулеметным огнем. А что

делать? Собыют одного — посылают другого. «Может быть и сейчас целы зарубки на елях. Сколько зарубок, столько и погибло наблюдателей. Много», — с горечью вспоминает генерал.

Латвия врезалась в его память, особенно разгром Курляндской группировки немцев. Артиллеристов немало полегло наших...

Сорок один год отдал армии генерал-майор Б. С. Скоморошко, демобилизовался с шестью орденами, многими медалями, изредка навевается в Ливны.

В отличие от Скоморошко генерал-лейтенант Евгений Владимирович Щеглов начал учебу еще в царское время. Закончил реальное училище и уехал в северную столицу. Там в 1914 году, будучи в двадцатидвухлетнем возрасте, поступил в Петроградский политехнический институт имени Петра Великого. Но не закончил его — с третьего курса был призван в армию и направлен в Константиновское военное училище. В 1916 году получил погоны прапорщика и был отправлен в Саратов в артиллерийскую бригаду. После октября семнадцатого его жизнь закружилась вихрем: воюет против войск Деникина и Врангеля, против поляков и махновцев...

В бои с гитлеровцами наш земляк, уроженец Ливен, вступил в декабре 1941 года под Калугой, командуя артиллерией 298-й стрелковой дивизии 43-й армии. Фашистские войска рвались к Москве, но на этом направлении дальше Серпухова не прошли. Во второй половине декабря 43-я армия пошла в наступление в сторону Малоярославца, который освободила 2 января 1942 года.

Особенно ярко боевое мастерство Щеглова проявилось в затяжных боях под Витебском в 1943 году, где фашисты создали так называемый Медвежий вал. Но войны опрокинули глубокоошелонированные укрепления врага. Весомый вклад в успех внесли артиллеристы. Евгений Владимирович за эти бои получил орден Суворова второй степени.

В январе 1944 года Щеглова назначили командующим артиллерией 43-й армии. Три с половиной месяца шли ожесточенные бои за освобождение Литвы. 5 октября армия двинулась в направлении Клайпеды, а 10 сентября войны ступили на берег Балтийского моря в районе Паланги.

Потом бои в Восточной Пруссии. При взятии Кенигсберга артиллерия армии разбила четыре форта, девять дотов, 61 орудие, до трехсот пулеметов. Во время этих боев имя генерал-майора трижды отмечалось в приказах Верховного Главнокомандующего.

Весной 1945 года 43-я армия вела успешные бои на Земландском полуострове, где было захвачено в плен около двадцати тысяч немцев. 19 апреля Щеглов награждается орденом Кутузова первой степени — девятым боевым орденом.

По окончании войны он некоторое время служил в армии, ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Затем вышел в отставку, жил в Самаре, 24 мая 1973 года его не стало...

Человек, о котором пойдет повествование, не является уроженцем Ливенщины, но служил здесь, проявил мужество в боевых действиях, и нельзя не сказать о нем.

...В довоенное время в Ливнах базировался 18-й стрелковый полк. На территории, которую занимает сейчас первая площадка «Ливгидромаша», в кирпичном трехэтажном здании расквартировались подразделения полка, в разных частях города были склады, службы, полковая школа. Некоторые из старожилов еще помнят командира полка Михаила Тимофеевича Романова. Когда грянула война, он был назначен командиром 172-й стрелковой дивизии, которая в июле вступила в бой с немцами на территории Белоруссии. Немного спустя заняла оборону Могилева, сдерживая напор 4-й танковой армии. Когда линия фронта была далеко на востоке, генерал Романов провел последнее оперативное совещание в осажденном городе. Он доложил, что фашисты предлагают прекратить сопротивление и сдаться на милость победителей. И далее продолжил:

— Думаю, что выражу общее мнение: добровольно никогда не сложим оружие, будем драться до последней капли крови.

Бойцы и командиры группами двинулись на восток, прорываясь из окружения, многие из них достигли регулярных частей. Михаил Тимофеевич, тяжело раненный, не мог пробиться к своим. Со своим окружением остался в деревне

Барсуки, лечился и одновременно сколачивал группу сопротивления. Но немцам удалось засечь патриотов, часть расстрелять, часть взять в плен. В числе последних оказался Романов. Он бежал из плена, но вновь был схвачен. В одном из немецких журналов был помещен его снимок с подписью:

«Генерал-майор Романов М. Т., командир 172-й стрелковой дивизии. Задержан в городе Борисове и повешен». Так закончился путь борьбы мужественного военачальника.

Несколько человек наших земляков, участников Отечественной войны, стали генералами. Для них военное дело превратилось в профессию. Среди них: Николай Павлович Бочаров, Иван Максимович Горский, Павел Тимофеевич Шапранов. Они стали генерал-майорами. Михаил Владимирович Бобков, Сергей Михайлович Белоцерковский дослужились до генерал-лейтенантов. А вот Иван Дмитриевич Ершов был удостоен звания генерал-полковника.

В настоящее время в Российской армии служат несколько ливенцев-генералов.

ПОЭТ ИЗ ПУШКАРОВО

ак-то поделился с ливенцем Николаем Ивановичем Фаустовым впечатлениями о прочитанных в местной газете последних стихах Михаила Беляева и услышал неожиданный ответ:

— Он меня наставил на путь истинный, помог выбрать дорогу в жизни...

И далее рассказал такую историю: «В 1949 году я закончил семилетку в Воротынске. Летом помогал по хозяйству в деревне. Приехали на каникулы братья Михаил и Николай Беляевы — они учились в Рубежанском техникуме Луганской области. Спрашивает Михаил: «Как дальше жить думаешь?» Я плечами пожал. «Поедем в Донбасс, помогу устроиться в горно-промышленное училище», — предложил он. И вот едем мы шестеро — двое Беляевых и нас четверо деревенских парней — по Донецкой железной дороге в неизвестный край. Беляевы уверены в себе, а у нас даже документов никаких нет — не дали в сельсовете. Но у меня глубоко в кармане было припрятано письмо Михаила Беляева на имя старшего мастера горно-промышленного училища № 6, что под Донецком, — Николая Ивановича Подколзина. Только на это послание были все надежды. И письмо возымело действие — нас всех четверых приняли учиться. Только позднее, занимаясь в училище, я понял, почему письмо имело большую силу. Михаил закончил это училище и пользовался здесь авторитетом: писал в газеты, оформлял стенновку, как отличник был направлен на учебу в техникум...»

Родился будущий поэт Михаил Беляев в крестьянской семье в деревне Пушкарово, раскинувшейся на речке Ливенке, давшей когда-то имя древнему городу. Рубежанский индустриальный техникум не успел закончить — призывается в армию. Служил четыре с половиной года в авиации на Дальнем Востоке, писал стихи и отправлял в военные газеты. После армии работал на строительстве столичного стадиона в Лужниках. В это время напечатал центральный журнал «Юность» подборку его стихов. После этого большинству поэтических творений стали давать зеленый свет центральные периодические издания, а в 1958 году его поэзия получила признание на конкурсе молодых мастеров пера — он занял первое место. Через год в Орле выходит первая книжка — подборка стихов под названием «Часовой». Потом — литературный институт, работа в издательстве «Молодая гвардия».

...Несколько лет назад он писал: «Я весь в дорогах, весь в бегах. За последнее время они меня дважды выстреливали в Сибирь самолетом. Был на БАМе... Но и в самой Москве дороги не менее трудны, чем в Сибири. Они дают душе молодость... Беседы, споры, тревоги, разочарования...» И работа, работа, работа. Михаил Александрович — автор пятнадцати книг: «Ливенка», «Имя первенца», «Храни меня, любовь земная...» Степлотой пишет он о своей милой родине:

Здравствуй, здравствуй, свет мой ясный,
Материнский и отцовский,
— Город славный, город красный —
Как зубец стены Кремлевской.

Частенько бывает он здесь, находя отдохновение от трудов в столице, черпая силы для своего творчества. Выступает перед ливенцами, встречается со школьниками. Об одной из встреч с ним проникновенно рассказал организатор и руководитель музея «Крестьянский двор» в селе Успенском Валентин Никитович Болотских: «Мы вышли из автобуса около крайнего дома. Несколько домов, стоящих над оврагом, теснила к обрыву пашня, грозя смести их. А овраг, глубокий и с крутыми берегами, стремился все дальше врезаться в поле. Приятно было после пыльной и тряской дороги сойти на траву и пройти по ней. Указывая на заросли возле дома, Михаил сказал:

— Упросил председателя не сносить эти деревья, чтобы сохранить место, где можно пройти утречком по тропинке и поразмышлять. Посмотри, Валентин, на деревья в овраге. Мы с отцом посадили. Пошли, покажу, как я тут воюю с оврагом.

Мы вышли на дно оврага. По обеим сторонам нависали обнаженные суглинистые почвы. Вверху виделись деревца, трех-четырёхлетки, распушившиеся побегами и рвущиеся к жизни.

Прошли по дну оврага к роднику и напились чистой воды. Как будто сил прибавилось! Как-то по-иному взглянул я на Михаила. Его коренастая подтянутая фигура, крепкие руки говорили больше, чем слова. Этот человек здесь не гость, а хозяин...»

Без малого тридцать лет отработал Михаил Александрович в издательстве «Молодая гвардия». Он редактировал произведения таких видных писателей и поэтов, как К. Симонов, Р. Гамзатов, С. Наровчатов, С. Баруздин, В. Солоухин.

В свою очередь Владимир Солоухин писал рецензию на воспоминания Беляева. Михаил описал жизнь села в период фашистской оккупации. Вроде бы обычное военное время: властвуют полицаи со старостой, мыкают горе женщины с мальчишками, партизаны делают иногда вылазки. Но был в воспоминаниях эпизод, который Солоухин советовал развернуть в отдельную повесть. Что же это за эпизод? Вот он:

«Произошла стычка немцев с партизанами. После перестрелки партизаны отошли в лес, а немцы тоже куда-то, наверное, в другой населенный пункт. Во дворе дома, в котором обитала женщина с двумя мальчишками, остался лежать тяжелораненый немецкий солдат. И вот задача для женщины с мальчишками: что с ним делать? Добить? Но какие же они добивальщики? Оставить так, пусть сам «доходит»? Он стонет. Каково это слушать? В конце концов они затацили его в избу, дали попить. Он оклемался, пришел в себя. Теперь уж и вовсе невозможно его добить. Шаг за шагом, день за днем начали они немца выхаживать. И женщина, и мальчишки стали привязываться к раненому. Так среди чудовищной мясорубки и бойни расцвечал цветок милосердия. И когда при новом налете партизан немца все же убили,

его жалели уже почти, как родного. Нарочно не придумаешь такого сюжета».

А сюжет появился потому, что Михаил Александрович в своем творчестве проповедует человеческую доброту, чистую совесть и твердую память. Эти качества в его характере, и без них Беляева представить невозможно. И еще невозможно представить само существование поэта Беляева без связи с отчим краем, с родной Ливенщиной.

Как-то он написал мне: «...Весна. В эту пору я всегда спешил в Пушкинское к родителям. Сажал черенки во рву. Прошла новая полая вода. Выбиты ею новые воронки. Ров снова начал ползти, разрушать выгон. Но теперь бороться с ним некому. И сам я в положении отчего выгона... У меня теперь время грустное. Родной дом разволакивают. Редет круг друзей. Болею: сердце теряет верные опоры. Держусь одними ливенскими родниками. Не иссохли бы и они...»

Рана Михаилу Александровичу нанесена большая. Родителей не стало. Отчий дом опустел, и чьи-то злые руки вышибли рамы, унесли мебель, даже стропила с крыши сняли. Двор зарос глухой крапивой. По чернозему ползет коварный овраг...

Лишь не иссыхает родник с чистой водой. А значит, будет держаться поэт Михаил Беляев. И будет радовать земляков замечательными стихами.

Встречи с прошлым

ЛИВЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ

ридется вам ехать со стороны Баркова в Ливны — остановитесь хоть на несколько минут на горе, которая называется Удерев, и полюбуйтесь видом города. Молча, не торопясь. Думается, картина впечатлит вас: внизу — серебристая лента Сосны, слева — многоэтажные строения нового города, справа — сады и домики Заливенской слободы. Чуть дольше задержите свой взгляд на середине панорамы — рядом с шапками деревьев городского сада и колесом обозрения над высоким мостом высится белокаменная Сергиевская церковь. Как раз здесь, в центре обозреваемого пейзажа, начиналась крепость Ливны...

Строительство ее велось спешно, но споро, вдумчиво и благоразумно. На основании градостроительной системы, заведенной на Руси. Все работы проводились по рисованному чертежу, росписи и смете расходов. Как известно, начались они в 1586 году весной, когда на берега Сосны и Ливенки прибыли первопроходцы-строители под водительством московского князя Владимира Кольцова-Мосальского и боярина Лукьяна Хрущева с указом царя Федора «поставить город Ливны».

Но все-таки не они были первыми. Сначала выбиралось место для города, а это делалось раньше. Нам неизвестно, кто облюбовал месторасположение Ливен, но можно предположить, что это делали городских дел мастера Илья Катеринин или Михайло Кардышев, которые составляли проекты южных городов в конце 16-го века. Первый чертеж Ливен пока не найден, но его могли делать либо они, либо им подчиненные чертежники.

Наш город состоял из главной, укрепленной части — крепости (кремля) и прилегающего к нему посада. Кроме того, в понятие город входили выгоны, пашни, луга, поля, леса, которые прирезались к нему сразу же при закладке. Городу также отводились дикие необжитые территории, на которых можно заниматься охотой, рыбной ловлей, рубкой леса, бортничеством.

Когда дошла очередь до воплощения проекта в действительность, по царскому указу из разных городов, уже построенных, направлялись в Ливны плотники, подкопщики, кузнецы, фортификаторы, каменщики для организации военной охраны стройки — стрельцы и казаки с пищалями, причем последних прибыло несколько сотен человек. В основном — из близлежащих городов: Орла, Каширы, Калуги, Новосиля.

Началу закладки города-крепости Ливны (впрочем, как и других крепостей) наши предки придавали второстепенное значение. Как свидетельствует «Требник» 16-го века, ритуал освящения будущего города начинался с главной его площади (южная часть современного горсада), затем освящалось место будущих крепостных укреплений, которые предварительно размечались на местности. Священник при этом шел по периметру будущих крепостных стен против движения солнца. Возносилась молитва на князя города и место закладки, просьба к Всевышнему о счастливой жизни будущих горожан: «...в единстве и целомудрии житие их укрепят, дома их умножи всякими благами...»

В первую очередь строилась казна — дубовый погреб, затем копались колодцы и тайники, возводились Божьи храмы. Застройка легко ложилась на рельеф местности — ровной и открытой. Доминанты города — башни кремля, колокольни свободно возвышались над жилой и общественной застройкой. Дома на улицах строились с определенными промежутками — прозорами, каждому домовладению выделялся земельный участок, на котором располагались жилье, хозяйственные постройки, сады и огороды. Закреплялась земля за монастырем и церквями.

За счет того, что Ливны стояли на высоком мысу, по краю которого шла стена, возвышались башни и храмы, они виднелись издали со стороны Поля, то есть Засосенья. Композиционное решение города типовое — город распо-

лагается на мысу при впадении малой реки в большую. Елец, Вологда, Вязьма компоновались аналогично.

Для заселения вновь построенного города и продолжения частного строительства «по верстанию» набиралась из разных мест привилегированная часть населения, которая записывалась в особые книги и обеспечивалась землей и деньгами. Как правило, это были дети боярские в молодом возрасте и из больших семей. Одновременно шло заселение посада низшим сословием: казаками, стрельцами, мастеровыми людьми, крестьянами. Они освобождались от крепостной зависимости, поэтому желающих поселиться на новом месте хватало. Были и беглые люди, совершившие преступления и проступки. Если они попадали под око Приказа сыскных дел, то их возвращали восвояси.

Расселял переселенцев воевода. Дома на выделенных участках они строили сами. При этом должны были устроить свою жизнь так, чтобы не нуждаться в денежном и хлебном жалованье из государственной казны, а обрабатывать самих себя за счет содержания скота, посадки зерновых и огородных культур, то есть, как сейчас говорят, жить на самокупаемости. Их не отвлекали от устройства хозяйства: «...городовое дело им делать не велеть, покамест они дворы себе не построят...».

Вместе с тем строго следили, чтобы каждая постройка не мешала соседу, не сокращала прозоры, не лишала его солнечного света и вида. «Закон градский» требовал соблюдения порядка и чистоты, нарушители подлежали суду за «смрадные нечистоты». Деревья сажали так, чтобы не затеняли чужие участки, наставлялось «проводить ремонт своих домов один раз в пять-десять лет». За перечисленными и другими требованиями строго следило городское управление.

Что же собой представляла крепость Ливны после окончания первоначального строительства?

На высоком мысу при впадении в Сосну речки Ливенки высились деревянные стены и башни кремля, или, как он назван в «Приправочной книге», «малого острожка». С двух сторон его защищали реки и крутые берега, а с третьей — ров и стоящая на высоком земляном валу стена.

Вокруг малого острожка раскинулись слободы. Казачьи — Егорьевская и Афанасьевская, Пятницкая и Никольская, а также Стрелецкая, Пушкиарская и Ямская. Дворы еще двух

слобод казаков — Успенской и Покровской расположились за рекой Ливенкой. Слободы посада тоже были укреплены. Их окружала линия укреплений, называвшаяся «Большим острогом». Стена его начиналась от малого острожка и шла по крутому берегу Сосны к ручью Пересыханка, где рядом с Сергиевским монастырем находились одни из крепостных ворот — Потайные, они, по всей вероятности, выходили на спуск к Сосне (Сергиевский спуск). Затем стена шла по склону Пересыханки (здесь находились Егорьевские ворота), а потом поворачивала и приблизительно в районе нынешней улицы Свердлова тянулась к Ливенке.

Эту самую опасную сторону защищали три башни с воротами: Афанасьевскими, Пятницкими и Никольскими. Далее стена опускалась к Ливенке и на другой стороне опоясывала казачьи слободы — Успенскую и Покровскую, заканчиваясь у впадения Ливенки в Сосну. В Заливенской части стены были устроены башни с воротами — Успенскими и Покровскими, называвшимися, как и все остальные, по близлежащим церквям.

В Большом остроге находилось более семисот дворов казаков, стрельцов, других служилых людей, стояли два двора воеводских, богадельня, мельница на Ливенке, десять церквей и монастырь.

Поднявшаяся на берегу Сосны крепость вызвала у врагов Руси приступ злобы. В первые же годы ее существования она подверглась ряду татарских набегов, но выдержала. Отразила и осаду авантюриста Заруцкого, покушавшегося на Ливны в 1613 году. Беда пришла спустя пять лет, когда к стенам ливенской крепости подошло войско запорожского гетмана Конашевича-Сагайдачного, следовавшего к Москве на помощь королевичу Владиславу. Ливенцев насчитывалось 940 человек, запорожцев в десятки раз больше. Враг дотла спалил Ливны. Бельская летопись сообщает: «... Ливны приступом взял, многую кровь христианскую пролил, много православных крестьян и з женами и з детьми посек неповинно... и храмы божия бсквернил и разорил и дома все христианские пограбил... и многих жен и детей в плен поймал...» Был пленен ливенский воевода Никита Иванович Егупов-Черкасский, второй воевода Петр Данилов пал в бою.

Так упорные труды ливенцев пропали прахом в одночасье. Новая крепость была воздвигнута лишь в 1641 году, на месте малого острожка.

ГАВРИИЛ ПЯСЕЦКИЙ РАССКАЗЫВАЛ...

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.*

А. С. Пушкин

уществовала когда-то в Орле ученая архивная комиссия, которая занималась историей края. В 1893 году в трудах этого органа публикуется сообщение, что «один из членов комиссии» составляет историю города Ливны и просит помочь получить для временного пользования материалы для архивов. «Одним из членов комиссии»

был Гавриил Михайлович Пясецкий (1832—1900), беспристрастный историк, «до самозабвения преданный интересам нашей Родины, искренно и глубоко веровавший в особенную милость Божию к православному русскому народу».

Уроженец Украины, он закончил Новгород-Северское духовное училище, в числе лучших — Черниговскую семинарию, а затем — Киевскую духовную академию. Поздней осенью 1863 года Пясецкий впервые переступил порог Орловской духовной семинарии, где провел первый урок и до последних дней своих преподавал гражданскую историю и «соединенные с ней предметы», в том числе географию. Среди семинаристов, слушающих его, были и наши земляки: Сергей Николаевич Булгаков, выдающийся русский философ и богослов, Николай Николаевич Феноменов, известный в России врач, другие ливенцы.

Свободное время проводил в тиши архивов, по крупичкам

выискивая исторические факты. Написал очерки об Орле, Ельце, Болхове, Кромах, Карачеве... В третьем, четвертом и пятом выпусках «Трудов Орловской ученой архивной комиссии» опубликовал «Исторические очерки города Ливен и его уезда», где краевед рассказал об истории Ливенщины, ее предках, с радостью поделился с читателями результатами архивных поисков: «Ливны принадлежат к числу древнейших городов Орловской губернии». И обосновывает свой вывод: рязанский краевед С. Е. Зверев нашел документы, из которых следует — уже в 12-м веке в Ливнах правили князья, сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича. Объясняет читателям, что река Сосна, носившая когда-то имя Созона, получила название от финского слова «созон», обозначающего грязь, болото. Рассказывает о большом пожаре 1647 года в Ливнах, о котором воевода Федор Ладыженский сообщал царю: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси холоп твой Федька Ладыженский челом бьет: в нынешнем 1647 году в 17 день августа в четвертом часу дня после обедни волею божьею загорелся на Ливнах в Сергиевском монастыре храм чудотворца Николы, и тот монастырь сгорел, и Ливенские от реки Сосны по реку Ливенку, и ямские гумна выгорели, а остались тех слобод дворы немногие, а... в городе наряд и зеленую казну, и всякие пушечные запасы, и драгунского строя казну, и хлебные запасы от пожара отняли... До августа же против 20 числа в ночи учинился пожар за рекою Ливенкою в Покровской слободе, выгорело полковых казаков пять дворов.

В 17 день августа выгорело:

Сергиевский монастырь, в нем церковь Николы Чудотворца, 9 келий братских, двор попов, двор дьяконов, монастырских бобылей 10 дворов; в Егорьевской слободе церковь Стратотерпца Егория, двор попов; Егорьевской слободы полковых казаков 68 дворов, в старой Стрелецкой слободе церковь Пятницы, двор попов; Черкасская слобода вся выгорела, а было в ней 57 дворов; Стрелецкая слобода вся выгорела, в ней было ливенских жильцов 76 дворов, болховских сведенцев 8 дворов; Никольской слободы полковых казаков 5 дворов, Пушкарской слободы 32 двора;

Ямской слободы дворы и гумна все выгорели, а в них было 37 дворов; ливенцев детей боярских 2 двора; донских казаков 2 двора; разных приходов церковных бобылей 12 дворов. Всего по всей росписи на Ливнах на посаде сгорело пять церквей да 328 дворов и монастырских келий».

Об бедственном положении приезжих людей, находящихся на государственной службе, писали воеводы Григорий Куракин и Андрей Бутурлин и просили отпустить погорельцев домой. Челобитную повезли в столицу владимирец Кирилл Деев, смолянин Иван Ипатъев, ржевitianин Иван Прокофьев, галичанин Давид Степанов, костромич Матвей Васильев.

«Били челом государю и иноземцы, проходившие военную службу по найму: поляки, литовцы, немцы, имевшие чины поручиков, прапорщиков, ротмистров. Писали царю грамоту и «бедные и разоренные ржевичи, зубчане, старичане, тверичи, новоторжцы»: «...те наши слободы, где мы стояли, погорели, служилая рухлядь, платья и запасы наши и конские кормы сгорели, и ныне мы, холопы, твои бедные и погорелые, бродим промеж дворов, помираем голодной смертью, а иные лежат от цинги без приюта...»

И все служилые люди молили государя: «Вели, Государь, нас, холопей... с твоей Государевой службы отпустить... Царь, Государь, смилуйся, пожалуй».

...Не скрывает Гавриил Михайлович от жителей и странницы бесправного прошлого, когда ливенские чиновники злоупотребляли своим служебным положением. Повествует, что «...6 июня 1806 года Сенатом (высшим судебным учреждением России) повелено было сенатору Павлу Степановичу Руничу «обозреть Орловскую губернию», то есть, говоря современным языком, провести ревизию деятельности местной власти.

Высокое начальство поездило «по городам и весям» губернии, посмотрело жизнь по документам и наяву и признало, что «губерния по изобилию и плодородию имеет все средства к удовлетворению общих нужд жителей», и в целом отметило благополучие дел. За труды праведные губернатор П. И. Яковлев был награжден орденом Анны I степени.

Жизнь текла, казалось, спокойно и размеренно, однако в 1816 году до государя дошли сведения о возникших в губернии разных упущениях и злоупотреблениях, и последовало высочайшее повеление сенатору Н. Е. Мясоедову «оревизовать губернию через строжайшее и подробнейшее исследование». В тот же год 21 августа Мясоедов прибыл в Орел с целым штатом набранных из разных губерний чиновников, которые и разъехались по уездам.

Комиссия пребывала и в Ливнах, отметив следующие злоупотребления: «Городничий Алымов и квартальный надзиратель Светимский сажали под караул в полицию обывателей и за них брали деньги, также брали деньги с ямщиков... Казенные поселяне претерпевали от казначея Протопопова и бухгалтера Шурбина большие притеснения, а во избежание их принуждены были давать деньги... Земского суда заседатель Башкатов во время полой воды заставлял ловить себе плавучий лес».

Сенатор нашел виновными «в противозаконных поступках, соединенных с лихоимством», и другую чиновничью рать: уездного судью Мишина, секретаря Степанова, чиновника Попова, канцеляриста Иванова, исправника Костромитинова, заседателя земского суда Мацнева, секретаря Докучаева, письмоводителя Андреева, чиновника Оболенского, землемера Лямина, формейстеров Шебашева и Александровича, протоколиста Высоцкого, исправника Оболянинова и заседателя земского суда Мамышева.

Всех перечисленных лиц, а также других, значащихся в приложенных бумагах, сенатор предложил предать суду, предварительно «отрешив от должностей», в том числе и губернатора. Что и было сделано.

Но через четыре года события приобрели совершенно неожиданный поворот. В Государственный Совет подал голос член Совета А. Б. Куракин, поставив под сомнение действия ревизоров. Орловский губернатор Соковин также доложил Сенату о правонарушениях, допущенных ревизорами Мясоедова. Он писал: «...Мясоедов при следствии собирал жителей через городскую и земскую полицию. Собираемые являлись не сами, но их представляли к следствию их начальники, их приводили к присяге без

присутствия ответчиков, другие после дачи показаний приведены к оной. Один из свидетелей однодворец Евтеев наказан кнутом, ливенской ямской слободы ямщик Калашников объяснил, что предварительно у него было отобрано показание, а на другой день он был приведен к присяге. Сельский заседатель однодворец Давыдов показал, что по приказанию чиновника Мясоедова собирал к нему поселян через волостного голову. По собрании их Мясоедов сначала уговаривал к даче показаний, а потом отбирал показания наедине».

В 1820 году Сенат предписал уголовной палате провести следствие на основании законов. В результате были освобождены от суда по Ливнам: Турбин, Мишин, Авдеев, Оболенский, Костромитинов, Степанов, Попов, Мацнев, Высоцкий, секретарь ратуши Головин «за медленность, беспечность и нерадение должности оштрафован третью жалованья». Губернатор Яковлев все-таки понес наказание. Департамент гражданских и духовных дел решил: считать Яковлева от должности отрешенным и впредь никуда не определять, к выборам не допускать, о поступках его дать знать всем присутственным местам. Сверх того подвергнуть его денежному взысканию. Печатный указ об этом последовал 24 августа 1824 года.

После прочтения этой были не скажешь, что в России запросто можно было творить беззаконие, высшее чиновничество держало в поле зрения низшее. Часто ли при этом все делалось по справедливости, — кто знает?

О любопытном документе рассказывает Пясецкий. 7 сентября 1853 года секретарь Орловской думы Волков написал в думу рапорт, в котором изложил следующее:

«В прошедшую субботу, т. е. 5 числа сего месяца утром в 10 часов урядник Воронков, войдя в присутствие, объявил мне, что исправляющий должность повытчика губернский секретарь Кугутин в зале канцелярии бреется. Я вышел в канцелярскую залу и, к удивлению, рассмотрел лично, несмотря на приходящих сторонних лиц, без всякого уважения присутствию думы, как бы в цирюльне сидя на своем месте завешан был белой салфеткою, и его цирюльник, намазавши мылом, бреет. В то же время запретил я ему таковое бесчинство, а цирюльнику велел выйти вон».

Прореагировала дума на рапорт мгновенно: в тот же день вынесла следующее постановление: «...чтобы на будущее время бритые в зале не было допущено, Волкову иметь за сим наблюдение, а губернского секретаря Кугутина, вызвав в присутствие, подтвердить, чтобы он впредь подобных неприличий не позволял». Эта история вызывает улыбку, также как и следующая.

В августе 1725 года Успенский поп Евтихий писал на имя архиепископа Леонида: «В нынешнем 1725 году августа в 9 день в Ливенском уезде в Серболовом стану в селе Чернавка в доме попа Стефана во время раннего обеда...Егорьевский поп Родион... назвал меня изменником и вором и бранил всякою неподобною бранью... посторонним людям сказывал, будто я посвящен собакою и самоставленником и перехожая грамота подписана воровски — своею рукою. Такие слова он говорил и бранил, и были свидетели: города Ливен Николаева девичьего монастыря поп Алексей да сын его поп Иван, села Теляжья поп Моисей, села Кривца поп Константин... Прошу вашего архиерейства о сем моем прошении решение учинить».

Управитель ливенских духовных дел Иродион приказал написавшего донос попа Евтихия и ответчика попа Родиона «заарестовать, в кандалах с провожатыми доставить» к архиепископу Леониду, что и было сделано. Однако арестом удалось избежать, так как их взяли на поруки в Москве дьячок ливенского села Хвоцевки Анфим и пономарь из села Ровнец Софрон. Написал же прошение о взятии на поруки поп Михаил Акиндинов из Воротынского уезда, «потому что они сами писать не изучены».

Егорьевский поп Родион покаялся перед судьей, признавшись, что бранные слова говорил, так как «был по случаю праздничного времени пьян и попа Евтихия бранил в пьянстве и беспамятстве». Но судью не разжалобили признания Родиона, и он, сославшись на Соборное Уложение, сказал, что согласно статье 14, слова, сказанные во пьянстве с последующим признанием, что они сказаны напрасно, влекут за собой битие кнутом. Суду также были представлены документы, подтверждающие, что поп Евтихий перехожую грамоту не подписывал «воровски — своею рукою», а поставлен на должность законно.

Суд постановил «доправить» с попа Родиона попу Евтихию 15 рублей, и «попу» Родиону перед приказными людьми учинено жестокое наказание — «бить плетью нещадно», после чего он был отпущен домой с паспортом.

Но этим дело не закончилось. Через год с небольшим священник Родион обратился к епископу Леониду с прошением: «...ныне таких денег 15 рублей взять негде... была скотинишка, вся попадала, и оттого пришел я в последнюю скудость, а иных пожитков нету...» Преосвященный Леонид не простил виновника, однако распорядился разнести штраф на несколько лет. Последние штрафные деньги поп Родион внес аж в январе 1729 года. На том эта история и закончилась.

Приводит в «Трудах...» Гавриил Михайлович Пясецкий и любопытное письмо конца 17-го века, переданное землевладельцем Ливенского уезда Ю. Н. Пигоревым в Орловскую ученую архивную комиссию, в котором перечисляется приданое богатой ливенской невесты. Кто она — нам неизвестно, многочисленным и ценным подаркам можно позавидовать. Приводим документ с небольшими пояснениями:

Образ святителя, оклад серебряный позолоченный.

Образ Пресвятой Богородицы, оклад серебряный позолоченный — две штуки.

Ларец. В ларце крест серебряный с цепочкой позолоченной.

Три запонки серебряные позолоченные с искрами.

Зеркало, белильница (пудреница), сурьмильница (баночка с краской для бровей).

Серьги золотые с яхонтами.

Двое серег серебряных позолоченных.

На шею бусы.

Украшение жемчужное.

Кокошник с короной, другой кокошник с золотом и жемчугом.

Чапец (головной убор) атласный, алый с кружевом серебряным.

Две ленты золотые.

Шапка соболя, верх бархатный.

Кунтыш (долгополая верхняя одежда), мех куний с кружевом.

Два кунтыша узорчатых с белым мехом.

Кунтыш узорчатый, мех заячий.

Куски золотой парчи, атласа, шелка.

Четыре юбки: с кружевом серебряным, желтая с фалдами, шелковая с кружевом.

Телогрея (теплая кофта) с пуговицами серебряными, еще две — красная с кружевом и китайская.

Муфта (меховой предмет для согревания рук), рукавицы шелковые.

Двое башмаков — красные, шитые золотом по бархату, и желтые с кружевом серебряным.

Чулки гарусные (шерстяные) алые.

Постель с изголовьем, подушками малыми, одеялом, шесть простынь.

Сундук с платьем, сундук с бельем, семь скатертей, двадцать полотенец для лица.

Тридцать полотенец для рук.

Пять платков тафтяных (из глянцевитой ткани).

Таз, рукомойник.

Двадцать рубах женских, в том числе две кисейных.

Вдова, две девки.

Семь людей (слуг).

Крестьян десять семей.

Вот такие истории поведал нам Г. М. Пясецкий. В больших творческих трудах прошла вся жизнь знаменитого краеведа, а истории позволяют нам, потомкам, как бы соприкоснуться с нашим прошлым, заглянуть в быт предков, узнать, как они жили.

ЛИВЕНСКИЕ СЕЛА

Пойдем в мой край.

Я покажу село мое...

Дмитрий Бляпский

Если направиться из Беломестной слободы по Воронежской дороге, то можно подняться на Шатилову гору и отсюда обозреть ливенские дали. На западе, обрамленные зелеными садами и скверами, — белые строения города, чуть ближе, среди шапок деревьев — высокий куб Адамовой мельницы с пустыми глазницами окон. А если перевести взгляд в противоположную сторону, то через поля, вниз по течению Сосны, просматривается большое красивое село. Это Успенское. Сельский краевед Валентин Болотских так написал о нем: «...распросталось по земле, словно два огромных могучих крыла, по низовью и горе, названной в народе Галицкой...»

Еще до постройки крепости Ливны по Сосне были устроены сторожи — наблюдательные пункты, на которых денно и ночью несли службу русские люди. Одна из них находилась на Лутовой горе, вблизи нынешней Успенки. С возникновением при слиянии Сосны и Ливенки крепости началось заселение этого края. Люди отвоевывали землю у леса, строили жилища, пахали и сеяли, разводили скот и птицу. К началу двадцатого века в Ливнах и уезде проживало около трехсот тысяч человек, из них в селах — 270 тысяч...

Село Успенское (Галичье) имело более трех тысяч жите-

лей. Здесь было волостное правление, школа, устраивались базары два раза в году. Работала даже читальня. Правда, обстановка в читальном зале была весьма скудной: шкаф, стол, табуретки, керасиновая лампа да портрет государя на стене. В шкафу стояли книги, которые были необходимы для изучения школьных предметов: «Святой Сергий Радонежский», «Сеятель истин для простого народа», «Избранные беседы, поучения и пастырские наставления сельским прихожанам».

В окрестностях Ливен было несколько крупных и замечательных сел. Одно из них, Воротынский, расположено в семи верстах от города на реке Полевой Ливенке. Село это имело в начале века до трех тысяч жителей, школу и два базара в году. В эпоху освобождения крестьян, то есть до 1861 года, было государственным, но само название его указывает, что в старину — это вотчина князей Воротынских. Об этом в труде «Россия» пишет известный русский путешественник Семенов-Тянь-Шанский. Далее он продолжает: «Село Крутое расположено на реке Труды, близ впадения ее в Сосну. Оно имеет более 3000 жителей, школу, лавки и два базара в году. Близ этого села имеются на реке Сосне интересные обнажения известняков девонской системы».

К западу от города расположена слобода Теличя (Телячья), имевшая более 3000 жителей и два базара. Весьма возможно, что в селе был один из складов живности, устроенный татарским баскаком для сбора поборов с округи. Выше по Сосне находится село Речица с двумя тысячами жителей, волостным правлением, школой, лавками и тремя ярмарками в году. Есть сведения, что в этом селе родился Александр Данилович Кулаковский, отдавший свою жизнь на горе Шипка в Болгарии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

В Успенской волости находилось село Козьмодемьянское (Нижний Кунач) на реке Кунач. 1700 жителей, школа, два базара в году. Село было одной из вотчин, пожалованных императором Павлом I Федору Васильевичу Растопчину, сыгравшему столь важную роль в обороне России против французов в 1812 году. В начале нынешнего века это село с 1500 десятинами земли принадлежало известному промышленнику, владельцу крупнейшей мельницы М. Ф. Адамову.

Было знаменито скотоводством, конским заводом, плодоводством и лесоразведениями. Недалеко располагалось село Жерино, которое имело более двух тысяч жителей, школу, базар. Ранее носило имя Дмитриевское.

Одним из крупнейших сел считалось Навесное (Богоявленское, Топское), в котором проживало 3500 жителей, было волостное правление, лавки и базары. В деревянном доме под соломенной крышей располагалась школа, в которой обучалось 90 мальчиков и 21 девочка. Классное помещение было небольшим, но кроме общих предметов здесь преподавали хоровое пение и гимнастику. В библиотеке насчитывалось аж 65 наименований книг, а из учебных пособий имелись глобус и две географические карты. В трех верстах лежало село Круглое с более чем тремя тысячами жителей, лавками и базарами.

В девяти верстах от Ливен на реке Кшень располагалось село Сергиевское (Голицыно). В нем было 1200 жителей. Это была вотчина князей Голицыных, представитель которых Михаил Федорович владел здесь 7000 десятин земли и был, таким образом, самым крупным землевладельцем Ливенского уезда. Выше по Кшени лежало село Никольский Верх, центр волости, имеющее более двух с половиной тысяч жителей. Были здесь и лавки. Восточнее, в десяти верстах, находилось обширное село Свиная Дубрава, имевшее 2800 жителей, школу и лавки.

Первой станцией за Ливнами по направлению к Мармыжам была станция Коротыш, а в пяти верстах от нее — большое село Коротыш (Михайловское). Имело 3500 жителей, два базара в году. Помещение сельской школы было выстроено на средства крестьян. Обучалось в школе 96 мальчиков и 5 девочек. В пяти верстах от станции Коротыш располагалось село Бородинка (Троицкое), в нем проживало 2800 человек, имелась богадельня, то есть приют для слабых здоровьем.

Ливенский уезд был одним из богатых в Орловской губернии. За тридцать пять лет, начиная с 1861 года, после отмены крепостного права население в нем увеличилось на треть. В крепостной зависимости находились немногим более 30 процентов крестьян, они получили по 2,7 десятины

земли, государственные — по 4,1 десятины. Дворян-земле-владельцев было 90. Вот наиболее богатые дворянские фамилии:

Князья Голицыны и Хитрово, каждая фамилия владела более чем 7000 десятин земли. Князья Долгорукие и Коровкины — от 6 до 7 тысяч десятин. Князья Шереметевы и Скарятинны — от 5 до 6 тысяч десятин. Князья Трубецкие и Петровские — от 4 до 5 тысяч десятин. Головины, князья Оболенские, Растопчины и Охотниковы — от 3 до 4 тысяч десятин.

Грамотность в селах составляла 24 процента, что почти на десять процентов превосходило средний показатель по России. В уезде проживало около пятисот дворян и около полутора тысяч человек духовенства. Врачебной деятельностью занимались до ста человек...

Вышеприведенное повествование дает краткое описание сел, какими они были на рубеже 19-го и 20-го веков. Время изменило их облик и уклад жизни. Численность населения упала, если не считать села Успенского, которое разрослось и неузнаваемо похорошело. Церкви в известное время были порушены, новые пока не построены (лишь в Успенском совсем недавно открыт храм), базары и ярмарки исчезли. Но все села пережили качественный рост. За последние десятилетия построены жилые дома, школы, дороги, организованы библиотеки, а в том же самом Успенском воздвигнут замечательный спортивный зал. Наряду с предприятиями с коллективной собственностью появились фермерские хозяйства. Теперь на селе работают люди с высшим образованием: специалисты сельского хозяйства, учителя, врачи и фельдшеры, клубные и библиотечные работники. Однако об удовлетворенности делами на селе говорить пока рано. Но люди верят в то, что их села станут красивее, а жизнь — культурной и зажиточной. И не только верят — работают ради этого.

ПРЕДВЕСТНИКИ БУРИ

алекими предвестниками революционных бурь в России можно назвать декабристов. Один из них, Александр Лукич Кологривов, родился в 1795 году в Ливенском уезде. Отец его, состоявший в родстве с И. С. Тургеневым и А. С. Грибоедовым, в первой половине 1790-х годов служил исправником в Ливенском нижнем земском суде,

затем советником в Орловской казенной палате, был связан со двором Екатерины Великой. В Ливенском уезде ему принадлежали сто душ мужского пола. Женат он был на Марии Евгеньевне Лавровой, помещице из Русского Брода.

Служил молодой Александр в канцелярии воронежского губернатора сначала регистратором, затем секретарем. Во время наполеоновского нашествия восемнадцатилетним добровольно вступает в Александровский гусарский полк. Прославился в Лейпцигском сражении, других боях, за что получил орден Святого Георгия.

В декабре 1814 года Александр производится в поручики и переводится в Кавалергардский полк, в котором служили будущие декабристы-орловцы З. Чернышов, Ф. Вадковский. Там же он знакомится с Пестелем, Бегичевым, Грибоедовым. В чине полковника вступает в Северное общество — тайную революционную организацию декабристов, центр которой был в Петербурге, а учредителями и активными членами стали Н. Муравьев, К. Рылеев, А. Бестужев. Основной целью они считали введение конституции и республиканского правления в России.

Как известно, восстание декабристов потерпело поражение. Во время выступления декабристов в Петербурге Кологривов был в Москве, но его немедленно арестовали и привезли в столицу. Резолюция царя гласила: полковника Кологривова посадить на гауптвахту под строгий арест. Затем он был переведен во вновь отделанный арестантский покой офицерского дома при Петропавловской крепости. На первом допросе он показал: «Никогда к обществу не принадлежал и в сношении с членами не был...» Однако улики сделали свое дело — он признался в участии в Северном обществе.

Император распорядился продержать его полгода в крепости, после чего отправить в армию и держать под тайным надзором. Служил он до 1840 года, награжден четырьмя орденами. Вышел в отставку и поселился в сельце Набережное, что на реке Олым, где и умер в феврале 1863 года.

«...Они были рассажены рядком на передних скамейках, милovidные личики невольно привлекали взгляд: трогательной одухотворенной красотой сияла Лидия Фигнер... одна подле другой сидели три Субботины, которых называли ласкающим словом «бабочки». Казалось, они сидят в университетской аудитории, а не в особом присутствии Сената, который своим приговором изматывает их жизни. Ничто не омрачало поведение подсудимых: оно было безукоризненно: себя не щадили, — товарищей всячески выгораживали...» — писала о «Процессе 50-ти», который состоялся в 1877 году в Петербурге, известная революционерка Вера Фигнер.

Сестры Субботины — Евгения (1853—после 1930 г.), Мария (1854—1878) и Надежда (1855—после 1930 г.) неоднократно бывали на Ливенщине, вели здесь пропаганду идей свободы и революции, став известными деятелями народничества. Организация, в которую они входили, именовалась Всероссийской социально-революционной.

Мать сестер была богатой помещицей, владевшей именьями в Орловской губернии. Это была богатая дворянская семья. Софья Александровна, дочь профессора Московского университета, дала дочерям достойное воспитание. С. А. Субботину не пугало увлечение дочерей революционными

идеями, больше того, она говорила им: «Вы, молодежь, ведите революционное дело, а я буду стараться вам средства приобретать».

Сестры учились в Швейцарии на медицинском факультете, вступили в политический кружок, и «уж не служение народу в качестве врачей, а перенесение социалистических идей в его среду стало целью их жизни». Они оставляют университет и поселяются в имении Подворгольское. Сюда же прибывают под благосклонную заботу Софьи Александровны известные представительницы народничества В. Н. Батюшкова, Н. А. Армфельд, Л. Н. Фигнер. Их девизом стали крылатые слова из стихотворения Плещеева: «Вперед! Без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья!»

По вечерам женщины ведут беседы на революционные темы с крестьянской молодежью, читают прокламации. Орловская народница Елизавета Николаевна Оловенникова (участница покушения на царя Александра II, узница Петропавловской крепости) писала о сестрах и их подругах: «Я видела их в своеобразных костюмах...» Это объясняется тем, что народники считали: и одеваться они должны как простые крестьяне, и физически работать.

В имении Субботиных скрывались и учительствовали в окрестных селах В. Батюшкова, Е. Завадская. Полиция обнаружила народников. При обыске в 1874 году в доме Субботиных нашли много революционной литературы. Софью Александровну арестовали и судили по «Процессу 193-х». Когда после трехлетнего заключения получила возможность просить о помиловании всей семьи, она отказалась это сделать. За этим последовали длительные ссылки.

Дочери же были судимы в феврале 1877 года. Обвинение было таким: участие в тайном обществе, имеющим целью «ниспровержение существующего порядка». Женщин приговорили к разным срокам каторги, замененной царем ссылкой. Вскоре после суда Мария умерла от туберкулеза, а Надежда и Евгения посвятили свою жизнь идеалам революции.

Вблизи села Воргольского в селе Васильевском родилась другая женщина, всю свою жизнь исповедовавшая идеи революции. Это Каллиста Афанасьевна Турбина (Родзевич-

Белевич после замужества). «Еще с 1896 года мы стали называть себя социал-демократами», — писала наша землячка, ставшая членом кружка, в который входили В. А. Русанов, В. К. Родзевич-Белевич, К. М. Остров и другие.

В 1896 году Каллиста поступает в Брянскую женскую гимназию. Распространяет нелегальную литературу, готовит стачку вместе с товарищами. «Целыми днями я печатала на гектографе прокламации, а потом отвозила их в Брянск», — вспоминала Каллиста Афанасьевна. Листовки печатались в доме Русанова. Учительствуя в селе, она организует кружок среди крестьян-бедняков, читает нелегальную литературу.

В 1900 году Турбину арестовывают. «Допросы велись по пять часов, — писала она. — Вернувшись в камеру, валялась с ног. Выпустили меня в августе и отправили в Ливенский уезд. До конца 1900 года прожила частью в родном селе Васильевском, частью в Орле под особым надзором».

Далее она связывает свою судьбу с орловским революционером Владимиром Карловичем Родзевичем-Белевичем, находившимся в ссылке на Кавказе. Там она живет под надзором полиции. В 1905 году Владимир и Каллиста приезжают в Орел.

Об их дальнейшей жизни свидетельствует донесение жандарма из Ливен: «В селе Васильевском... агитацию против помещиков ведет местный священник Афанасий Турбин... У этого священника есть дочь Каллиста Афанасьевна, которая, будучи сослана на Кавказ за политические дела, в настоящее время вернулась оттуда с сожителем Карлом Белевичем. Где они проживают — неизвестно, но часто приезжают в село, привозя с собой массу прокламаций...»

С 1913 года К. А. Турбина окончательно селится в Ливнах, занимается большевистской пропагандой..

В самих Ливнах уже в начале нашего века обострились оппозиционные настроения в среде политически активной части населения.

В ноябре 1902 года во время обыска в Ливнах были обнаружены 33, 36 и 41 номера большевистской газеты «Искра», а у одного из учеников Ливенского реального училища полиция изъяла рукописную тетрадь с ленинским «Письмом к товарищу о наших организационных задачах».

Через год ливенские жандармы не на шутку всполошились. С вокзала отправляли новобранцев в армию. На перроне было много провожающих, в овчинных полушубках толкались подвыпившие мужики, с узелками, в надвинутых на брови шалях стояли всхлипывающие крестьянки, стриженными головами растерянно крутили рекруты. Когда паровоз дал прощальный гудок и поезд медленно тронулся, лязгнув буферами, из толпы в дверной проем теплушки полетел небольшой матерчатый сверток. Его подхватили новобранцы, но унтер-офицер цыкнул на парней и отобрал. А когда развернул, увидел пачку листовок с набранным крупными буквами заголовком «Воззвание к новобранцам». Почувяв недоброе, передал добычу офицеру, тот — куда надо. Жандармы сразу усекли крамолу. Впрочем, ее любой бы грамотный обнаружил. В листовке раскрывалась захватническая сущность государственной политики, направленной на покорение народа окраин, осуждалось использование армии против недовольных политикой: «...Вспомните, кого запарывали насмерть в Полтавской губернии, в кого стреляли в Баку, Златоусте, Ростове и во многих других городах. Ведь в тех же крестьян, которым уже не под силу стало терпеть больше, тех же городских рабочих, которые поняли, кто их враг, и начали бороться за лучшую долю. Братцы, помните все это!..»

Жандармы активизировались, допросили подозрительных и вышли на след Анны Шуэль, приехавшей в родной город навестить родственников из Швейцарии, где училась в Цюрихском университете. Допросы ничего не прояснили — студентка категорически отрицала свою причастность к прокламациям. К ней были приставлены шпики, но действовали грубовато, что и заметила Анна, и поезд унес ее вновь за границу.

На время все успокоилось в захолустном городишке, и жандармы облегченно вздохнули. Но 5 декабря, на другой день праздника Введения, на улице опять появились листовки. Сплошная крамола — воззвание «К крестьянам». Даже непрофессионалу было понятно — второе обращение написано тем же, кто писал первое, перехваченное в вагоне месяц назад. Речь шла о том же. Новым, пожалуй, являлось то, что

был призыв свергнуть диктатуру и ввести выборную демократическую власть.

Поиски авторов листовок не имели успеха. Однако через несколько дней в полицейское управление пришла мещанка Анна Позднякова с объемистым свертком. Чиновники раскрыли его и ахнули: перед ними пахивали свежей краской три разновидности листовок, брошюры и более двухсот экземпляров билетов лотереи, устроенной литературным кружком. На сей раз в листовках были напечатаны воззвания к рабочим, солдатам и учащейся молодежи. Позднякова поведала, что нашла сверток в нагромождении камней, и видела там молодого человека. По приметам тайные осведомители угадывали Сергея Щеглова, сына чиновника, 24 лет.

Агентурным путем спустя месяц жандармы добыли письмо из Ливен за подписью «Груня», адресованное В. М. Гаврилову в Москву и датированное 16 января 1904 года. На аккуратно исписанном листе бумаги следователь прочитал: «...Не думай, что наши чудные Ливны беспробудно сыто спят... Есть масса молодых людей, которые образовали свой либеральный кружок. В нем участвуют студенты, некоторые реалисты и гимназистки. В одном доме жандармы два бочонка квасу выпустили, думали, что найдут там что-нибудь, но не нашли...»

Ливенский адресат «Груня» оказался неправ. Жандармы нашли авторов воззваний. Ими, кроме Щеглова, оказались Шлема Ландау, 18 лет, исключенный из реального училища за антиправительственную пропаганду, Иван Булавин, 37 лет, крестьянин, Тихон Сорокин, 24 лет, рядовой царской армии, находившийся в отпуске в Ливнах. Следствие вышло и за пределы Ливен, соучастниками оказались Самуил Шуэль и Георгий Рубин, студенты высших учебных заведений. Изготовителей листовок взяли с поличным в доме вдовы купца Сорокина Елизаветы Николаевны. (Этот дом находится на улице Ленина, в нем сейчас располагается магазин «Шанс»). Виновные понесли наказание.

Революционные выступления в крупных городах нашли отклик и на Ливенщине, в том числе и в сельской местности.

7 августа 1905 года ливенский уездный исправник отправил начальнику Орловского жандармского управления донесение с грифом «секретно»: «20 июля с. г. крестьяне

деревни Емельяновки... подстрекаемые сельским старостой Михаилом Конюховым, самоуправно выгнали пасти скот на жнивье яровых хлебов... Полякова... и когда служащие г-на Полякова стали загонять лошадей, то крестьяне бросились на них с дубинками...»

Осенью 1905 года выступления крестьян носят еще более наступательный характер. Почти ежедневно орловский губернатор Балясный направляет донесения в штаб Московского военного округа о беспорядках во вверенной ему губернии. Много упоминаний о Ливенском уезде: «...разгромлена усадьба Кривошеина... В усадьбе Шнейдера побиты стекла, угрожали разгромом усадеб Небольсиной, Охотникова, Набоковой. Крестьяне деревни Ожеги разграбили Новый хутор землевладелицы Лобановой-Ростовской, Никольский хутор ее же...»

В Ливны прибыли полсотни казаков из Ельца и 2-я рота пехотного Скопинского полка. Были арестованы крестьяне Иван Полуниин, Федор и Никита Жуковы, Олимпиада Сотская и сельский староста Козлов. До отправления в Ливны находились в конторе, но подошла толпа в триста человек и потребовала выдачи арестованных. С помощью казаков была рассеяна. С целью изъятия награбленного выносятся решения произвести обыск, но собралась толпа, вооруженная кольями, топорами, и заявила, что не допустит обыска. Лишь казаки сумели утихомирить крестьян, — обыск состоялся, но награбленного хлеба и овец уже не оказалось.

Пробудились от спячки и доселе тихие Ливны. 9 октября начали забастовку железнодорожники. Начальник станции Шеламов пытался было уговорить бастующих, но понял, что бесполезно, и тогда вызвал жандармов. Прибыл отряд в количестве двенадцати человек. А железнодорожники украсили паровоз красным флагом и лозунгом «Долой самодержавие!», снарядили паровозную бригаду и поехали в Верховье. На пять дней замерли поезда на перегоне Верховье—Мармыжи.

Принимали участие ливенцы в акциях неповиновения царизму и в других местах России. Уроженец Норовки Никифор Яковлевич Гончаров был среди участников вос-

стания на крейсере «Князь Потемкин-Таврический». Судьба крейсера известна: уходя от расправы, он скрылся в Румынии, экипаж сошел на берег. Никифор прожил на чужбине 12 лет, женился там, потом приехал на родину. Умер, когда следовал в Румынию, чтобы навестить родственников. В бунте на учебном судне «Прут» принимал участие Роман Петрович Губанов из села Ровнец Жерновской волости. Осужден к трем годам каторги. Два года провел в плавучей тюрьме ливенец Александр Тихонович Мещанинов — соратник Шмидта по руководству восстанием на крейсере «Очаков». Он последним покинул тонущий корабль и пять лет скрывался под вымышленной фамилией. Потом был найден и выслан в Ливны под негласный надзор полиции.

17 октября 1905 года государь Николай II издал манифест, которым предусматривались определенные демократические свободы гражданам Российской империи. Через два дня ливенские дворяне устроили празднество по этому случаю. В два часа дня во всех церквях состоялись торжественные молебны. Вечером в дворянском собрании состоялся торжественный банкет. Речи держали: помещик Лавров, владелец колбасного производства Соколов, врач Колпенский. 20 октября 1905 года в городе состоялось шествие под колокольный звон, участники несли церковные хоругви, портреты Николая II.

Накал выступлений стал спадать, однако о полном их прекращении говорить было рано. Они продолжались, демонстрируя «пробную» русскую революцию 1905 года.

БУРЯ

«И тогда соблазняются многие, и друга друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладееет любовь; претерпевший же до конца спасется».

Матфей, 24, 10-13

ва года войны, усилия большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным по превращению войны империалистической в войну гражданскую надломили силы царской России. В некоторых, особенно крупных городах начались перебои с продовольствием. Участились забастовки. Приняли широкие размеры солдатские выступления. В деревне крестьяне захватывали имущество и собственность помещиков. Начальник охранного отделения в Петрограде подавал бесконечные доклады министру внутренних дел Протопопову:

9 января 1917 года. «Тревожное настроение революционного подполья и общая распропагандированность пролетариата».

28 января. «События чрезвычайной важности, чреватые исключительными последствиями для русской государственности, не за горами».

5 февраля. «Озлобление растет... Стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом на пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех анархической революции».

Все эти доклады Протопопов клал под сукно. Ведь императрица сказала: «Революции в России нет и быть не может. Бог не допустит...»

Царь Николай II 3 марта подписал Манифест об отречении от престола, власть перешла в руки Временного правительства.

О настроениях того времени свидетельствует рапорт ливенского уездного исправника Кандаурова в Орловское губернское жандармское управление от 6 марта 1917 года: «При первом известии о перемене правительства среди населения стало замечаться враждебное отношение к чинам полиции... Стражникам нельзя было показаться на улице, их встречали насмешками и руганью... 4 марта в Ливны прибыли три нижних чина, бежавших из орловской слабосильной команды, напились пьяные и стали ходить по городу, агитируя за новое правительство... На следующий день по городу стали ходить манифестующие. Подойдя к дому военного начальника господина Перекалина, они потребовали, чтобы тот вышел к ним, а когда им было отказано, они силой ворвались в дом, требуя его осмотра...

В толпе появился второй беглец, у него было ружье, и он стрелял в воздух. Его удалось арестовать...»

13 апреля в Ливнах был образован Совет. В него вошли представители партий социалистов-революционеров, конституционных демократов, социал-демократов. Но власть созданному Совету практически не принадлежала, властным органом была городская Дума, однако работала она с Советом в полном согласии.

В противовес этим органам власти городская и сельская буржуазия, чиновничество создали Комитеты общественных организаций, в состав которых вошли гласные (депутаты по-нынешнему) земских и городских органов. Из своего состава эти органы выбрали уездного и волостных комиссаров. Уездным комиссаром стал Владислав Владимирович Голицын, крупный землевладелец. 21 мая были учреждены волостные земские собрания как органы власти на местах. Ливенское городское самоуправление состояло из выборной городской Думы. Председателем был избран Акемтий Трифонович Соколов. Земельную управу возглавил владелец

конного завода Клавдий Каллистратович Заседателев, зять купца Р. С. Аксенова.

О положении в Ливнах сообщает в сентябре газета «Дело социал-демократа»: «...принять меры к заключению мира... во главе армий поставить преданных делу революции людей... провести новое обложение населения налогом, нормировать зарплату рабочим и прибыли...»

Л. В. Афонский утверждал на заседании Совета, что государственная власть должна быть многопартийной, Д. И. Денисов выступил с лозунгами РСДРП...» И так далее.

На селе воля властных структур принималась во внимание слабо. Например, крестьяне деревень Карповка и Денисовка установили заработок мужчинам 60 рублей, женщинам — 40 рублей и обязали землевладельцев не снижать этих норм. Ливенский помещик А. К. Мишин жаловался в телеграмме орловскому губернскому комиссару: «Никольский земельный волостной комитет сделал постановление об отобрании у меня всей земли, оставленной для озимого посева... под предлогом якобы плохой обработки ее, несмотря на то, что эта земля была мною вспахана и проскорожена. Землю эту комитет разделил между 19 крестьянами хутора Горюшкина...»

Журнал «Крестьянский архив» приводил сведения, что с марта по июнь 1917 года в Ливенском уезде было 43 случая самовольного захвата земли.

...По предложению В. И. Ленина 24 октября началось восстание по свержению Временного правительства. За ночь в Петрограде были заняты правительственные учреждения и окружен Зимний дворец — резиденция правительства. Вечером 25 октября по дворцу был дан холостой выстрел с крейсера «Аврора», в экипаже которого было около шестисот человек, в том числе 29 из Орловской губернии и двое с Ливенщины: Назаров Павел Евсеевич, матрос первой статьи, уроженец хутора Кшень Никольской волости, и Семенов Василий Саввич, музыкант крейсера, ливенец. В захвате Зимнего участвовали также ливенцы, в частности, уроженец села Успенского Петр Ильич Мосалов. Вот что он рассказывал: «...в нашей казарме было какое-то деловое оживление: чистили винтовки, пулеметы, получали патро-

ны. А когда на улицах вечернего города зажглись огни, наш полк с оружием в руках двинулся к Зимнему, охраняемому казаками и юнкерами.

После падения Временного правительства его члены были арестованы, я вместе с другими солдатами охранял министров бывшего правительства...».

25 ноября состоялись перевыборы Орловского губернского Совета. Победу одержали большевики, получив более половины мест в исполнительном комитете.

Этому событию предшествовали всероссийские выборы в Учредительное собрание, которые проводились по партийным спискам. В Ливенском уезде 83 процента голосов избирателей было подано за представителей партии социалистов-революционеров С. А. Володина и С. Н. Маслова. В целом по России победу одержала также эта партия, большевики оказались на третьем месте. 5 января 1918 года открылось заседание Учредительного собрания. ВЦИК предложил этому органу признать власть Советов, одобрить выработанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого класса». Однако большинством голосов Учредительное собрание отказалось обсуждать декларацию, отказалось также признать власть Советов. На другой день декретом ВЦИК Учредительное собрание было распущено.

В Ливнах события развивались так. 7 января телеграммой в Совнарком было сообщено: «В Ливнах образовался военно-революционный комитет. В городе спокойно и полный порядок... Вся власть в руках комитета». Председателем ВРК стал солдат-большевик И. Д. Селитренников, он же — председатель исполнительного комитета. Уисполком разместился в доме купца М. Ф. Адамова.

25—28 января в городе проходил уездный съезд Советов (в здании нынешнего дома культуры). Съезд одобрил существование военно-революционного комитета и принял решение о создании в уезде власти «на большевистских началах». Были национализированы банки, кредитные и ссудно-сберегательные товарищества, электротئاتр туманных картин (кино), чугунолитейные мастерские.

На сходах крестьян были избраны делегаты волостных

Советов. 8 марта состоялось совещание волостных комитетов, которое отказалось принять к исполнению положения закона о социализации земли (от 19 февраля). Уисполком объявил о созыве очередного съезда Советов. Но 16 марта в Ливны прибыл поезд с вооруженными людьми под командованием Иосифа Бермана, начальника штаба по борьбе с контрреволюцией. И. Д. Селитренников и красногвардейцы были арестованы.

Съезд открывается 19 марта, но уже под руководством временного революционного Совета. Мандатную комиссию возглавляет И. И. Клепов, социалист-революционер. Берман на съезде заявил, что прибыл разогнать кучку авантюристов, не пользующуюся доверием народа. С. М. Крюков, председательствующий на первом съезде, внес предложение: вновь избранному исполкому расследовать все преступления лиц бывшего президиума исполкома... За резолюцию, одобряющую действия временного исполкома, проголосовало большинство при 12 воздержавшихся. Один голосовал против.

В новый уисполком были избраны члены по одному от волости и три от съезда. И. И. Клепов стал председателем.

Следует отметить: организация социалистов-революционеров в Ливнах была мощной. Уже в конце марта 1917 года насчитывалось более ста членов этой партии: учителя, крестьяне, торговцы, солдаты, офицеры. К марту большая часть организации состояла из солдат и крестьян.

Из других партий функционировали социал-демократы (меньшевики), в которую входили интеллигенция, кустари, служащие. В организации большевиков на середину января 1918 года состояло 54 человека.

Обстановка в уезде была сложной и противоречивой. В середине апреля состоялся очередной съезд Советов в Орле, где прозвучала резкая критика в адрес нового исполкома за срыв хлебной монополии, саботаж заготовки продовольствия, разгул самогонварения. Возвратившись со съезда, И. И. Клепов организовал свое переизбрание. Председателем уисполкома стал Д. Д. Прикащиков, выходец из местных крестьян, бывший матрос прогулочной яхты царя Николая II. Клепов возглавил комиссариат, ревтрибунал, редакцию газеты «Пахарь».

После июльского (1918 г.) вооруженного мятежа в Москве левые эсеры изгонялись из органов власти. Еще ранее И. Д. Селитренников под давлением большевиков был освобожден из тюрьмы и избран в состав уисполкома. Большевистская фракция в уисполкоме крепла. Организуется чрезвычайная комиссия (ЧК). Лезозсеровский состав ревтрибунала был заменен новым под руководством А. И. Яковлевского, большевика с октября 1917 года.

Тем временем создаются реквизиционные отряды, которые забирают хлеб у зажиточных крестьян для «умирающего пролетариата» в городах. Организуются комитеты бедноты, в которые чаще всего попадают лодыри и лежебоки. Все это вызывает недовольство у крестьян, зарабатывающих на жизнь своим собственным, порою изнурительным трудом. Коммунисты стали создавать регулярную армию «для защиты завоеваний пролетариата». В разгар уборочной страды из уезда призывалось две тысячи унтер-офицеров. Они собрались и на митинге постановили «разойтись по домам». Противостояние крестьянства и власти усиливается, левые социалисты-революционеры во главе с И. И. Клеповым берут движущие силы протестующих под свой контроль, подстрекают на восстание. И в августе 1918 года крестьяне подняли мятеж, сорвав зло на большевиках и активистах — расстреляли около семидесяти человек. Восстание подавили с помощью регулярных воинских частей, убив при этом триста человек. Подробно о мятеже написано в моей книге «Страницы ливенской жизни».

В сентябре волостные продовольственные отделы были ликвидированы, их заменили комбеды — активизировались заготовки продовольствия, у кулаков изъяли скот, инвентарь. На уездном съезде комбедов 1 сентября 1918 года принимается решение, чтобы все вопросы решать совместно с коммунистами ячеек, активных комбедовцев рекомендовать в партию коммунистов. Лезозсеровское руководство редакцией газеты «Пахарь» заменено на коммунистическое, газета стала называться «Свободный пахарь». Кроме того, большевики стали издавать свой журнал «Большевик-коммунист». Во многих селах создавались коммунистические ячейки. К концу года в уезде в 20 волостных и 16 сельских

ячейках насчитывалось 900 членов и 470 сочувствующих партии. А 16 января 1919 года состоялась уездная конференция ливенской организации РКП(б) с присутствием 98 делегатов, на которой председателем укома партии избрали Ф. А. Печурова, рабочего по происхождению, в партии — с 1916 года.

Хозяйственная жизнь шла своим чередом. В ноябре 1918 года вводится чрезвычайный налог, который собирается очень туго. Председатель исполкома Прикащиков принимает очень тугие меры: «В Ливенском районе расстреляны только для примера 6 человек и, к несчастью, из середняков и один бедняк... всего расстреляны 18 человек».

Вскоре на плечи населения, власти, партии коммунистов легли другие чрезвычайно важные задачи. На территории уезда разворачивались боевые действия гражданской войны. На подходе к городу осенью 1919 года были части армии генерала А. И. Деникина. Все было направлено на то, чтобы противостоять им. На Ливенщине вновь разыгрывалась буря.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

езд с именитым гостем внушал любопытство и страх у ливенских обывателей — начальство зря не ездит. Да еще свежи были в памяти события августа прошлого года, когда крестьяне сначала громили большевиков, а потом большевики — крестьян. В день приезда высочайший военачальник встретился с народом. Восторженно описывает местный репортер это событие: «Показалась плотная фигура человека средних лет с вьющимися черными волосами, с черными пронзительными глазами, полными энергии и жизни, с маленькой черной бородкой. Восторженное «ура» пронеслось в воздухе. Тов. Троцкий вошел в автомобиль и в краткой красивой речи приветствовал толпу...»

...Когда И. Сталин стал хозяином в стране, его соратники частенько льстили ему. Так, Климент Ефремович Ворошилов объявил, что когда на Южном фронте в 1919 году сложились тяжелые условия, то товарищ Сталин был послан туда на спасение положения, ибо другого спасителя просто не существовало. Товарищ Троцкий в мемуарах ставит на место народного полководца, заявляя, что «партия посылала на самые трудные участки меня». Как бы то ни было, но 5 июля 1919 года Политбюро ЦК в лице Ленина, Каменева, Крестинского, Калинина, Серебрякова, Сталина, Стасовой постановляет: «...сосредоточить т. Троцкому работу на Южном фронте...» Именно Троцкий на практике осуществлял лозунг В. И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным!»

Большевики четко представляли себе смертельную опас-

ность для завоеваний революции высокоорганизованных армий под общим командованием А. И. Деникина, двигавшихся летом девятнадцатого в направлении Орла и Тулы. Для ознакомления с обстановкой на Южном фронте туда выехал Председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий. 13 июля 1919 года он прибыл в Ливны.

Вечером после встречи «сеанс массового гипноза», проводимый, по словам Ленина, «лучшим большевиком», продолжился на общегородском митинге в театре: «3-тысячное собрание граждан города Ливны, заслушав доклад Троцкого, вождя рабоче-крестьянской армии, дает клятвенное обещание рабоче-крестьянской власти помереть или победить заклятых врагов рабочих и крестьян. Временный успех банд царского генерала и англо-французского опричника нас не страшит, и как многим царским генералам мы находим свое место, так и бандиту Деникину укажем его место. Мы добьем мировую контрреволюцию и всех генеральских гадюк».

Визит «Красного Льва» в Ливны завершился на мажорных тонах. Однако не для всех. По рекомендации губчека Ливенский уездный комитет партии и уисполком приняли решение взять «заложников буржуазии». Арестовали 46 человек, 35 были отправлены в Орел в распоряжение губчека, а 11 человек содержались в Ливенской тюрьме. Это мероприятие проводилось как раз в день визита Льва Давыдовича в Ливны, то есть 13 июля. Судьба заложников неизвестна.

К этому времени белые захватили Харьков, Екатеринослав, Царицын, после чего Деникин отдал директиву, в которой конечной целью провозглашался захват Москвы. Войска генерала Май-Маевского должны были наступать на Курск, Орел, Тулу. Они это и делали. 20 сентября вошли в Курск, энергично продвигались к Брянску, Орлу, Ливнам. 26 сентября собрался пленум ЦК, который командующим Южным фронтом назначил А. Егорова, членом реввоенсовета фронта И. Сталина, членом реввоенсовета 14-й армии С. Орджоникидзе. Последний сообщал В. И. Ленину о беспорядках, царивших в 14-й армии: «... Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание

серьезности момента. В штабах — никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка...» Командующим 14-й армией был И. Уборович. Но Владимир Ильич получал донесения не только от Орджоникидзе, о чем свидетельствует рукописное письмо Ленина:

«Тов. Орджоникидзе.

Т. Серго. Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Формальная бумага. Скандал и позор. А я-то Вас направо-налево Всем нахваливал! и Троцкому доложено....

Ответьте тотчас!

1) Кто Вам дал вино?

2) Давно ли в РВС 14 у Вас пьянство? С кем еще пили и гуляли?

3) То же — бабы?

4) Можете по совести обещать прекратить (или если не можете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

5) Командарм 14 — пьяница? Неисправим?

Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет.

Ваш Ленин»

По призыву партии была проведена массовая мобилизация в Красную Армию. С дезертирством велась жестокая борьба. Орловский губернский трибунал нещадно приговаривал дезертиров к расстрелу, в том числе и в Ливнах. На захваченных белыми территориях также проводилась мобилизация. Воевали граждане России друг против друга — таковы условия братоубийственной гражданской войны. 11 июля Ливенский уездный комитет РКП(Б) постановил мобилизовать для отправки в распоряжение 13-й армии 12 коммунистов, в том числе В. И. Черкасова, секретаря укома, Ф. А. Житова, редактора газеты «Свободный пахарь». 18 сентября на объединенном собрании коммунистов Ливен и воинских частей 13-й армии принято постановление следующего содержания: «Сформировать партизанский отряд. Ядро его должно быть из самых стойких коммунистов, на деле прошедших опыт гражданской войны...»

Ломая сопротивление частей 13-й и 14-й армий, 2 октября марковцы овладели Ливнами, 13 октября корниловские полки ворвались в Орел.

Ливенец Митрофан Андреевич Горностаев, работавший железнодорожником на участке 64 километра, что возле моста, вспоминал: «Красные уходили спешно. Хотели взорвать чугунный мост, но не получилось — лишь с одной из опор соскочил большой пролет. Белые быстро поставили его на место».

На захваченной территории деникинцы уничтожили советские учреждения, восстановив органы, действующие до революции. Появились приставы, урядники, городские думы, суды. В деревне установили старые аграрные отношения. Действовали полевые суды. Крестьянина Ливенского уезда С. А. Губанова за причастность к большевизму и угрозы в адрес казаков Донской армии приговорил к расстрелу. Столь же трагичной была судьба единственного сына прославленного генерала А. А. Брусилова, командовавшего эскадромом у красных. Попав в плен под Ливнами, он был расстрелян.

В середине октября на всем Южном фронте развернулись кровопролитные бои. 20 октября был освобожден Орел, 21 числа командование Южного фронта отдает директиву армиям. В пункте втором приказывается: «Командиру 13, в подчинение коего переходит Эстдивизия, развить энергичное наступление по всему фронту армии, для чего... б) 9-й стрелковой дивизии быстро и решительно наступать на Ливны вдоль большака Орел—Ливны, в) 3-й стрелковой дивизии наступать на Верховье—Ливны, г) 42-й стрелковой дивизии, продолжая решительную операцию ударной группой дивизии на Ливны, прочими силами дивизии активно оборонять Елецкое направление...»

4 ноября красные взяли Ливны. Весомый вклад внесли при этом ливенские коммунисты — лишь двадцать человек числились в партячейках в уезде, остальные боролись с деникинцами, которые откатывались на юг...

Но бойня не на жизнь, а на смерть между гражданами России продолжалась. Она несла смерть, разорение и беды.

ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ

История домов бывает подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и делаются свидетелями нескольких людских поколений.

К. Г. Паустовский

ля того, чтобы прикоснуться к истории, достаточно переместиться лет на сто назад по времени и отправиться в воображаемое путешествие. Можно при этом Ливны не покидать. Зачем уезжать из родных мест, если в старые времена здесь все шло своим чередом, и, несмотря на заштатность городка, жизнь по-своему была насыщенной и интересной.

Вот центральная улица. Теперь ее зовут Ленинской. Когда-то называли Соборной, еще раньше — Дворянской. Начиналась она от Сенной площади, где собирался сельскохозяйственный рынок, теперь эту территорию занимает городской стадион. В самом начале пути по улице остановимся у второго дома с правой стороны. Сейчас его занимает федеральная связь, а когда-то он принадлежал купцу Аксенову. Одноэтажный, семь полуарочных окон, незатейливые пилястры. Дом чем-то напоминает своего хозяина. Скуповатым слыл этот человек. Старожилы рассказывали, что, бывало, остановится около дворника с метлой, наставляет: «Метелкой поменьше размахивай, не скреби по камням. Ты знаешь, сколько нынче метла стоит? Пять копеек». И пойдет дальше. Экономил на всем, но и дела у него шли

неплохо: имел несколько водяных мельниц, в частности, в селе Михайловском (ныне Коротыш), поставлял муку даже в Санкт-Петербург. Сказывали, что родного сына наследства лишил и по миру пустил за то, что стал кутить и жизнь распутную вести отрок.

Чуть подалее на противоположной стороне улицы стояло здание Русско-Азовского банка (ныне — музыкальная школа), далее — гостиница Каменева. Двухэтажная, с ажурным балконом посередине. На крыше возвышались столбики труб, украшенные замысловатыми шапками, вырезанными из жести. Номера в гостинице стоили дорого, но и люди останавливались денежные, в основном купцы, приезжающие в Ливны, чтобы купить или продать товар на ярмарках (перед Отечественной войной здесь были милиция и УНКВД).

Самым богатым и знаменитым местным промышленником считался М. Ф. Адамов. Дом его сохранился до сего времени — стоит напротив кинотеатра «Октябрь». Владел он мельницей на Сосне, которую и сейчас называют «Адамовской». Она считалась пятой по величине в России. Вел хозяйство рачительно, имел большие доходы, занимался меценатством, или, как говорят сейчас, спонсорством: строил школы, благоустраивал город. В восьмидесятых годах прошлого века выстроил Ново-Никольскую церковь (на ее месте расположен ныне Комсомольский сквер). Это был величественный храм. Как писал в журнале «Исторический вестник» М. Городецкий, церковь «... как по величине и по архитектуре своей, так и по внутренней отделке, могла бы служить украшением столицы...» Утрачена красота, разрушен храм.

Не спеша пройдем по улице дальше. На нашем пути с левой стороны встретится здание гостиницы «Ливны». Арочные окна, второй этаж украшен прямоугольными пилястрами. В доме рядом размещалась когда-то аптека Крафта. На первом этаже продавали лекарство, второй занимал хозяин. Конкурировал с Майзелем — владельцем аптеки напротив Ново-Никольской церкви.

Невдалеке через улицу — универсальный магазин, когда-то — дом купца Дагаева. Первый этаж имеет и сейчас

широкие окна-витрины, на втором — обычные окна. Внизу размещался магазин купца, вверху — контора и жилые апартаменты его семьи.

Напротив возвышалась колокольня величественного собора (сейчас на этом месте магазин «Оптика»), трапезная простиралась по улице Елецкой (ныне Свердлова). Это был самый крупный храм в Ливнах, поэтому и улица получила название Соборной.

Рядом с рестораном «Сосна» стоит оштукатуренное трехэтажное здание с магазином «Шанс» на первом этаже. Этот небольшой высокий дом принадлежал вдове купца Сорокина. Дети ее Анна, Николай и Тихон увлеклись большевистскими лозунгами, печатали на гектографе антиправительственные листовки, которые распространяли в городе. Жандармы с ног сбились, отыскивая авторов, но дом был вне подозрений — хозяйка пользовалась безупречной репутацией. Однако тайную типографию все-таки обнаружили. Есть предположение, что в доме Сорокиной в 1903 году бывал М. В. Фрунзе.

Пройдя в городской сад, увидим два здания: районный дом культуры и библиотеку имени А. С. Пушкина. В первом 25 января (7 февраля) 1918 года открылся уездный съезд Советов, который объявил о переходе власти в Ливнах и уезде в руки Советов. Делегаты собрались со всей Ливенщины: крестьяне в овчинных полушубках, солдаты в пропахших порохом шинелях, рабочие, обыватели. Сквозь табачный дым по залу разносились лозунги, требования, предложения. Все хотели лучшей, справедливой жизни.

А там, где сейчас библиотека, помещался трактир Заседателя — видного ливенского промышленника и торговца, основателя винно-водочного завода (ныне спиртзавод «Этанол»), богатого человека. Кстати, дом его по улице Казанской (улица Карла Маркса, 118) цел и поныне. Красивый и вместительный...

Месторасположение городского сада — историческое. Давайте некоторое время посвятим ему. В 16-м веке на крутом мысу высились стены и башни кремля, именуемого тогда «малым острожком». Ливенцам покоя не давали татары, а в 1618 году гетман Конашевич-Сагайдачный со своим

войском запорожцев совсем разорил кремль и крепость. В конце 17-го века все отстроили заново. Сохранился чертеж кремля, выполненный Михайлом Золотиловым в то время. По периметру кремлевская стена имела длину около 700 метров, подступы к ней преграждали ров глубиной пять метров и деревянные заостренные столбы, поставленные вертикально, — надолбы. Семь башен, три яруса бойниц служили для обороны от неприятеля. В кремль вели трое ворот: Заливенские, располагавшиеся в сторону стрелки при впадении Ливенки в Сосну, Никольские, выходившие на Новосильскую дорогу (приблизительно в сторону улицы Ленина), и Егорьевские, дорога от которых вела мимо Сергиевского монастыря в Егорьевскую казачью слободу. Над этими воротами возвышалась самая большая дозорная башня, на балках которой висел вестовой колокол, в нужное время возвещавший о приближении врага со стороны «дикого поля». Весил он шесть пудов и двадцать гривенков (чуть более ста килограммов).

Позднее, в 18-м веке, когда угроза нападения миновала, от кремля вдоль Сергиевской горы вниз к Сосне был сооружен спуск с мощеной дорогой. Вместе с дорогой по улице Акатовской Сергиевский спуск стал главной артерией, по которой город сообщался с заречной стороной. Примерно на середине спуска была поставлена часовня с острой пирамидальной башней, увенчанной небольшим медным крестом.

Спуск вел к переправе, которая существовала издревле, являясь частицей Муравского шляха. По ней ходили захватчики походами на Русь, переправлялись русские воины, преследуя неприятеля. Иногда сходились для переговоров. Так, в 1593 году на самой середине встретились русские и ханские послы. Представители царя предложили татарам вести беседы в шатре на левом берегу, но ханцы отказались: «Казы-Гирея имени потерять». Русские также не пошли в татарский шатер на правый берег. После долгих споров решили встретиться на середине переправы...

Время изменило облик города и его главной улицы. Здания сохранились лишь частично, из божьих храмов выстояла только церковь Сергия Радонежского. На месте мощеной камнем дороги появилось гладкое покрытие, по

центру улицы проложен широкий тротуар, обсаженный аккуратными ветвистыми каштанами. Сергиевский спуск превратился в тропку с остатками каменного мощения и зарос кустарником. Вместо существовавшей построена новая часовня, но другой архитектуры. От переправы остались едва различимые приметы в виде нагромождений камня и почерневших свай. Над нею высится стальной мост, соединивший город со слободой Беломестной и ливенским Засо- сеньем.

Память о прошлом осталась лишь в воспоминаниях, на старых фотографиях да в зданиях — безмолвных свидетелях истории.

СТАРОЖИЛ ВСПОМИНАЕТ

*Я вернулся в тот город, знакомый до слез,
До прожиток, до детских припущих желез...*

О. Мандельштам

вана Ивановича Руднева помнят, наверное, многие ливенцы. Будучи командиром батальона, в составе 148-й стрелковой дивизии он освобождал Ливенский район от оккупантов. Его фамилия часто фигурирует в военной мемуарной литературе, в частности, в книге «Через всю войну» о боевом пути 13-й армии. Ливенский журналист Александр Самойлов написал о нем еще в шестидесятых годах повесть «Человек из легенды».

Принципиальный и вечно неуспокоенный, он заслуженно носил звание «Почетный гражданин города Ливны». Правда, в одно время, когда нужно было язык держать за зубами, за прямоту его лишили этого звания, было приказано в местной печати не упоминать его фамилию. Почему? А потому, что на собрании ветеранов нелюбезными словами отчитал тогдашнего военкома, упрекнувшего Руднева: «Довольно тебе с костями возиться, надоело!» Такое было сказано за заботу бывшего фронтовика о могилах погибших за освобождение Ливен. Но справедливость спустя несколько лет все же восторжествовала. Он снова начал носить почетное звание. Последние дни жизни Иван Иванович прожил в Москве у дочери, но тоска по родине брала свое: он покупал билет на автобус и спешил в отчий край. Трудно

давались ему, незрячему, на девятом десятке лет, эти поездки, но потребность подышать ливенским воздухом, пообщаться с земляками была непреодолима. Последний раз удалось побеседовать с ним в 1991 году, незадолго до его смерти.

Мы сидели в номере гостиницы «Ливны» за столом, накрытым накрахмаленной скатертью. Иван Иванович, худощавый, высокий, несмотря на свои годы собранный и подтянутый, вспоминал. Нет, не о войне. Этой темы мы не касались. Рассказывал он о Ливнах своей молодости, об укладе жизни в старые времена. И его рассказ уводил как бы в воображаемое путешествие...

«Я люблю свой город, прожил всю жизнь здесь, центральная улица — улица Ленина, знакома мне до каждого камня, до каждого порога. Ранее она называлась Советской, а еще раньше — Соборной. На этой улице возвышался просторный, красивый собор. Это была, пожалуй, одна из богатых церквей города. Разрушили ее, а для чего? На параллельной улице — она называлась Казанской — находилась Казанская церковь. И тоже разрушена. В советское время улице дали имя Карла Маркса. Жили на названных улицах почти сплошь богатые люди: купцы, промышленники, государственные чиновники высокого ранга. Ниже этой улицы раскинулась улица Крестьянская. Когда-то называлась Дворянской. Почему — не знаю. Там жил всего один дворянин — Шаройко. Рабочая раньше называлась Кузнецкой. Также непонятно почему. Кузнецы в двадцатые годы жили на том месте, где сейчас расположен сквер Поликарпова, вернее, где его граница со стадионом. Стояло там пять или шесть кузниц мастеровых Поляковых, Малыгиных... Ковали железные части для саней и повозок, подковывали лошадей. А кто поискусней — ворота, решетки, ограды для церквей, банков, магазинов, для домов богатых купцов. Целый день над кузницами, бывало, дымок вьется, да перезвон молотов по близлежащим улицам разносится. Нынешняя Федеративная звалась Козьей шейкой, а Красноармейская — Солдатской, там стояла казарма, где жили солдаты.

«Дошли» мы до самой речки Ливенки, пройдемся теперь,

по улицам, расположенным выше Ленинской. Рядом — улица Горького (Никольская), ее украшала церковь Новая Никола. На месте нынешнего Комсомольского сквера она возвышалась. Красоты необыкновенной была. Как-то размышлял о ливенских церквях, и вот что подумалось: все места, где раньше храмы стояли, застроены, лишь место расположения Новой Николы свободным осталось. Когда-то же в Ливнах будут строить вторую церковь, ей тут — самое подходящее место. Тем более, земля была церковная, место святое. Лучшего расположения не найти.

Улица Дружбы народов носила имя купца Акатова, потом ее переименовали в честь революционера Шмидта. Дома купца размещались здесь. Один из них, двухэтажный с подвалом, знаменит тем, что в нем в Отечественную войну располагался немецкий штаб. Его разбомбил наш летчик. Точно рассчитал и прошил тяжелой бомбой до подвала, а координаты ему сообщила разведка. Жаль, имя летчика неизвестно.

Спуск, что к мосту через Сосну, называется Акатовской горою, с нее на масленицу на санках скатывались. Народу бывало — пропасть. Кругом зазывают отведать угощения торговцы. Кто с блинами, кто с чаем, а некоторые и с напитком погорячее. Но пили водку аккуратно. Если продавец заметит, что покупатель навеселе, то может и не продать горячительного напитка. Пьяниц презирали, над ними в открытую смеялись. Но все равно они были. Семьи их — голь перекатная.

На льду реки и возле водокачки дрались на кулачки. Слободские и городские шли против беломестненских парней. Но они никогда не поддавались, дрались словно богатыри. Бывало гнали соперника до самой Воробьевки. Правило соблюдали — лежачего не бить. Но в горячке все было: и инвалидами оставались, и даже до смерти забивали. Но враждовали только во время кулачных боев, на следующий день отходили и руки не поднимали друг на друга. В 1934 году бои запретили.

В будни по Акатовской горе поднимались вереницы повозок из-за Сосны. Особенно их много двигалось осенью и зимой — крестьяне везли хлеб, мясо, сало, птицу на

продажу. В период нэпа в двадцатых годах привоз возрос, а когда колхозы образовали, везли в основном зерно государству.

Что касается улицы Орджоникидзе, то она называлась Привокзальной — самое подходящее название. На ней стояла земская больница. Яков Свердлов ни разу не приезжал в Ливны, но улица его имени есть. Вот дать бы ей название в честь генерала Черокманова, Героя Советского Союза, командира 148-й стрелковой дивизии, освободителя Ливен. Улицу Дзержинского можно переименовать в Федеративную, а раньше ее называли Новоникольской — по имени церкви.

На углу улиц Ленина и Дзержинского стоял дом Каменева, в котором размещалось отделение ОГПУ (потом НКВД). Под домом — просторный подвал. Там казнили людей, осужденных тройками к расстрелу в 1937—1938 годах. Только недавно стало известно об этом, а до войны только слухи ходили. Арестовывали многих: и бывших участников крестьянского восстания восемнадцатого года, и приехавших с Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), и бывших богатых людей, и богослужителей. То, что их расстреливали никуда не возя из стен дома НКВД, никто из населения не знал. Пропадали люди — и все. Думали, что где-нибудь на севере сидят в лагерях, а их в Ливнах казнили. Все делалось в глубокой тайне.

Вблизи нынешней пельменной возвышался дом купца Аксенова, а чуть поодаль торговала аптека Майзеля. Лекарства продавали разные, но ходил туда народ богатый и просвещенный. Простолюдины лечились народными средствами: травами, заговорами. На Новоникольской улице, у самой Ливенки, работала мельница Пузанова. Труба дымилась, паровая машина пар выпускала, через окна можно было увидеть, как, словно гигантские суставы, ходили взад-вперед шатуны паровика.

Южнее улицы Поликарпова благоухал в зелени Сергиевский бульвар. Над рекою люди гуляли, а из горсада доносились мелодии духового оркестра: вальсы, марши. Дамы в красивых одеждах прогуливались, а кавалеры ухаживали за ними, некоторые были с тростями.

На улице Пушкина располагалось духовное училище, вблизи — реальное училище, а на углу Пушкина и Ленина, где сейчас магазин «Исперих», стоял дом Егорова с угловым балконом. В 1919 году на этом балконе стоял Троцкий и произносил зажигательную речь. Ливенцы его слушали, и некоторых прошибала слеза. У этого дома на своеобразной бирже труда собирались по утрам мастеровые и предлагали услуги. Кровельщики и красильщики с Егорьевской слободы, беломестненские печники, мебельщики. А рядом стоял барабан с наклеенными афишами ливенского театра, которые звали горожан на новые постановки... Город жил своей жизнью».

...Таким и остался в моей памяти Иван Иванович Руднев — сидящий в гостинице за столом, накрытым крахмаленной скатертью, увлеченный рассказом о Ливнах прошлого времени.

ЗАСТУЧАЛИ ПО РЕЛЬСАМ КОЛЕСА

наше время, пожалуй, редко у кого вызовет удовлетворение поездка по железной дороге от Ливен до Орла — поезд еле еле тащится, затрачивая на полторы сотни километров более шести часов. Не вызовут, вероятно, удовольствие и пейзажи, увиденные из окна вагона: поля, редкие перелески да деревенские хатки, в основном убогие, с курами и утками перед ними. Правда, писатель Константин Георгиевич Паустовский, гостивший в Ливнах, ехал по этой дороге вдохновленный. Он писал: «... Я ехал в Москву в переполненном жестком вагоне. Я был уверен, что поезд мчит меня к счастью. Замысел новой книги родился у меня в голове. Я верил в то, что напишу ее. Я пел, высунувшись из окна, какие-то бессвязные слова о том, что нет на свете милее края, чем Россия. Ветер щекотал лицо, как распустившиеся девичьи косы. Мне хотелось целовать эти косы, этот ветер, эту холодную родниковую землю... Все, что я видел за окном, и весь этот хаос радости, что бился в груди, соединились непонятным для меня образом в решении — писать, писать и писать... В этот миг для меня было безразлично, вокруг чего соберутся, к какой теме будут стянуты, как магнитом, мои мысли о прелести Земли, мое страстное желание оградить ее от истощения, чахлости и смерти...»

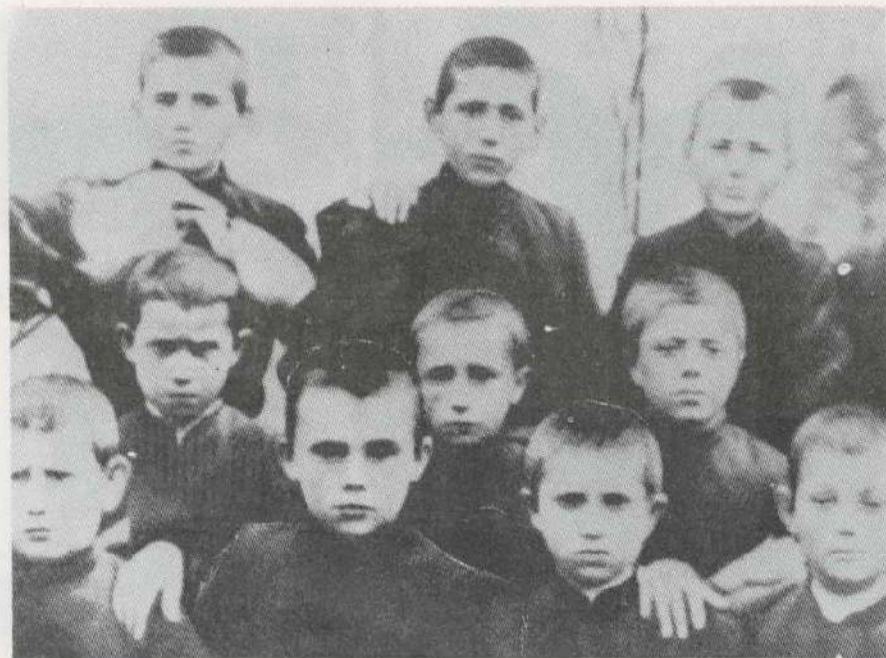
История рождения ливенской железной дороги совершенно прозаическая. Ливенец Юрий Иванович Бондарев, изучавший ее возникновение, рассказывает: «Во второй по-

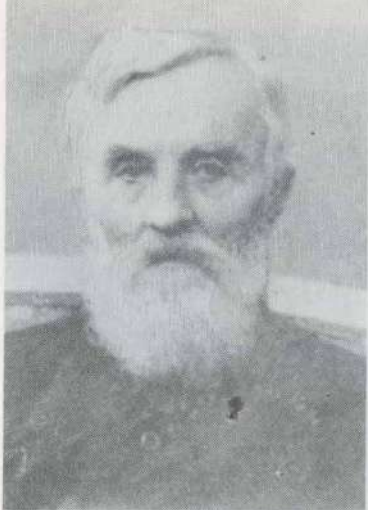
№ 5 г. Ливны.

Духовное училище.

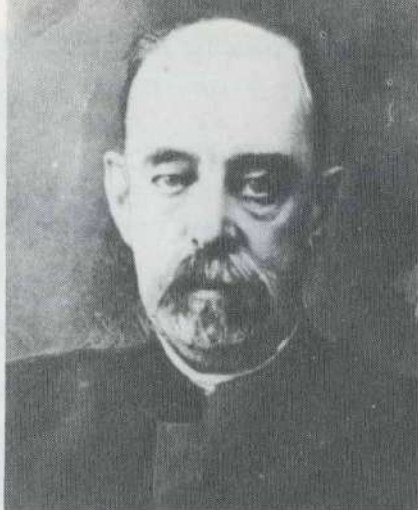

Выпускники духовного училища 1907 года. В первом ряду второй слева — Н. Поликарпов.

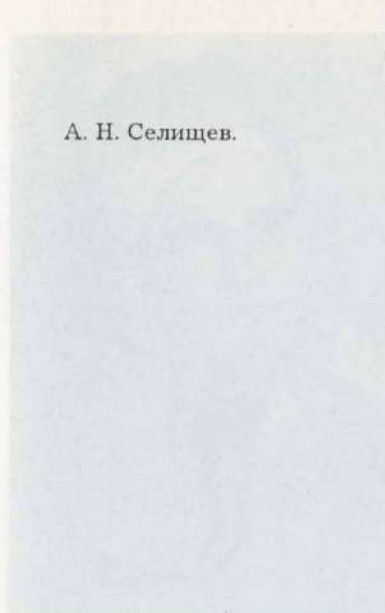

Е. В. Быханов.

М. Н. Маслов.

А. Н. Селищев.

В. Кубарев (крайний справа)
среди ливенцев.

Н. Д. Лосев.

Н. А. Мельгунов.

И. И. Мартынов.

С. А. Говоров.

А. В. Зуйков.

А. И. Кузьмин.

В. З. Петрашов.

И. К. Никульников.

Н. А. Турбин.

И. Х. Репин.

В. И. Алексеевский.

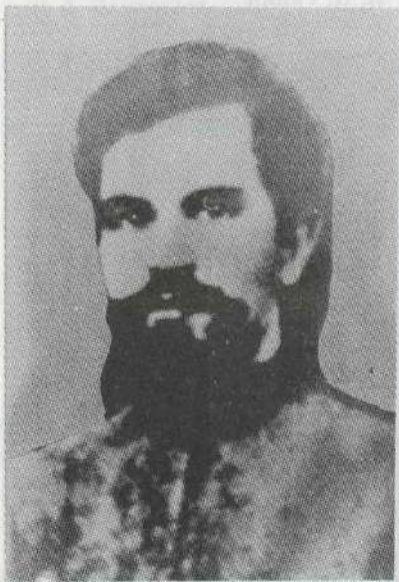

М. А. Беляев.

Село Теличье.

А. Ф. Щербаков.

И. Д. Селитренников.

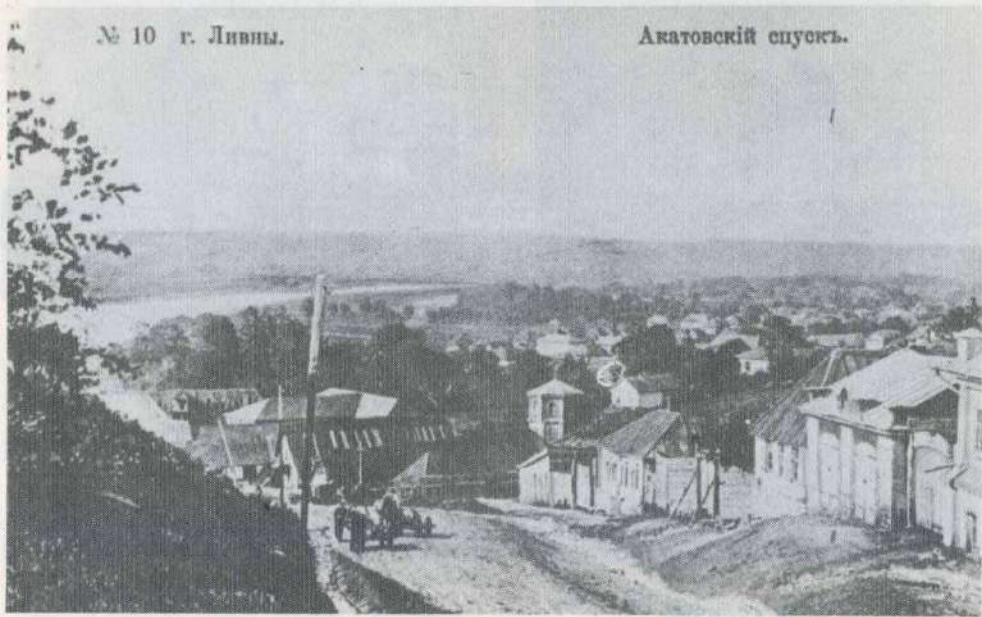

Село Коротыш (фото О. Тупкина).

№ 10 г. Ливны.

Акатовский спускъ.

№ 7 г. Ливны.

Городской садъ.

Ливны

Заливская сторона отъ города, сада.

Ливны

Железная гимназія.

№ 9 г. Ливны.

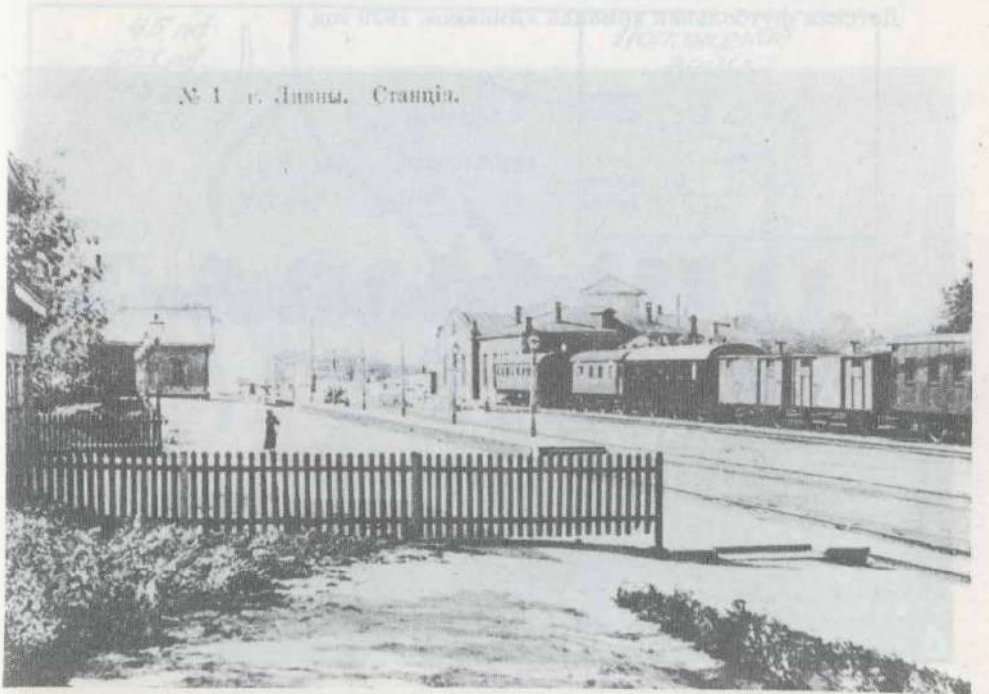
Базарная площадь

г. Ливны. Гостиница Каменева

Станция железной дороги
Ливны в 1941 году

г. Ливны. Сергиевский бульвар

Футбольная команда «Пищевик». 1938 год.

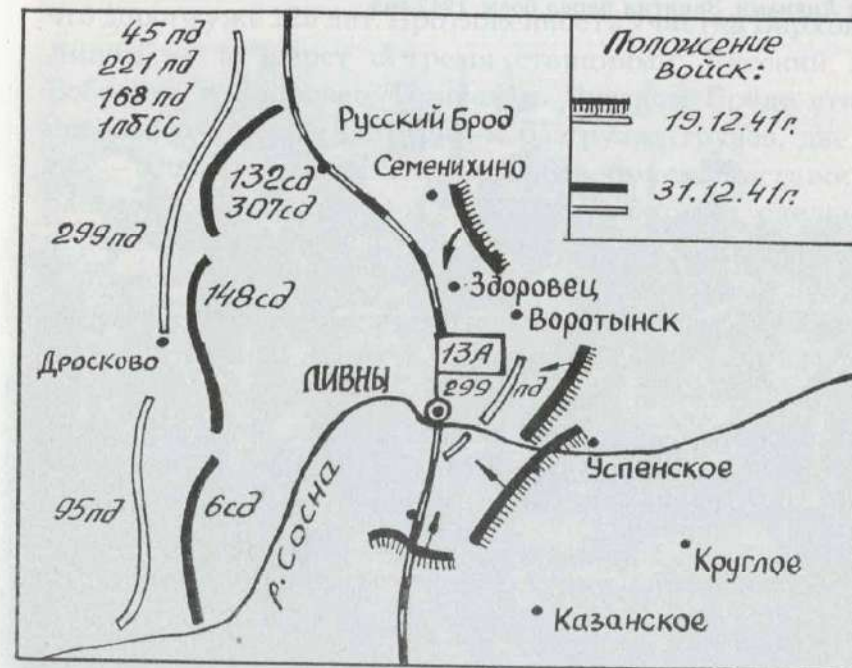
Детская футбольная команда «Динамо». 1939 год.

В. Н. Челпанов с сестрой.

Схема освобождения Ливен в 1941 году.

Ф. Г. Аникушкин (второй слева в первом ряду) среди офицеров танковой бригады. 1942 год.

Под Ливнами. Занятия перед боем. 1942 год.

ловине 19-го века в Ливнах сильно развивается торговля. Торгуют не только купцы, но и мелкие помещики. Открываются многочисленные перерабатывающие предприятия. Благодатный край не только производит, но и в значительных количествах вывозит хлеб, мясо, сало, масло, яйца, пеньку, кожу, щетину. И все — на гужевом транспорте. В зимние месяцы из Ливен ежедневно отправляется от тысячи до полутора тысяч подвод. В 1855 году только битая птица, скупленная за два декабрьских дня, отправлена на 400 подводах.

Вокруг строятся железные дороги, в Ливнах ее нет. Это начинает сказываться на объемах торговли. В особенности — строительство Орловско-Грязской железной дороги. Продукция сельского хозяйства, доставляемая в Ливны, стала перехватываться елецкими купцами. Это не дает покоя купцам ливенским. Они напористо и обоснованно добиваются решения о строительстве казенной узкоколейной дороги, и решение принимается.

Дорога строится быстро — в течение 1870—1871 годов. Движение поездов открывается 15(28) апреля 1871 года. Так что дороге уже 125 лет. Протяженность участка Верховье — Ливны — 57 верст с тремя станциями: Русский Брод, Бобровка и Здоровец. Причем, в Русском Броде станция предназначена для погрузки и разгрузки грузов, две другие — для заправки водой паровозов, приема пассажиров и разъезда встречных поездов. Полотно было сделано из деревянных шпал, а путь — из рельсов, изготовленных в Англии на заводе Блейн. Ширина колеи составила полсажени (1067 миллиметров). Строительство дороги обошлось государственной казне в 1 миллион 524 тысячи 834 рубля 93 копейки. Купцы мыслили с дальним прицелом — просили царя продлить железнодорожный путь от Верховья до Калуги. Было получено разрешение на проведение изыскательских работ, которые провел генерал-лейтенант Н. Сухотин. Но дальше дело не пошло.

В 1896 году узкая колея было перешита на широкую, дорога была продлена до Мармыжей».

Денно и ночью трудилась эта жизненно важная транспортная артерия, помогая развиваться ливенскому краю.

Усердно работали на ней люди разных профессий: путейцы, машинисты, проводники, стрелочники, телеграфисты, диспетчеры, обеспечивая бесперебойную перевозку грузов и пассажиров...

В начале тридцатых годов началась индустриализация страны. На ливенском участке, дотоле не сильно напряженном, как его тогда называли «соломенной ветке», значительно увеличивается грузооборот. В промышленные центры отправляются хлеб, мясо, скот. Резко возрастает поток песка с местного карьера. Он нужен был для устройства балласта на строительстве магистрали Москва—Донбасс. Паровозы еле-еле управлялись увозить платформы с песком.

Ливенский Кривонос

В 1935 году на железных дорогах узнали имя последователя Алексея Стаханова машиниста депо Славянск Донецкой дороги Петра Кривоноса. По графику предусматривалась скорость вождения состава 24 километра в час. Узнав о рекордах шахтеров, выводя работу котла на форсированный режим, он довел скорость до 40 километров в час. Газета «Гудок» обстоятельно рассказала об опыте работы последователя Стаханова, призывала поддержать начин. И ливенские железнодорожники не оказались в стороне. Первым откликнулся машинист Георгий Алексеевич Парфенов. До тонкостей овладев профессией, используя сполна инерцию движения, запасенную на спусках, он, экономя время, быстрее стал преодолевать подъемы. Предложил водить составы повышенного веса:

— В стране — стахановское движение, нам в хвосте плестись не к лицу. Пора проснуться, а мы все на старые нормы оглядываемся.

Руководители предостерегали его, боялись, что беда может случиться, крушение. Однако поддержали его инициативу — разрешили подцепить несколько дополнительных вагонов. Получилось неплохо. А главное — без аварии. И товарищам его не хотелось оставаться в стороне. Начин поддержали, стали водить тяжеловесные поезда. Благодаря коллективным усилиям грузы из Ливен стали отправляться быстрее и поступление их ускорило.

Смутное время

В конце тридцатых годов по стране прокатились волны репрессий. Не миновали они и ливенских железнодорожников. В то время в Ливны прибыла группа служащих с Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в связи с тем, что дорогу, принадлежащую СССР, передали Китаю и обслуживающий персонал возвращался на родину. Одеты переселенцы по тем временам были изысканно: шляпы, галстуки, туфли на высоких каблуках. Держались с достоинством. Пускали им вслед едкие словечки:

— Буржуи приехали...

Некоторые попали «под обстрел» НКВД, так и не обретя родного дома в отчем крае.

Так, были расстреляны в 1937 году Арбузов Анатолий Иванович, техник депо, Виштак Владимир Ипполитович, работник бухгалтерии, многие другие.

Бывший главный бухгалтер Ливенской дистанции пути Владимир Григорьевич Судиенко, работавший на дороге с 1930 года, свидетельствовал: «Стоял у меня в бухгалтерии красивый дубовый шкаф. Заходит как-то начальник отделения НКВД Чернов:

— Судиенко, нравится мне шкаф, подари.

— Нет, — отвечаю, — это имущество не мое, не могу распоряжаться.

Вскоре получаю вызов, жду очереди в кабинет. У дверей солдат, винтовка у каблука. Жду час, другой — не вызывают, а на работе срочные дела. Встаю, хочу уйти, а охранник как рявкнет:

— На место! Сюда просто зайти, но не просто выйти!

Мимо провели в кабинет Нину Дмитриевну Нацкую, врача железнодорожной поликлиники, друга писателя Паустовского, у которой он останавливался по приезде в Ливны. Через дверь слышались грозные фразы, нервные выкрики. Сижу сам не свой. Потом с улицы щеголевато входит Чернов, проситель злополучного шкафа, с издевкой улыбаясь, обращается:

— Судиенко, ты здесь? Топай да побыстрее.

Так на меня давили за принципиальность».

Владимир Григорьевич отделался испугом, а вот некото-

рых настигла смерть. В сентябре расстреляли в Липовчике Иосифа Семеновича Захарова и Ивана Ивановича Шеламова, жителей Ямской слободы, работавших на железной дороге каменщиками, в ноябре — Тарасевича Анатолия Иосифовича, слесаря. В январе 1938 года в подвалах НКВД лишили жизни Анатолия Михайловича Каминского, заведующего почтовым вагоном. Под косу репрессий попали и другие железнодорожники.

На Восток и обратно

22 июня железнодорожники собрались на воскресник — подбирали и грузили металлолом. Казалось, ничто не предвещало беды. Лучи солнца скользили по накатанным дорожкам рельсов, редкие гудки паровозов заливисто разносились по округе. Старались побыстрее закончить работу, чтобы управиться в выходной и с домашними делами. Вдруг подходит быстрой походкой встревоженный парторг Д. Д. Забелин:

— Молотов выступал: война!

Сгрудились вокруг него, кто-то высказался:

— Поддадут перцу немчуре — пятки засверкают.

...Фронт катастрофически приближался. Потянулись эшелоны с эвакуированными. Железнодорожники тоже стали готовиться к отъезду в тыл. С 15 ноября перешли на казарменное положение — домой на отдых не уходили. Через пять дней отъезжали. Перрон был забит людьми, слышался плач женщин и детей. Прощальный гудок заглушил людской шум, и эшелон с путейцами, паровозниками, движенцами, связистами медленно отошел от станции.

Путь лежал через Мармыжи, так как движение на Верховье было прервано из-за разрушенного моста через Любовшу в Русском Броде. В Мармыжах остановились — был получен приказ уничтожить пути на станции. Начали снимать рельсы, жечь шпалы. При этом немецкий самолет-разведчик кружил над Мармыжами. Прошло несколько суток и вновь тронулись. Через месяц мытарств добрались до станции Ртищево под Пензой. Однажды слушают радио ливенцы и своим ушам не верят: передают, что Ливны

освобождены. Радость — неопишуемая. Сразу в Пензу делегацию послали к уполномоченному комиссара путей сообщения:

— Ливны освободили, а нас гонят все дальше и дальше, отправляйте домой!

Отпирался уполномоченный, но пошел на попятную. Через несколько дней назад поехали, вернулись в первой половине января 1942 года. Эшелон остановился у разрушенного чугунного моста на 69-м километре, пешком со скарбом пришлось добираться до города.

Под бомбежками и обстрелом

Печальная картина предстала перед вернувшимися: разрушенные, с пустыми глазницами окон дома, холод и запустение. Но плакаться, созерцая этот унылый пейзаж, было некогда. Фронт, располагавшийся в двух десятках километров, требовал подвоза техники, живой силы, питания, эвакуации раненых, транспортировки в тыл разбитых в боях танков, орудий. Железнодорожный батальон восстановил стальной путь, мост через Любовшу, построил новый временный мост через Сосну в пятидесяти метрах вниз по течению от взорванного старого. (Если внимательно приглядеться, то и сейчас можно различить подьезды к тому мосту). На станции восстановили кузницу. И вновь застучали по рельсам колеса.

В конце июня 1942 года немцы начали наступательную операцию, предполагая вновь захватить Ливны, Ефремов, Елец. Сильно бомбили город, рассчитывая, что здесь размещается штаб армии, наделали еще больше разрушений. Дистанцию пути перевели в Русский Брод, но здесь железнодорожникам пришлось нести службу под вой самолетов и разрывы бомб. Тот же В. Г. Судиенко рассказывал, как судьба неблагоприятно отнеслась к одному молоденькому танкисту, ехавшему на платформе вместе с танком на ремонт. Он хвастался перед девчатами:

— Судье спасибо — один от экипажа живой остался. Еду в Горький на ремонт. Там дом рядом, вырвусь на побывку. Но внезапно налетели самолеты, посыпались бомбы. Танкист спрятался под танк. Когда бомбежка закончилась,

нашли танкиста, раздавленного гусеницами, а девчата раненые, все в крови, у железнодорожной насыпи лежали. Там же паренька и схоронили.

Жуков едет на фронт

2 апреля 1943 года ливенские железнодорожники вернулись из Русского Брода в родной город. Вновь организовали участок, все восстановили, отремонтировали, и пошли рабочие будни. Как-то вызвал начальник дистанции путейцев и всю службу, предупредил, чтобы обратили особое внимание на состояние путей, сигнализацию, связь. «Всем быть начеку, иначе голова долой, — предупредил он, — проследует поезд чрезвычайной важности».

И вот поезд в назначенное время появился. Впереди — платформы с балластом, потом скоростной паровоз, за ним — пассажирский вагон. Допустимая скорость была не более сорока километров в час, а он словно курьерский мчался. Все опасались, как проскочит временный мост через Сосну. Потом очевидцы рассказывали: вагоны так бросало по мосту, что того и гляди свалятся в воду, но беда миновала — проскочили. Лишь после того, как поезд проводили, начальники поведали рабочим, что ехал маршал Георгий Константинович Жуков. Путь его лежал в район Курска через Мармыжи, так как напрямую ехать было нельзя — Орел находился в руках немцев.

Несколько недель спустя грузопоток начал нарастать, а вскоре хлынули танки на платформах, пехота, пушки, автомашины. Тут держи ухо востро — нельзя допустить ни единой аварии. Старались железнодорожники, напряженно работали. Из бревен шпалы пилили, рельсы ставили свежие, балласт крепче подбивали. А в июле сорок третьего грянуло крупное сражение под Орлом и Курском. Немцев хорошо потрепали, отступить они стали. Заслуга в этом и ливенских железнодорожников...

Под мирным небом

Закончилась война. Восстановили Ливны, многое отстроили заново. Стройки промышленные начались, стали воз-

двигать «Ливгидромаш». Железнодорожную ветку на стройку подвели, и дела пошли веселее, подвозили кирпич, цемент, металл, оборудование. Выросли цеха, стал завод насосы и гидравлические турбины делать. Опять забота железнодорожникам — доставить продукцию потребителю своевременно.

Потом ТЭЦ возвели, сахарный завод, и туда, словно артерии, ниточки железнодорожные протянулись. Когда грузооборот увеличился, открыли новую станцию — Ливны II. Через нее идет отгрузка готовой продукции не только с «Ливгидромаша». Счетчики и бензоколонки отправляет «Промприбор», фильтры — «Автоагрегат», изделия из пластмасс — «Ливныпластик», известь — известковый завод. Сюда приходят материалы, комплектующие изделия, оборудование, топливо.

Теперь техника изменилась. Вместо паровозов перешли на тепловозную тягу, автоматизированы многие участки обеспечения движения, появилась мощная грузоподъемная техника на погрузочно-разгрузочных площадках. И на подъездных путях промышленных предприятий появилась техника для погрузки-разгрузки.

Построено новое здание железнодорожного вокзала, устроены удобные перроны. И все это сделано благодаря труду ливенских железнодорожников.

ПИСЬМА ЛЕОНИДА КЕРБЕРА В ЛИВНЫ

*Пытливые потомки
Придут за нами вслед
Развязывать тесемки
Позора и побед.*

Виктор Рассохин

оздним зимним вечером 1939 года из ворот Бутырской тюрьмы выехала машина. Это был не «черный ворон», а обычный пикап. Трое заключенных с вещами ехали опустив головы. Куда, зачем?

Поколесив по Москве, машина остановилась у глухих железных ворот и просигналила. Вышел охранник в форме НКВД, переговорил с офицером, сидящим рядом с шофером, и пикап въехал на территорию завода. Зэков провели в лифт и подняли на 8-й этаж. Обхождение вежливое: «Садитесь, вы прибыли в специальную тюрьму НКВД, ЦКБ-29. Прочтите правила внутреннего распорядка и распишитесь...» Среди троих заключенных был Леонид Кербер, специалист по авиационной радиотехнике, в будущем ставший лауреатом Ленинской премии, Героем соцтруда, заместителем авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева. Зная о том, что он занимается изучением материалов по поликарповской и туполевской «шарагам», — так называли заключенные спецтюрьмы, организованные в 1929, а потом в 1939 годах, через дочь Поликарпова Марианну Николаевну мне удалось заполучить его адрес и написать письмо. Ответ долго ждать не пришлось. Четкий, почти чертежный почерк,

мысли изложены коротко и конкретно. Спустя короткое время получил еще два письма. Сообщения Л. Л. Кербера легли в основу повествования о ливенце Н. Н. Поликарпове, изложенного в моей книге «Страницы ливенской жизни». Но Леонид Львович немало написал в письмах и о другом нашем земляке, видном авиационнике Георгии Васильевиче Калганове...

Но все по порядку. Продолжим рассказ Кербера.

«Охранник разводит нас «по месту жительства». Наконец, попка (охранник) открывает дверь и вежливо просит пройти. Прислушиваемся, дверь за нами не лязгает. Осматриваемся.

Мы в одном из залов КОСОС (конструкторского отдела сектора опытного самолетостроения). По стенам 30 солдатских коек, покрытых байковыми одеялами, у каждой тумбочка. Окна в решетке, несколько стульев.

Несколько минут сидим молча... Открывается дверь. Уже другой охранник произносит нечто вроде «пожалуйста ужинать». По въевшейся привычке развязываю сидор, достаю котелок и становлюсь у двери. Попка улыбается: «Этого не нужно, там дадут», — и ведет в столовую... За разными столиками находим А. Н. Туполева, В. М. Петлякова, В. М. Мясичева, С. П. Королева, А. В. Надашкевича, И. М. Косткина, Г. В. Калганова...»

7 января 1899 года в семье крестьян сельца Хорошилова Орловского уезда Василия Дмитриевича и Марии Ефимовны Калгановых родился сын. Во время крещения в церкви села Бобраки Шеншинской волости мальчику дали имя Георгий. Сначала он учился в Лесковской гимназии, а когда мальчику исполнилось десять лет, его брат, учитель Лобынцевской сельской школы, пишет прошение в Орловскую мужскую гимназию, чтобы Георгия подвергли испытаниям с целью поступления в первый класс. Приемные экзамены он выдержал и стал гимназистом.

Накануне революции голову юноши вскружили большевистские лозунги. Вместе с товарищами он выходил на орловские улицы с красными полотнищами, посещал городской сад, где почти ежедневно выступали ораторы-большевики, призывающие рабочих и солдат бороться за

прекращение войны, за передачу земли крестьянам. После свершения октябрьского переворота была установлена советская власть и в Орле. В начале 1919 года он вступает в Российский коммунистический союз молодежи. 1 сентября того же года в Орле проходил первый губернский съезд РКСМ, в речах ораторов все чаще повторялось слово «фронт». Георгий записывается добровольцем в красногвардейский отряд. Беспокойная, полная неожиданностей и опасности жизнь понесла его по дорогам гражданской войны. Был комиссаром батальона, полка, бригады, закончил войну комиссаром дивизии.

И после войны ему приходилось подчиняться приказам. Приходит распоряжение Реввоенсовета и его отзывают из РККА, направляя на учебу в Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. Учится на инженерном факультете. Авиация и воздухоплавание увлекают его. Он участвует во 2-м Всесоюзном воздухоплавательном состязании, прошедшем летом 1926 года. На аэростате пролетает от Москвы до станции Пилюг (ныне Вятская область), покрыв расстояние в 770 километров за 15 часов 7 минут.

Учеба подошла к концу. 22 декабря 1928 года Георгий защищает дипломный проект по самолетной теме перед комиссией, которую возглавляет Владимир Петрович Ветчинкин, один из организаторов Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), видный ученый в области аэродинамики. Столь авторитетный и компетентный председатель комиссии по достоинству оценил работу выпускника академии Калганова. Итог — отличная оценка и звание инженера-механика высшей категории, что по-теперешнему — диплом с отличием. Некоторое время Георгий Васильевич служил в военно-воздушных силах, но решением Совета Труда и Оборона был откомандирован «в счет тысячи на усиление промышленности».

Он попадает на станцию Иннокентьевская под Иркутском, где строился авиационный завод. Горячо взялся за дело специалист, работал на разных постах, а в 1936 году благодаря способностям был выдвинут на должность директора завода. Круглые сутки пришлось бывать на производстве, но через год его арестовали и посадили в тюрьму за

«принадлежность к организации», каковой, как впоследствии выяснилось, вообще-то не существовало.

О дальнейшей судьбе Калганова читаем в письме Л. Л. Кербера: «Первая встреча с ним произошла в здании конструкторского отдела ЦАГИ, где размещалась спецтюрьма НКВД № 29 в 1938 году. Выяснилось, что Георгий Васильевич работал в расчетно-теоретическом отделе, обслуживающем Туполева, Петлякова и Мясищева, рассчитывая самолеты на прочность. Работа была усидчивая, дотошная, и он, как правило, трудился не поднимая головы и не отвлекаясь даже на секунду. Механизация такого труда в те годы состояла из канцелярских счетов и логарифмической линейки. Был он очень сдержанным и замкнутым, и наше сближение, возможно, не состоялось бы, если бы не один случай. Как-то в разговоре я упомянул орловского литератора Бориса Лунина, женатого на подруге моей жены. Все они работали в «Известиях», часто собирались у нас или у Луниных на вечеринки. Так вот, в разговоре с Калгановым выяснилось: Б. В. Лунин сидел за одной партией с ним. Общий знакомый стал поводом для нашего сближения...»

Тогда же за решетку попали многие другие наши лучшие авиационники: директора авиазаводов, главные конструкторы, вооруженцы, радиоспециалисты.

Туполеву «пришили» продажу чертежей самолета-истребителя немцу Мессершмитту, к чему он был совершенно не причастен. Сергея Павловича Королева, будущего создателя космических кораблей, доставили на Колыму, где он обушком добывал золотишко, а до этого трудился над ракетами и был осужден за то, что не понял, что «ваша пиротехника не только не нужна, но и опасна, — как говорил следователь, — ракеты-то делали, наверное, для покушения на вождя?». А даровитый авиаконструктор Бартини, коммунист, иммигрировавший в СССР после прихода к власти в Италии Муссолини, был «разоблачен» «за передачу итальянской разведке государственных тайн».

Кербер продолжает: «Столкнувшись с непоколебимой волей, нежеланием признать беспочвенные обвинения, следователь пустил Калганова по конвейеру, то есть, держал по

стойке смирно без питья и питания под лучами сильной лампы. На десятый день не подписавшего ни слова Г. В. принесли в камеру. Ноги его распухли так, что сапоги пришлось разрезать. Он говорил: «Понимаешь, я его сразу послал... Я был уверен, что это оговор, провокация, ну, одним словом, все, но не то, что оказалось. Тут в ЦКБ я прозрел и понял этого комедианта Сталина и банду его подручных, руки которых в крови сотен честных коммунистов. Калганова не расстреляли, а заключили в один из лагерей Востсиблага. Он рассказывал, как ехали в лагерь 48 человек в вагоне, в основном уголовники, ведро воды утром, ведро вечером, а температура плюс тридцать. Один умер и двое суток его из вагона не брали, «сдать некуда» — объяснил конвой».

Живыми оставили многих специалистов. Без них некому было бы конструировать и строить самолеты, и страна осталась бы без авиации. Как вспоминал А. Н. Туполев, «ГУЛАГ тщательно разыскивал в своих кладовых спецов... Слава Аллаху, что нашли живыми, могло быть и иначе, ведь многих, ох, очень многих, так и не нашли».

Командовал «шарагой» ЦКБ-29 полковник НКВД Г. Я. Кутепов, бывший слесарь-электрик, еще в начале тридцатых годов приобщившийся в качестве «стукача» (осведомителя, информатора) в ЦКБ-39 ОГПУ, где сидел Н. Н. Поликарпов. У Кутепова были три зама — офицеры НКВД. Они руководили работами, которые проводили такие корифеи, как Туполев, Петляков, Мясищев. Вот уровень квалификации начальников «шараги». Когда одному из них предложили вместо четырехтактного двигателя внутреннего сгорания на одной из систем поставить двухтактный, то услышали такой ответ «специалиста»:

— Переходить на двухтактный рискованно, давайте сначала перейдем на трехтактный.

Иначе, как «трехтактный», его с тех пор не называли.

Всего в «шараге» было около 200 человек. Конструировали самолеты в восьмизэтажном здании, здесь же жили в комнатах по несколько человек. За считанные дни на московских заводах изготовили сотни решеток на окна, превратив здание в острог. На улицу не выпускали, на этажах беспрерывно дежурили «попки», выписанные из

Бутырок. Дышать воздухом выводили в «обезьянник» на зарешеченную стальными прутьями крышу здания.

Состав конструкторов был разношерстный: опытные старики и способная молодежь. Здесь Калганов встретил своего председателя дипломной комиссии из военно-воздушной академии зэка В. П. Ветчинкина. Работали и вольнонаемные, которые в чертежах расписывались своей фамилией, заключенные ставили штампика с личным номером. Вольнонаемный профессор Е. Ветцель писал: «Разумеется, никто из нас не верил, будто они какие-то «враги народа» — слишком высок был авторитет этих деятелей».

В неволе конструкторами были созданы такие замечательные самолеты, как Пе-2 и Ту-2, внесшие значительный вклад в дело победы. Создавал их и Калганов. По словам Кербера, «он прозрел в заключении, но не сделался «контриком», а стал величайшим циником. Обладая острым аналитическим умом, с наслаждением отдавался расчетной работе, восторгался изяществом математических решений и, потирая руки, повторял: «Вот здесь все по-честному, без демагогии».

С. П. Королев сказал как-то: «Поверьте, нас когда-нибудь выпустят и увешают орденами, что не так — хлопнут без некролога. Что поделаешь — у Фемиды глаза завязаны — враз ошибется». Во время войны ЦКБ эвакуируют в Омск. На голом месте пришлось организовывать создание самолетов. Понемногу, по десятку, другому, «учитывая добросовестную работу», узников освобождали: в 1941 году — А. Н. Туполева, Л. Л. Кербера, в 1942-м — отпустили большую группу в Омске, в 1943-м — даровали свободу Г. В. Калганову. А в 1945 году позорное заведение перестало существовать.

В последнем письме Леонид Львович Кербер сообщил, что после «шараги» Калганов работал в научно-исследовательском институте авиационной технологии в Москве. Жил на Фрунзенской набережной вместе с женой Бенитой Анатольевной, детей у них не было. В последние годы жизни был скептиком, ни во что не верил. Из-за все увеличивающегося отека ног (последствия «конвейера» на следствии) был прикован к креслу. Увлекался статистикой. На рубеже 60-х и 70-х годов умер и похоронен на Ваганьковском кладбище.

Что касается Л. Л. Кербера, то он принимал участие как зам. Туполева в создании реактивных машин Ту-16, Ту-104, Ту-114. Уйдя на пенсию, занимался литературной деятельностью. Скончался в 1994 году.

...Наш писатель Константин Симонов сказал когда-то: «Не пишите дневники — храните письма». Странички писем Кербера помогли раскрыть судьбу нашего земляка Калганова, который в самых тяжелых испытаниях работал на благо Родины, вместе с товарищами верил в торжество справедливости.

ПАРНИ ИГРАЛИ САМОЗАБВЕННО

осмотрите, уважаемый читатель, на фотографию футбольной команды на вклейке. Этим юношам было присуще все, что дано молодым: они ходили на танцы в городской сад, влюблялись, радовались модной вещи и протестовали, если отцы делали что-то не так. У каждого — свой характер и наклонности, но у всех была одна беспокойная страсть — футбол. Согласитесь, совсем не чувствуется, что это 38-й год — год репрессий, прокатившихся по Ливенщине, да и по всей стране, год, когда в воздухе уже стоял запах военной грозы. На снимке парни веселы, в меру развязны, и всем присуще чувство собственного достоинства. Еще бы: крупные победы, стадион набит до отказа, вездесущие мальчишки завистливо смотрят на улице на своих кумиров, красивая форма в пору промтоварного дефицита! Да еще фотография на память, что тогда было не таким уж распространенным явлением. Фотоаппаратов-то на весь город — раз, два и обчелся. Всмотритесь, читатель, в их лица. Судьба многим из них уготовила прожить еще всего несколько лет. Она не будет благосклонна к большинству из них — заведет в нестерпимо горячее пламя войны, будет держать постоянно в нечеловеческом напряжении. Даже тогда, останется прожить всего один миг...

А пока на земле шел год 38-й. Успехи мастеров кожаного мяча были налицо. Приезжали футболисты из Орла, Курска, Тулы, Тамбова и уезжали из Ливен почти всегда поверженными. Даже самым опасным соперникам, игрокам

из Ельца, тоже доставалось. В том же тридцать восьмом произошел беспрецедентный случай, весть о котором со скоростью молнии разнеслась по всему спортивному Черноземью: команда «Крылья Советов» (авиационный завод) из Воронежа, выступавшая в группе мастеров класса «А», была разгромлена ливенцами со счетом 5:2!

Первыми футболистами в Ливнах следует, вероятно, считать любителей кожаного мяча из 18-го стрелкового полка, расквартированного еще с двадцатых годов в городе. Первые матчи проходили на Сенном рынке, расположенном на месте нынешнего стадиона. После октября семнадцатого торговля захирела, рынок пустовал, вот и облюбовали его военные. Горожане ходили поглазеть на игры, а потом и сами пристрастились к футболу».

...До войны в городе играли девять футбольных команд: «Локомотив», «Пищевик», «Спартак», «Динамо», «Металлист», «Учитель»... Как видим, свои команды имели железнодорожники, учителя, хлебозавод. Играли также 22 детские команды, проводившие ежегодное первенство. При всеобщем дефиците для детских футбольных команд пошли два комплекта настоящей футбольной формы. А когда перед самой войной чемпионом города стала команда «Заливенка», ей подарили новенькую форму, сшитую в артели «2-я пятилетка». Ох и радовались мальчишки!

Матчи проходили по воскресным дням. Сердца болельщиков учащенно бились в ожидании игр, особенно, когда наведывались иногородние футболисты. На стадионе сверкал медью духовой оркестр, играя бодрые зажигательные марши, зрители валом валили на футбол. Ходило на стадион и начальство: партийный секретарь И. К. Черкасов, предрик С. П. Мартынов, военные из 18-го полка. Судьи на поле пользовались всеобщим уважением среди игроков, правда, при промашках обычно «награждались» нелестными выкриками ярых болельщиков: «Судью — на мыло!»

Ливенцы частенько приглашали соперников посильнее. Однажды тогдашний председатель спорткомитета Борис Говоров направился в столицу, чтобы пригласить «Локомотив», игравший в высшей лиге. Железнодорожники запросили солидную сумму. Борис — к Александру Косареву, тогдашнему первому секретарю всесоюзного комсомола.

Вроде все уладил, но москвичи в назначенный день не прибыли. Ливенских футболистов это обозлило, и они написали жалобу в высокую инстанцию. И вскоре вдруг в комнату спорткомитета врываются срочно приехавшие московские футболисты. Прямо с порога высказывают недовольство:

— Кляузы пишете! Разобьем вас в пух и прах! Игра — сегодня и только сегодня.

Не смогли уговорить столичных гостей провести матч на следующий день, объясняли:

— Ну что вы обижаетесь. Только с поезда, отдохните, соберитесь с силами, а завтра сыграем.

Москвичи неумолимы:

— Только сегодня!

Моментально оповестили о предстоящей игре членов сборной. Но всех лучших собрать не удалось. Из Воронежа два игрока, находящиеся на учебе, не успели приехать. Обычно их вызывали срочно телеграммами с заранее оговоренным текстом: «Мама больна, выезжай». Из-за ограниченного времени никакая депеша не помогла бы.

Игра состоялась в этот день. Но не сдержали игроки «Локомотива» своего слова. Выиграли, но не с разгромным счетом, а с разницей всего в два мяча.

Много классных футболистов играло в Ливнах. Давайте вновь обратимся к фотографии. Это — команда «Пищевик». Четвертый слева — Миша Садовский. Не только хорошо играл, но и любил рисовать. Когда в ноябре сорок первого немцы подошли к Ливнам, встал в составе истребительного батальона на его защиту и погиб 24 ноября. Он на фото оперся на плечо Коли Наткина, который также сложил свою невинную голову на фронте. Шестой слева — Саша Мишин, сражен вражеской пулей. В центре сидит на мяче вратарь Сережа Костенко. Ушел на войну в сорок первом, погиб под Смоленском в сорок четвертом. Все они играли в сборной Ливен. Играл в сборной и Вася Котляров по прозвищу Чижик — убит на войне. Погиб и Сережа Николаев, монтер электростанции, прекрасный игрок. В первые же дни войны ушли на фронт Борис Говоров, его помощник Николай

Клепиков. Первый убит на Орловщине, второй, став штурманом бомбардировщика, погиб под Щиграми.

Петр Чурочкин отлично играл в Ливнах, когда призвали в армию, выступал за сборную команду Дальневосточного округа. На одной из встреч с московским «Спартаком» присутствовал командующий особой Дальневосточной армией маршал В. К. Блюхер. Все старались показать класс игры, но в особенности понравился командующему Петр. После матча Василий Константинович вышел на зеленый газон поля, снял с руки часы и под восторженные возгласы болельщиков вручил их Чурочкину.

По свидетельству ветерана спортивного движения на Ливенщине Михаила Павловича Сундукова играл, и неплохо, в сборной Ливен Сергей Михайлович Белоцерковский, ныне генерал-лейтенант, учивший в академии имени Н. Е. Жуковского космонавтов Ю. Гагарина, Г. Титова, А. Николаева, В. Терешкову и других. Есть у Сундукова проспект академии с подписью Белоцерковского: «Дорогому Михаилу Павловичу Сундукову на память о наших футбольных баталиях и встрече через пятьдесят лет. 29.06.89 г.» Сам Сундуков тоже выступал за сборную. Так же, как и Евгений Пешехонов.

Мальчишки 14 — 16 лет играли в юношеских командах. К войне выросли, возмужали, на их плечи легли сполна все ее тяготы. Многие остались навечно на полях боев. Например, Коля Счастливых. После школы поступил в Воронежское военное училище. Не доучился — война помешала. После ускоренного обучения с лейтенантскими кубиками в петлицах — на передовой. Участвовал в боях недалеко от родных мест, а в 1943 году пришла в Ливны похоронка — сложил свою юную голову Николай в Тимском районе Курской области.

Не сказала своего последнего слова футбольная молодежь города. Очень многие не дожили до победы — проклятая война помешала.

Усилиями всего народа удалось одолеть врага. Стали приходиться с фронтов солдаты. Но в 1945 году было не до футбола — упорно работали, чтобы возродить ростки настоящей жизни в городе, залечить кровоточащие раны войны. Но работа работой, а молодые люди стремились заниматься

физкультурой и спортом. В сезоне 1946 года появилась первая послевоенная футбольная команда — это команда завода противопожарного оборудования под названием «Машиностроитель». Инициаторами ее создания были мастер литейного цеха Иван Кретов, токарь Сергей Чурочкин. Вначале тренировались, сыгрывались, форму добывали, и уже в следующем году команда приняла участие в розыгрыше кубка области в Орле.

Машину футболистам выделили на заводе, на пропитание нарвали яблок и груш в пазмовском саду, соломы настелили в кузов и поехали. Две орловские команды спорили за кубок, три елецкие и одна ливенская. В основном прочили победу елецким футболистам (город Елец и район входили тогда в состав Орловской области) — они доминировали на Орловщине, здорово играли. Ребята из Ливен много сил отдали, чтобы не ударить в грязь лицом, самоотверженно бились за честь завода и города и вышли в финал. И вот последняя решающая встреча с елецкой командой «Энергия».

— Не одолеть вам ельчан, — шутили болельщики с трибун, — слабоваты еще в коленках.

Но ливенцы не сробели, договорились играть коллективно, больше пасовать, рассчитывать на хорошую игру головой левого полусреднего нападающего Анатолия Майорова, слесаря по профессии. И игра пошла. Понравились болельщикам ливенские футболисты, поддерживать их стали аплодисментами, возгласами. Однако первый гол все-таки пропустили. Но не растерялись, отквитали, а потом и одолели ельчан с разницей в один мяч.

До сего времени как дорогую реликвию хранит Сергей Васильевич Чурочкин, игравший тогда, диплом за победу. Запомнилась ему удачная игра Анатолия Майорова, Ивана Кретова, Владимира Мизерного (брата известного футболиста, игравшего за донецкий «Шахтер»), братьев Ивана и Василия Козьяковых, Василия Шеламова, Петра Деридовича, вратаря Владимира Михайлушкина.

Удачное выступление «Машиностроителя» подстегнуло любителей футбола. Стали организовывать команды и на других предприятиях. На спиртзаводе Владимир Щедрин

создал «Пищевик», железнодорожники под руководством Владимира Щиголева стали играть в «Локомотиве», городские учреждения и организации по инициативе Александра Цымбалова образовали команду «Искра». На заводе противопожарного машиностроения создали и вторую команду, которую вывел на поле Виталий Селищев, особенно ярко заиграл здесь вратарь Николай Рудковский. В школах № 1 и № 2 появились тоже команды. Выделялись игрой Ю. Зацепилин, Н. Мельников, А. Стоянов.

Стадион, огороженный до войны деревянным забором, лишился его в лихолетье — пошел на топку печек. Тут проблема возникла. Иногородние футболисты отвечали в телеграммах на приглашения ливенцев утвердительно, но просили за игры вознаграждение. А где взять деньги? Решили сделать вход на стадион платный, кассир сидела на табуретке и продавала билеты, а по периметру разъезжала конная милиция. Матчи проводили по воскресным дням. Лавочек не было, болельщики стеной стояли вокруг поля. Казалось, весь город приходил поболеть на футбол. Одевались по-праздничному, ждали матчей с нетерпением, ходили смотреть игру семьями.

Возникли «Трудовые резервы», «Спартак». К началу пятидесятых организовалась сильная команда «Торпедо» с «Ливгидромаша», в ней блистал Николай Пушкин, ставший впоследствии председателем завкома профсоюза на этом предприятии. В «Искре» примечательным был Лев Шилов. После того, как от завода «Ливгидромаш» отпочковался цех в городе и стал называться насосным заводом, методист по спорту Владимир Тупицын сколотил отличную команду, насосники не раз преподносили сюрпризы маститым. В том числе и на межобластном уровне. Из самых способных игроков образовали сборную города. Особенно сильной слыла линия нападения: Ульяновкин, Ямщиков, братья Козьяковы, Майоров.

В 1953 году сборная выиграла кубок области, выступала успешно и в других играх, пожалуй, только ельчане одолевали ливенцев чаще, другим поддавались редко. Правда, случались и казусы. Приехала как-то команда из Русского Брода, доселе ничем не выделяющаяся. Вышли на поле

игроки — удивились ливенцы: статные, физически крепкие, техника — отменная. Словом, настоящие футболисты. Проиграли встречу. Разузнали, откуда в селе такие объявились. Оказалось, что в русско-бродскую военную часть были призваны служить московские игроки из групп подготовки мастеров, они и показали класс игры. Тренироваться стали ливенцы усерднее, к играм относились ответственнее, и результат сказался: переигрывали соседей.

Или случай с командой из Щигров. Там один из нападающих два гола забил в ворота сборной и оба — непосредственно с углового удара. Способом «сухой лист». Через несколько лет такой удар получил это название, и изобретателем его называли Лобановского из киевского «Динамо», но, оказывается, неизвестный парень из Щигров еще раньше владел его секретом.

...Рассматриваем с Сергеем Васильевичем Чурочкиным фотографии, дипломы, грамоты. Он задерживает взгляд на одном из снимков.

— Это команда наша после купания на реке Зуше в Мценске. Курьез тогда произошел. Солнце жарило, искупались и — на игру. Первый тайм ведем 2:0. Во втором ноги ватными сделались, движения по полю никакого. Результат — проигрыш. Только потом разобрались, что виновато всему купание, нельзя этого делать перед игрой.

Большое внимание ливенскому футболу уделял (да и сам был азартным болельщиком) районный партийный секретарь Анатолий Яковлевич Якубсон. С. В. Чурочкин рассказывает, как хлопотал о поездке на ответственный матч в областной центр. Бегал-бегал — не добыл денег. Вынужден прийти на прием к Якубсону. Поделился бедой, тот снимает телефонную трубку, говорит предрику Кириллову:

— Помоги ребятам, дай денег на дорогу. Что же они, захотят покурить и «чинарики» сшибать будут...

«Отошел» Кириллов, дал деньги.

По инициативе Якубсона построили на стадионе каменное ограждение — «интернациональную стену», как ее называли. Название пошло вот от чего. Поручил он каждому предприятию построить определенный метраж стены. Построили всем миром. Приобрел стадион вид настоящего после того, как поле разровняли по всей площади, лавочки соорудили, центральную трибуну с помещениями.

...В наше время футбол в Ливнах получает свое дальнейшее развитие. Команды имеют практически все промышленные предприятия, кроме того, играют «Спартак», «Динамо», «Урожай». Периодически проводятся турниры среди команд школ. Сборная, выступающая под названием «Ливны», неплохо играет на первенство области. Правда, чемпионом в последние годы не становилась, но и ниже четвертого места не опускалась. В команде есть классные игроки, такие, как Геннадий Дорохин, Юрий Юрьев, другие.

Теперь уже такого количества болельщиков, как в тридцатые или сороковые годы, футбол не собирает. Но стадион претерпел реконструкцию, сейчас здесь трибуны, строится дом спорта. Словом, есть все условия, чтобы сохранить славные традиции ливенского футбола и даже приумножить их.

ЭТО БЫЛО В 41-М

*Дышал июнь, родился день воскресный,
Один из многих неприметных дней,
Но отчий дом, и луг, и лес окрестный, —
Все стало нам в тот день еще родней.*

Дмитрий Блынский

а слободой Егорьевской, на восточной окраине Ливен, перед войной начали воздвигать первенец большой индустрии местного значения — завод растительного каучука. На строительстве работало более двух тысяч человек: землекопы, каменщики, плотники... В основном молодые люди из близлежащих слободок Черкасской, Егорьевской, из деревень и сел: Баркова, Горностаевки, Теличьего, Коротыша.

Благодаря упорному труду на берегу Сосны выросли внушительные коробки производственных корпусов. Работали люди хорошо и зарабатывали прилично. Дисциплина зиждилась на строгости и ответственности. Жили строители в двух трехэтажных домах из красного кирпича, которые и сейчас сохранились, в бараках вблизи этих домов. Свободное время проходило весело: ходили в клуб смотреть кино и концерты, плясали на матане, купались в реке, по воскресеньям отправлялись на городской рынок.

Ничто, казалось, не могло омрачить нормальный трудовой ритм жизни. Правда, о том, что время зыбкое, напоминал лозунг, вывешенный на продмаге напротив рынка: «Удар-

ным трудом ответим на удар поджигателей войны!» — призывал текст с красного полотнища.

Ливенец Дмитрий Алексеевич Добриков вспоминал: «Осенью должно было созреть сырье для нашего завода. Именно созреть, так как работа по выделке каучука предусматривалась из коксагыза — растения семейства одуванчиков, выращиваемого на окрестных полях. С утра 22 июня сорок первого года мы отдыхали, и тут по радио объявили, что немцы напали на нашу страну. Паники не было никакой. Потому, наверное, что авторитетный нарком Ворошилов заявлял: если будем воевать, то на чужой земле и малой кровью. Но люди бывалые, которым доводилось участвовать в империалистической, говорили: «С германцем шутки плохи, воевать умеет».

23-го вышли на работу, и сразу же началась мобилизация. Коллектив таял на глазах. А когда оккупанты захватили Украину, начальник строительства Вавилов, молодой, высокий, черноволосый, собрал всех оставшихся и обратился к строителям с речью.

— Все оборудование вывозим в Уфу, там будем налаживать производство каучука, он крайне необходим для оборонных целей... Приглашаю ехать со мной.

Никто не откликнулся из молодых на его призыв — все рвались на фронт. Начали снимать оборудование с фундаментов, затаскивать на платформы. Грустно смотрели на нас своими пустыми глазницами опустевшие коробки зданий...»

А война все больше и больше напоминала о себе. У военкомата круглосуточно толпились призывники и провожающие, привокзальная площадь была забита людьми — фронт требовал все новых и новых людских ресурсов. Рядом с вокзалом заводили в вагоны испуганных колхозных лошадей — и они были нужны фронту. Однажды во время погрузки очередного эшелона над станцией на приличной высоте сделал круг немецкий самолет — «рама». Начали приходить первые похоронки — улицы и слободы огласились причитаниями и рыданиями. Не стало товаров в магазинах...

Однако не следует думать, что война застала врасплох. Вот как говорила об обстановке в Ливнах в начальный ее

период старейший ливенский педагог В. К. Сашнина: «С первых дней войны началась подготовка к борьбе с оккупантами. Создаются курсы медсестер, Осоавиахима, эвакуируется детский дом, демонтируется завод, вывозится оборудование. Создается отряд партизан. В поле за Ливенкой начали строить аэродром, копать противотанковые рвы вокруг города. Население города мобилизовали на эти работы. Техника была простая: тачки, лопаты, носилки. Аэродром построили отменный, но наши воздушные силы им не воспользовались. В город уже прибыла тыловая часть обеспечения авиационного полка, завезли продукты, горючее, боеприпасы. Ожидали прилета самолетов, но они пролетели над городом по направлению к Ельцу, и тыловики на машинах последовали за ними...»

Войска группы немецких армий «Центр» неумолимо двигались к столице. Путь с юга к Москве пролегал через Ливны, входившие в полосу обороны Юго-Западного фронта. Хваленной 45-й пехотной дивизии немцев противостояли части 13-й армии под командованием А. М. Городнянского. Войска были малочисленны, обескровлены в сражениях в Белоруссии, под Брянском и Смоленском. Правда, после ликвидации Брянского фронта и передачи 13-й армии в подчинение С. К. Тимошенко дело немного поправилось, но ненадолго — немцы продолжали наступление. 3 октября они захватили областной центр — Орел.

Уже в самом начале войны многие ливенцы ушли на фронт, остались те, у кого была броня. Мужчин, покинувших станки, тракторы, автомашины, заменили юноши, женщины, старики. В тылу было трудно. А Шалыгин, ветеран завода противопожарного машиностроения, вспоминал: «Трудились по 12 часов в сутки, а иногда и по 18 часов оставались у станков. Спали прямо в цехах».

Началась эвакуация промышленных предприятий и учреждений. Производились демонтаж, упаковка и отгрузка станков, двигателей, оснастки. Рабочие завода противопожарного машиностроения (ныне машзавод) Н. И. Талызин, Д. М. Гузеев, Т. К. Шарыкин, выполняя приказ по эвакуации на восток, погибли на станции Русский Брод при бомбежке немецкой авиацией эшелона.

Во исполнение приказа Главнокомандующего И. В. Сталина о превращении пути следования фашистской армии в «пустыню» в ноябре гремели взрывы за городом и в городе. Были взорваны мосты, Адамова мельница, каучуковый завод, спиртзавод, многие дома.

20 ноября немецко-фашистские захватчики вторглись в пределы Ливенского района, а 24 ноября ливенский истребительный батальон принял бой с врагом на западной окраине города вместе с частями 336-го стрелкового полка 6-й дивизии. Через город отошли наши отступающие части. Офицеры и солдаты, уставшие и обтрепанные, с синими кругами под глазами от бессонницы — не давали им фашисты передышку.

Старожил Ливен А. Мальцева рассказывала: «Хорошо помню день 25 ноября. Наши отходили по Воронежскому большаку. Население забилося в подвалы, на улицах не осталось ни души. Когда сгустились сумерки, послышались орудийные выстрелы, скрежет танковых гусениц. Было очень холодно. Запас пищи иссяк, но я больше думала о детях, о том, что с нами будет дальше. Не было слез, чтобы плакать. Грязь и сырость в подвале, а вокруг — лающая незнакомая речь — то был кошмар наяву».

Немецкие захватчики вошли в Ливны. Передовые части теснили Красную Армию в Елецком направлении. Их место занимали войска тыла. Один из очевидцев, В. П. Внуков рассказывал, как 27 ноября под селом Крутым, в районе нынешнего откормочного хозяйства, был подбит краснозвездный бомбардировщик. Падая, он врезался в колонну немцев. Вероятно, это был самолет Василия Челпанова, который посмертно удостоился звания Героя Советского Союза.

«Город был занят практически без боя, — свидетельствовал Василий Андреевич Гончаров, — правда, помнится, два наших орудия сделали несколько выстрелов в сторону Здоровца, но последовал ответный огонь, и артиллеристы увезли пушки. Накануне вступления немцев в город к нашему дому в Ямской слободе подъехали трое конников:

— Какой город?

— Ливны, — отвечаем.

— Где Елец?

Мать показала рукой направление на этот город, и воины быстро поскакали. Оккупанты прибыли на повозках, машинах, были у них и танкетки. К нам в хату зашли двое с автоматами. Увидели башмаки почти не ношенные, кожаные — в мешок их. В комнате стояли два мешка гречихи, думали смолоть на блины, они заметили их.

— Кони, ам-ам, — бормочут. Для лошадей, стало быть, занадобилась крупа. Забрали.

Потом во двор зашли, корову увидели. Потребовали доить молока. Мать объясняет: не доится корова. Приказали доить, мать нацедила кружку. Один из них сам стал дергать соски, но не было молока.

Привели как-то наших пленных. Одеты добротнo: полушубки, валенки, штаны ватные, шапки-ушанки. Немецкие офицеры приказали все снять, на себя стали напяливать. Красноармейцам бросали обувь и одежду свою.

Назначили старост, ввели комендантский час. Обещали к весне образовать общины-десятидворки и отдать им землю. Стали привлекать к трудовой повинности. Приходит как-то к одному из соседей староста:

— Запрягай лошадь, бревна на восстановление моста возить будешь.

— Что иметь буду? — спрашивает мужик.

— Ничего.

— Тогда катись отсюда.

— Сейчас немца позову, он тебя проучит.

И пошел крестьянин лошадь запрягать.

Тыловые части, осевшие в Ливнах, стали насаждать «новый порядок». Особенно хорошо познакомились с ним жители западной части района, находившиеся под пятой оккупантов больше года. Вот лишь перечень приказов новоявленных хозяев: «Об обязательной регистрации всего гражданского населения», «Об обязательной регистрации лошадей», «О мобилизации населения для принудительных работ», «О наказании лиц, подбирающих листовки и имеющих голубей», «О ликвидации колхозов и введении нового порядка в землепользовании», «О поставках молока для нужд немецкой армии». И так далее.

В приказе о землепользовании читаем: «...Все колхозы

преобразовать в общинные хозяйства, которые являются переходной формой к единоличному индивидуальному хозяйству... Общинные хозяйства обязаны отремонтировать все конные сеялки... Все крестьяне получают в собственность усадьбную землю, которая освобождается от налогов...» А вот распоряжение командования 383-й пехотной дивизии, располагавшейся на территории района: «...Кто вытаскивает картофель до созревания, чтобы взять самые большие картофелины, и вставляет потом обратно клубень в землю, будет расстрелян как вредитель. То же самое, кто украдет сноп зерна или сена...»

Все подчинялось тому, чтобы оккупанты извлекали большую пользу из захваченных территорий. Население интересовало захватчиков только как рабочая сила, которая должна беспрекословно подчиняться «новым хозяевам» и производительно работать для их блага. Любопытен в этом смысле документ Орловской военной комендатуры о структуре управления Орловского округа: «Служащий совершает преступление по службе, когда он виновен в небрежном выполнении или нарушении своих служебных обязанностей... К наиболее важным служебным обязанностям относятся: повиновение, сохранение служебной тайны, запрещение посторонних занятий, запрещение принимать какие-либо дары».

По свидетельству Валентины Кондратьевны Сапшиной, «на льду реки Ливенки немцы под взорванным мостом устраивали засады из 3—4 человек, и когда кто-то переходил реку, выбегали, окружали и отбирали вещи. Я тоже попала: у меня сняли валенки с галошами, теплые носки, рукавички, платок. Пришлось, бросив ведро, в летних чулках бежать по морозу домой.

На улицах задерживали молодых парней и девушек «для нужд Германии». Понесла я паспорта семьи в управу для регистрации, увидела: за столами сидят знакомые женщины и девушки. Стали приглашать и меня на работу, но я отказалась.

Идешь, бывало, на речку за водой — навстречу ведут партию пленных солдат. Раздеты, гимнастерки рваные, без ремней, босые. Кто-то из охраны на плохом русском бахва-

лится: «Наша армия сильна, одета, обута, а ваши босыми воюют, шинелей нет». Запомнился наш солдат в обмотках, гимнастерке с оторванным воротником, грудь нараспашку. Женщины плачут, а он спокойно говорит: «Не горюйте, матери, я им крепко всыпал, убегу!» И с такой силой это «убегу» произнес, что подумалось: этот не сломается».

Сельчанам было не легче. Вот что писал о тех днях Н. Провалов: «Это было в начале 1942 года. Мне было тогда шесть лет, но я все хорошо помню. Нашу деревню Ольхов Луг, или в простонародье — Ольхи, заняли немцы. За короткое время они истребили всю живность в деревне: свиней, кур, гусей, оставили только коров, так как очень любили молоко. Еще они обожали жареную картошку. Только и слышалось: «Матка, млеко! Матка, жарь каток!» Печь у нас раскалялась докрасна. И варили, и жарили, пока эта братия не нажиралась до отвала.

Моя бабушка, звали ее Марфа Никифоровна, — мать будущего Героя Советского Союза С. А. Бахтина. Так вот, немцев она не боялась, за что ей здорово попадало: поддавали ее кованым сапогом, толкали в грудь прикладом. Моя мать всегда ходила в тряпье и вымазанная сажей, не желая представлять перед ними молодой и привлекательной. Красивых женщин немцы насиловали».

В красноармейской газете «За Советскую Родину» № 12 от 31 января 1942 года помещен акт о злодеяниях немцев в селе Вязовик. Там написано: «Немецкие солдаты и офицеры... сначала обстреляли деревню, а затем начали жечь дома. Без причин и поводов были зверски расстреляны граждане села: инвалид комсомолец Федор Григорьевич Ильин, 65-летний Семен Прохорович Шебанов, 64-летний Павел Ермолаевич Бородин, Николай Павлович Золотухин, Николай Сергеевич Карпов, Георгий Сергеевич Золотухин, Алексей Васильевич Ильин». Акт подписан работником политотдела 143-й дивизии, председателем Вязовицкого сельского Совета Ефановой и другими.

За время оккупации города и района фашисты расстреляли 34 человека, изувечили 15 и угнали в Германию 128 человек. Отобрали у граждан 320 коров, 2000 овец, 234 тонны зерна, много птицы и домашнего имущества. В целом по

городу и району был нанесен ущерб на 303 миллиона рублей...

Поздней осенью 1941 года в кремлевских кабинетах родился план «полного уничтожения гитлеровских войск под Москвой», который полностью выполнен не был, но оказался весьма результативным. 13 декабря, после того, как противник был выбит из Ельца и окружен западнее этого города, немцы начали отступать в сторону Ливен. Офицеры оперативного отдела группы германских армий «Центр» записали в одном из документов: «...Из-за контратак русских приходится планомерно отступать... мороз до 38 градусов, много потерь из-за обморожений... Прорыв русских восточнее Ливен...»

Гитлер возлагал большие надежды на свою любимую 45-ю пехотную дивизию, взявшую когда-то Париж, но она вместе с 134-й дивизией не устояла, потеряла под Ельцом 12 тысяч человек убитыми и ранеными, отошла, была окружена под Измалковом и сильно потрепана. Правда, официально сообщалось, что она была уничтожена, но это было не так, 45-я дивизия просто отошла (кстати, за бои под Ливнами эта дивизия была награждена Гитлером званием «народная гренадерская»).

Командующему 13-й армией генерал-майору А. М. Городнянскому ставилась задача нанести удар в направлении Казаки, Ливны, командарм-13 в свою очередь поставил задачу перед 148-й стрелковой дивизией: овладеть городом. Кроме того, в направлении Ливен, Верховья наносила удар подвижная группа фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. На ливенском направлении оборонялись части 45, 168, 95-й пехотных дивизий, 221-я охранная дивизия, 1-я пехотная бригада СС. Непосредственно оборону города держала 299-я пехотная дивизия. На них наступали 132, 307, 143, 6-я стрелковые дивизии. Взять Ливны предстояло 148-й стрелковой дивизии (командир Ф. М. Черокманов, впоследствии Герой Советского Союза). О том, как разворачивались события, вспоминал командир 496-го полка 148-й дивизии Б. Д. Лев:

«Внезапно прибыло сообщение о новой задаче дивизии: предлагалось выслать передовой отряд силою до полка в

направлении г. Ливны и освободить конно-механизированную группу, которая, как сообщалось, смелым рейдом по тылам противника овладела Ливнами и продолжает свой рейд...

Предстоял большой путь, поэтому нужно было «осветить» его разведкой...

Решили действовать по-современному: поймали две неподведомственные нам грузовые машины ЗИС-5, посадили пару взводов и выслали вперед. Затем все двинулись вперед. Не знаю почему, но чем ближе подходили к Ливнам, тем тревожнее становилось. Уж слишком показалась легкой победа. Однако факт был налицо — мы двигались беспрепятственно. Но внезапно впереди поднялась стрельба, а вскоре мы получили донесение, что в 5 — 6 километрах от Ливен наши подразделения были встречены огнем противника, вступили в бои, несут потери... Атака успеха не имела... Всякие представители приезжали, возмущались, а когда сами попадали под огонь, многозначительно пожимали плечами...

Первая ночь под Ливнами. Погода — благоприятная, холодная... Грунт мерзлый, но зарываться нужно. Сводка Совинформбюро, слушаем. Не верим своим ушам: сообщают, что наши войска заняли Ливны. Где, как, когда?

(Следует заметить, что, действительно, Совинформбюро 13 декабря сообщило об освобождении города Ливны. Это ввело в заблуждение и писателя И. А. Бунина, жившего в оккупированном немцами Париже. В своем дневнике он записал: «13 декабря 1941 года. Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще что-то». — Прим. автора.)

И пока мы строили догадки, немцы решили над нами поиздеваться, заговорили репродукторы: «Что приуныли, большевички? Ваше Совинформбюро уже давно заняло Ливны, а вы стоите...»

Итак, мы на рубеже Каменево — Успенское.

При подходе к Ливнам погиб командир нашего полка Дергунов со своим адъютантом. Дело в том, что из района Каменево и до самой окраины города тянется система оврагов с ручьями. Дергунов выдвинулся вдоль северного склона оврага вперед и залег. Противник бросил бронесна-

ряд, обнаружил Дергунова с группой и мгновенно ее уничтожил. Вслед за этим была проведена сильная контратака противника, и полк к исходу дня оставил рубеж Каменево — Липовец и закрепился западнее Козьминского. Связь с дивизией прервалась.

Я принял командование полком. Привели себя в порядок, и утром следующего дня вернули свои позиции, уничтожив много немцев и захватив часть их оружия. Но далее продвинуться не смогли. Всех убитых, в том числе Дергунова, похоронили с почестями».

Кроме Дергунова из офицеров был убит командир 507-го полка Фирсов, начальник дивизионной разведки майор Логунов, комиссар 496-го полка Николаев и многие другие. Все они похоронены в деревне Каменево.

С 19 по 23 декабря было предпринято восемь атак, но ни одна из них не имела успеха. Правда, последняя атака позволила «зацепиться» за окраину города. Понеся потери, Черокманов решил изменить тактику, действовать более осторожно. Вот что он рассказывал: «Нужно было провести хорошую разведку. В город пошли переодетые в лохмотья успенские девушки Валя Тарасова и Зоя Шеламова. Но немцы заподозрили что-то неладное и не пропустили их. Тогда они еще раз решили попробовать. Удалось. Разведчицы выяснили, что захватчики в ночь с 24 на 25 декабря собираются праздновать рождество, заметили, где скопления военных, их огневые точки. В третий раз, уже ночью, они провели с собой нескольких автоматчиков, указали им чердаки, откуда можно вести огонь. И вот, когда оккупанты начали праздновать, автоматчики открыли огонь, что явилось сигналом для общего наступления...»

Сигнал был услышан. Артиллерия дивизии обрушила огонь на опорные пункты, потом в атаку пошла пехота. Враг был застигнут, по существу, врасплох. Подполковник Б. Вениг, ветеран 148-й дивизии, писал: «...Танкисты даже не успели попасть в свои танки. Началась страшная паника. Позднее один из пленных немцев говорил: «Неожиданно кругом загудело, затряслось, загремело. Мы подумали, что перевернулся белый свет! Никогда еще мы не испытывали такого ужаса, как в эту ночь. Наши офицеры растерялись, не знали, что делать».

А вот воспоминания В. А. Гончарова, так сказать, изнутри города: «Наши пытались освободить город, но немцы не отдавали. Амбразуру сделали в нашей хате. Один дежурит, остальные кофе с шоколадом попивают и в картишки перебрасываются. Как только дежурный даст сигнал, все бегут к амбразуре, постреляют и опять за стол. Потом ушли в сторону Крутого...»

Писатель Михаил Луконин, вошедший в город вместе с военными частями, писал в записной книжке: «...Идет по улице взвод из полка Фирсова и поет песню о городе. На сердце весело и хорошо.

— Вы теперь не уйдете? — спрашивают у бойцов девушки.

— Он бежит! Если бы вы видели!

У церкви толпа. Лежит убитый немец..

Народ возбужден. На крыше углового дома копошится человек.

— Скорей, товарищ! — кричит толпа.

Товарищ установил рупор. Радио захрипело, зашипело, заговорило: «Москва, Москва!»

Люди слушают.

К домам прибываются знамена, и хотя на улицах много битого стекла, зияют витрины, черные бока домов выпирают на улицу, чувствуешь во всем — праздник!

Бойцов и командиров встречают, останавливают, приглашают в дом. Некоторые прямо к воротам выносят блины и пышки. Глядишь на это и глаза становятся влажными...»

25 декабря город был полностью очищен от фашистов. Немцы оставили пять танков, автомашины, военное имущество. Было взято в плен до 40 оккупантов.

Безусловно, на быстрый отход немцев из города повлияли следующие события. Когда 148-й стрелковой дивизии никак не удавалось взять город и она несла большие потери на подступах к нему, 1-й гвардейской дивизии, воевавшей под Змиевкой, был отдан приказ двигаться на помощь к Ливнам. Армейская разведка немцев «разнюхала» намерение гвардейцев, и частям вермахта, удерживающим город, пришел приказ во избежание окружения оставить его.

В Беломестной слободе воинов хоронили прилюдно и

торжественно, а в Ямской, по словам Гончарова, «...войска наши ушли дальше, а убитые солдаты так и остались в полях на снегу. Потом, уже ближе к весне хоронили их в силосные ямы на Ямском выгоне...»

Развивая успех, части 6, 143, 148, 307-й стрелковых дивизий в течение следующей недели заняли Коротыш, Речицу, Введенское, Сосновку, Вязовик... и вышли на рубежи рек Фошня, Труды.

А горожане начинали новую жизнь после освобождения из-под пяты оккупантов. Бывший в военное время редактором местной газеты «Знамя Ленина» Дмитрий Ильич Головин рассказывал: «В это морозное декабрьское утро я возвращался из эвакуации. Один, без семьи. Ехал в санях-розвальнях на впряженном в них рыжем редакционном меринишке, на котором полтора месяца назад уезжал из города с женой и детьми.

Подъезжая к городу, я испытывал радостное волнение. Вот уже ясно вырисовывалось двухэтажное здание бывшего педучилища. Выстроенное окнами на восток, оно первым встречало утренние рассветы. Озаренные веселыми лучами восходящего солнца, эти окна загорались праздничной иллюминацией. Теперь они зияли черными провалами, уныло глядя в заснеженную даль.

Такими же изуродованными выглядели здания городского кинотеатра, средних школ, райисполкома и других учреждений. Возвышаясь над останками более мелких строений, они словно зывали к отмщению за свое поругание».

ЛИВЕНСКИЙ ЩИТ

правившись после поражения в Московской битве, противник готовился к новому наступлению, создавая ударные группировки. Одну из них, по данным контрразведки, он сосредоточил под Ливнами. 19 июня 1942 года на Юго-Западном фронте был сбит немецкий военный самолет. Все погибли, но на месте катастрофы нашли планшет, в котором сохранилась карта и еще какие-то документы. При тщательном изучении удалось установить, что планшет принадлежал начальнику оперативного отдела 23-й танковой дивизии майору Рейхелю, и он доставлял в штаб директиву о предстоящей наступательной операции «Блау».

Эта операция — важная часть захватнических планов Гитлера на время летней кампании 1942 года. В директиве № 41 от 5 апреля указывалось, что преследуется цель «разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее реки Дон». Иначе говоря, противник намеревался прежде всего сокрушить войска Брянского фронта в обширном районе, включавшем в себя Елец, Ливны, Касторное, Старый Оскол.. В директиве недвусмысленно подчеркивалось, что «началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж».

Начальник штаба Брянского фронта М. И. Казаков вспоминал: «Ночь на 28 июня на всем нашем фронте прошла

совсем тихо... В три часа я отпустил всех спать. Поспать на войне хотя бы два-три часа без перерыва — было мечтой каждого, кто работал в штабах. На этот раз мы все были уверены, что отдохнем хорошо. Но...

На рассвете пошли тревожные звонки из 13-й и 40-й армий. Звонили по всем линиям: оперативные дежурные, офицеры разведки, работники артиллерийских штабов. Беспокойство было не напрасным: противник перешел к активным действиям. Пока что, судя по всему, он проводил силовую разведку на левом фланге 13-й и правом фланге 40-й армий. Наиболее упорными были его атаки в полосе 15-й стрелковой дивизии...»

Нельзя сказать, что командование Красной Армии не ожидало наступления немцев. В районе Сосновки, Вязовика занимала оборону 148-я стрелковая дивизия, позиции 143-й стрелковой дивизии располагались у Евланово, Зябрево, Луганки, 15-я дивизия заняла оборону левее. Танковый корпус Катукова ждал приказа командования в разных точках района: Воротынске, Лютом, Овсянникове, в слободе Казацкой, на Сенной площади (в районе нынешнего автовокзала). В конце мая катуковцы из Ливен перебазировались в Здоровец. Брянскому фронту дополнительно было придано семь стрелковых бригад, в районе Екатериновки сосредоточился танковый корпус полковника Павелкина. Под Воловом, Тербунами и Задонском — 5-я армия генерала Лизюкова. За 148-й дивизией была закреплена 129-я отдельная танковая бригада Аникушкина, гаубичный полк артиллерии. Левый фланг 143-й дивизии подкреплялся двумя бронепоездами на линии Ливны — Долгая...

Битва под Ливнами разгоралась все ожесточеннее. 47-я танковая бригада, где командиром был Рафтопулло (из корпуса Катукова), вела бои в Жерновке. 70 немецких танков, смяв пехоту в Дубровке, устремились на Опытное Поле. Танкисты Рафтопулло двинулись им наперерез. Недалеко от жерновского кладбища завязалось танковое сражение. Тридцать краснозвездных машин против семидесяти с крестами. Генерал Катуков приказывает комбригу Бурде зайти вдоль железной дороги в тыл немцам, внезапно напасть на танки немцев и уничтожить их. Опытный танко-

вый генерал Мильдер разгадал своего давнего врага Катукова, знакомого по боям под Мценском, вызвал на помощь авиацию. Налетела армада самолетов, натворив большие беды. Десятки танков превратились в факелы. В этот день, 29 июня, наши танкисты и пехотинцы потеряли несколько тысяч человек только убитыми.

События под Ливнами обеспокоили Верховного Главнокомандующего Сталина. В ночь на 30 июня он лично вызвал к телефону командующего фронтом и заявил ему следующее:

— Нас беспокоят две вещи. Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-восточнее города Тим... Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам тринадцатой армии. В этом районе у вас будет действовать Катуков, но во втором эшелоне у него нет сколько-нибудь серьезных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными и как вы думаете рассчитаться с ними?

Ф. И. Голиков спокойно доложил о всех уже предпринятых и предпринимаемых мерах и высказал уверенность по поводу 13-й армии — она прочно удерживала оборону. К тому же в полосах ее и соседней 48-й армии имелись достаточные силы для нанесения контрудара, если бы даже немцы добились какого-либо успеха в районе Ливны.

События разворачивались быстро. В районе Жерновки, Опытного Поля в бои вступила только что прибывшая сюда сформированная в городе Кирове отдельная 109-я стрелковая бригада Трофима Шудренко. Воины-сибиряки остановили противника у Покровки, Дубровки, Опытного Поля и заняли оборону вдоль железной дороги у 84-го километра, Бараново, Дубровки.

В три часа ночи воины расположились для завтрака. Получили душистую пшеничную кашу, охотно ели ее. А немцы тем временем скрытно, параллельно Никольскому ручью, подошли из Баранчика к Жерновке. Началась стрельба. По сути дела, пехотинцев враг застал врасплох. Пока они заняли боевые позиции, много бойцов и командиров сложили здесь головы. Погибли комбриг Шудренко, политрук Кузнецов, комбат Бадалян, ротный политрук Ильин, комис-

сар Дубрянский, сотни рядовых бойцов. Однако знамя бригады удалось спасти. Это сделал боец Сергей Агибалов, сам родом из Жерновки. Двое суток он пробирался по укрытиям в оврагах и камышовых зарослях, но 2 июля доставил знамя в расположение части. Много сибиряков оказались в плену. На глазах мирных жителей их расстреляли фашисты. Хоронили в траншее сельчане Анна Сажина, Николай и Александр Кобылкины. Об этом они рассказывали после войны.

Если в районе Речица — Коротыш бои приутихли, то на левом фланге армии они продолжались с неменьшим ожесточением. Бывший редактор газеты «Красная звезда» Давид Ортенберг свидетельствовал о том, что в связи с напряженной обстановкой на Брянском фронте сюда были командированы журналисты для освещения событий. В тринадцатую армию прибыл Константин Симонов. Договорились: материал в газету он пришлет почтой. Но вестей от него не поступало. Через две недели вернулся сам Симонов. Очерка не было. Протянул конверт со стихотворением «Безымянное поле». Вот строки из него:

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.
Мы мертвым глаза не закрыли,
Придется нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли,
Последнюю почесть отдать.
Не в честных солдатских могилах —
Лежат они прямо в пыли,
Но мертвых отдав поруганью,
Зато мы — живыми пришли...

Эти строки — реакция поэта на приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад!», вышедший 28 июня 1942 года, запрещающий отступление и предусматривающий ответственность вплоть до расстрела за отход. Им же вводились заградотряды, занимающие позиции позади пехоты. Этот приказ потряс армию и народ.

Между тем, взамен убитых и раненых прибывало пополнение. В район Жерновки выдвинулась 8-я стрелковая дивизия, свежая, укомплектованная по штату. Инициатива

ведения боевых действий переходила теперь к ней. Группа разведчиков из этой дивизии в районе Дубровки захватила языка, который рассказал, что готовится наступление силами 11-й уплотненной танковой дивизии совместно с частями 95-й и 45-й пехотных дивизий. Главный удар — со стороны Дубровки, Овечьего Верха, Ламских дворов, Покровского, Опытного Поля, Екатериновки. Пятого июля командарм-13 Пухов собрал политработников и отдал приказ выехать всем в войска.

Вспоминает бывший политработник капитан Никулин: «Наша задача заключалась в том, чтобы донести до каждого бойца существо приказа № 227. Мне предстояло быть в 129-й танковой бригаде Аникушкина. Командира я застал в Покровском в одной из уцелевших избышек. Танкисты, несмотря на тяжелые бои и потери, чувствовали себя бодро и уверенно. Встретил своих земляков: танкиста Петра Скуридина, Ивана Смагина, маскировавшего пушку скошенным клевером, Сергея Агибалова, готовившего к бою свою десятизарядную винтовку. Беседовал с бойцами. Уже приближался рассвет, повара старались накормить нас. В шесть часов утра начался артиллерийский обстрел, потом — бомбежка с воздуха. Затем опытный и осторожный гитлеровский генерал Мильдер ввел в бой 120 своих танков. Страшно было смотреть на бронированную вражескую подкову, двигавшуюся на нас. Замаскировавшиеся танкисты, артиллеристы прямой наводкой расстреливали врага. Но силы были не равны, большинство командиров погибли или получили ранения. Пехотинцы под напором танков покидали место обороны, отступив к Никольскому ручью». В это критическое время решающую роль сыграли действия комбрига Ф. Г. Аникушкина. Вот как писал А. Авдеенко, военный корреспондент газеты «Красная звезда»: «...Руководил боем полковник Аникушкин:

— Стоять на месте всем! Вспомните о приказе двести двадцать семь! Назад — ни шагу! Позади Елец. Справа Ливныград, слева Воронеж, южнее Сталинград. Погибнем все, погибну сам, но Ливны врагу я не отдам!»

И бойцы и командиры нашли в себе мужество сдержать натиск немцев. В 143-й дивизии почти весь состав 635-го полка остался на поле боя, но не отступил.

Погиб и командир полка майор Бурлаков.

8-я стрелковая дивизия обороняла район Жерновки. Вот что отметил в своей записной книжке комбат из 307-го полка Белов: «8 июля батальон отражал недалеко от леса атаки наступавших во весь рост гитлеровцев. Пулеметный расчет сержанта, по национальности казаха, косил немцев. Зайдя с тыла, его закололи штыками, уничтожили весь расчет. Увидев расправу, девушка-санитарка подползла к пулемету, и он вновь заработал. Немцы расстреляли ее. Недалеко сражался второй батальон полка. Командир погиб, командование принял молодой лейтенант Николай Кузмин. Немцы наседали и шли вперед. Окружили избу, где находились раненные, и подожгли ее, все сгорело. Земля была устлана трупами красноармейцев. Кузмин получил ранение в руку. Забежал в погреб, где находились старый человек Василий Ефремович Шатохин с женой, ему стали перевязывать рану. В этот момент крышку подвала открыли немцы и взяли лейтенанта в плен. Однако сломить сопротивление пехотинцев не удалось. Дело дошло до рукопашной схватки, наступил перелом, и фашисты отступили. Кузмина удалось освободить...»

Во второй половине июля бои начали стихать. 13-я армия была несколько потеснена, но противнику на ее участке так и не удалось прорвать оборону, хотя соседнюю 40-ю армию он смял, результатом чего стал захват Воронежа. Ливенский щит выстоял!

ИМЯ НА БОРТУ

Олодная весна выдалась сегодня на Черноморском побережье. Мы стояли на балконе Дома моряка в Туапсе, а ветер неистовствовал, посылая в лицо холодные брызги дождя. Перед нами шумело беспокойное море. Вдали серые пенистые волны перекачивались через пятиметровую высоту мола. Маленькие суденышки даже на внутреннем рейде раскачивались, словно перышки, из стороны в сторону. Большие суда вели себя спокойнее. Лишь одно судно было непохоже на другие — его стальная громада стояла не шелохнувшись. На белом борту красные буквы: «Ливны». Вот он какой красавец! Танкер был в далеком рейсе и впервые причалил к берегам своей Родины...»

Таким представлялся мне танкер «Ливны» при первой встрече, и этим я делился с читателями на страницах районной газеты в 1963 году. А свидание с морским судном, названным именем нашего города, произошло так.

В том же 1963 году по ливенской округе разнеслась весть: в Японии построен большой танкер и назван «Ливны». Это прозвучало сенсационно. Еще бы — обычно судам и кораблям дают имена знаменитых людей или столичных городов: например, «Пекин», «Минск» или «Калинин». А тут — имя заштатного городишки. Местные власти решили немедленно отправить на судно-тезку делегацию. Маховик закрутился — отобрали два десятка парней и девчат, как тогда говорили «активистов», выбрали руководителя — тог-

дашнего редактора городской газеты «Ливенский рабочий» Евгения Михайловича Сажина. Повезло и мне — включили в состав делегации как человека пишущего и фотографирующего. И вот поезд понес нас на юг.

...Короткое путешествие от берега на катере — и наша делегация поднимается по трапу на судно-исполин. Именно исполин, и именно это впечатление помнится у всех нас — первое.

— Есть где делать пробежки, — шутили моряки, — от кормы до носа и обратно почти полкилометра.

Поразил своей грандиозностью главный двигатель. Мощность его девяти цилиндров восемнадцать тысяч лошадиных сил, высота — с трехэтажный дом, от низа до верха ходит лифт. Не успев «остыть» от впечатлений в чреве судна, видим на носу запасные якорь и винт весом около десяти тонн и впечатляющих размеров — с автомобиль.

Старший помощник капитана Сотников знакомит нас с многочисленным хозяйством: насосами, складами, аварийными средствами, опреснителями...

— Судно имеет современную конструкцию, — поясняет он, — жилая надстройка расположена над двигателем, что удешевляет затраты на постройку.

Водит нас по каютам и кубрикам. Каждому члену экипажа, а он насчитывает шестьдесят человек, отдельная жилая комната, довольно-таки высокая и просторная.

— В тропиках температура переваливает за полсотню градусов, а у нас — свежий, чистый воздух. Мало того, по желанию в помещениях можно создать запах фиалок, например, или ландыша. Об этом заботится система кондиционирования. Есть плавательный бассейн, — рассказывает старпом.

Вечером в кают-компании — официальная встреча. Тосты, выступления, музыка. Команда судна — добрые, отзывчивые люди. Вот худощавый, загорелый, с серебряной сединой в висках боцман Миронов — участник знаменитого новороссийского десанта, рядом — молодой, но серьезный не по годам старший механик Крапивин, технический

руководитель. Душой коллектива слывет жизнерадостный грузин Чавчавадзе, ведающий штурманским делом. Шутят, зажигательно пляшут молодые ребята Юра Подтынченко, Коля Якубенко. Всего несколько месяцев трудится коллектив, но под неусыпным руководством капитана П. П. Карянова сплотился, освоил сложную технику. Этому способствовало и пребывание экипажа во время постройки танкера. А заложен он был в бухте Айой судостроительной фирмой «Исикавадзима Харима» и через пять месяцев спущен со стапелей на воду. После достройки — торжественное подписание акта о приемке-сдаче и — первый самостоятельный рейс во Владивосток. Не все шло гладко. Шторм и заряды снега. Вышел из строя эхолот (измеритель глубины), забарахлил локатор. Поволновались моряки изрядно, но и поработали целеустремленно — отремонтировали приборы, вовремя закончили рейс...

Мы от имени ливенцев подарили экипажу духовой оркестр, фотоальбом с видами города, сувениры, пожелали морякам семь футов под килем. На следующий день к вечеру танкер взял курс на Новороссийск, оставалась на борту и наша делегация...

Наступило время прощания. Крепкие объятия и рукопожатия. Протяжная сирена широко разливается и медленно тает в голубом просторе...

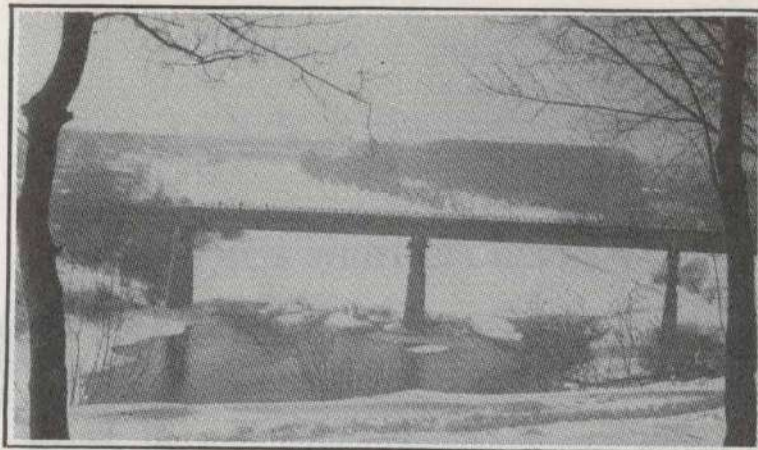
Бороздят воды морей и океанов и другие суда, связанные с нашим краем. В 1980 году на гданьской судовой верфи в Польше построен рефрижераторный теплоход «Академик Хохлов», названный в честь уроженца Ливен. Он поскромнее судна-тезки по своим размерам — его длина сто сорок метров, водоизмещение 6400 тонн, экипаж сорок человек. Совершает рейсы в порты Западной Европы, на Кубу, Эквадор, Колумбию, Аргентину, перевозит цитрусовые, бананы, мясо.

В 1983 году на заводе «Красное Сормово» под Горьким спущен на воду сухогруз «Авиаконструктор Поликарпов», предназначенный для транспортировки в основном сыпучих грузов: угля, соли, зерна. Их на борт он может взять две с

половиной тысячи тонн — целый железнодорожный эшелон. Его длина 114 метров. Порт приписки — Петербург. Бывал в Германии, Франции, Иране, Турции, в скандинавских и африканских странах.

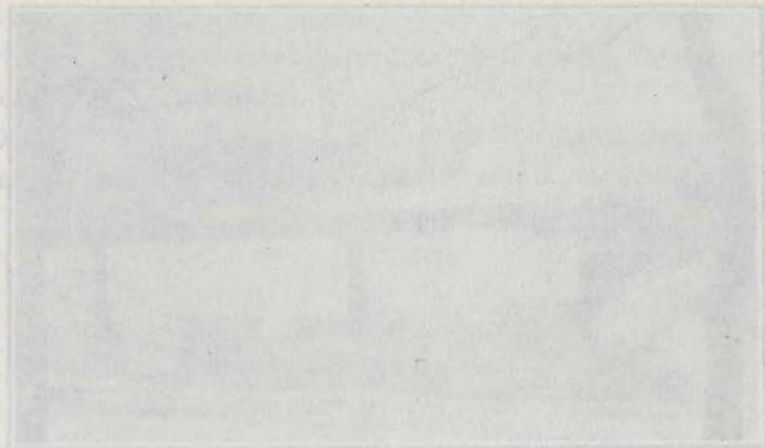
В составе российского флота числится и грузовой теплоход «Алексей Стаханов».

Славные имена наших земляков написаны на бортах больших и малых судов, чтобы остаться в памяти потомков.

Рассказы о былом

О ЧЕМ ШЕПТАЛА БЕРЕЗА

раг был близко. Из города готовились к эвакуации последние учреждения.

Мать просила сына:

— Ты — активист, тебя многие знают, могут выдать немцам.

— Не волнуйся, мама, всему свое время.

Я уеду вместе с райкомом, они меня берут, — отвечал Игорь, как всегда немногословный и серьезный. — Не печалься, лучше собери мне вещи в дорогу.

Она уложила смену белья, теплые носки, рукавицы, сухари. Сын поднял вещмешок, взял с полки и втиснул туда томик Шекспира, подаренный в школе за участие в драматическом кружке.

Матери белый свет был не мил, все валялось из рук — только и думала о разлуке, о том, что будет при немцах. Успокаивала одна мысль: в эвакуации Игорь будет в безопасности. О себе не волновалась: что бог даст, то и будет.

Все перевернулось на следующий день. Сын рано утром пошел в райком комсомола, быстро вернулся и молча принялся колоть дрова. Мать снова забеспокоилась:

— Сынок, что ты молчишь, когда уезжаешь?

— Мама, выдам только тебе секрет — остаюсь в городе с заданием.

Мать сначала обрадовалась, что теперь не будет разлуки, но потом ее испугало слово «задание», и еще больше заволновалась:

— Везде ты хочешь поспеть. Вон все бегут, а ты...

— А я никуда не побегу. Не могу... Не плачь, достань ватные брюки.

Мать ушла. Игорь подошел к своей любимой березке и головой прислонился к ней. Тоненькую и хрупкую принес ее отец из леса после рождения первенца. Теперь ровесница Игоря выросла. Любил он постоять, прижавшись к её обвитому тонкими ленточками стволу, доверить красавице свои заветные думы и мечты. В этот момент ему казалось, что и она делится с ним секретами — шепчет о самом задушевном, ласково шурша маленькими листочками.

Игорь очнулся от раздумий. Ему казалось, что деревце, чувствуя приближающуюся беду, растревожилось, разволновалось, распустив по внезапно набравшему ветру тонкие веточки-волосы. С западных окраин тянуло гарью пожаров, слышался шум приближающегося боя.

Вот и пришла пора уходить. До свидания, мама, до свидания, белая береза. Свидимся ли?

...Глубокая ночь. Пистолет — один на двоих — в правом кармане ватника. Спички и бутылка с бензином у Олега. Притихли лошади в сарае, смолкли голоса немцев. Они допоздна гуляли, отмечая удачу, — взятие города, громко обменивались впечатлениями, пили вино, пели и играли на губных гармошках. Теперь угомонились и заснули. Только часовой ходит взад-вперед между домом и сараем, превращенным в конюшню.

Игорь, пригнувшись, всматривался в темноту, а Олег облил угол дома бензином и чиркнул спичкой. Стену облило оранжевое пламя.

— Быстрее бежим, — торопил Игорь, подталкивая товарища.

Но тут же ночную тишину разорвал бешеный крик часового и автоматная очередь. Игорь упал как подкошенный, перевернулся, вскочил, побежал и опять упал. Ногу ниже колена словно обожгло огнем.

— Я ранен, Олег, возьми пистолет и тикай...

Но их настигли немцы и повели к дому, охваченному пламенем, из которого вытаскивали вещмешки, шинели, автоматы, ящики.

Допрашивали их уже утром, добивались, кто их послал,

кто самый главный. Об отряде они ничего не знали, а того, кто им давал задание, не выдали.

С помощью Олега Игорь с трудом поднялся с залитого кровью пола — кровоточила рана. Солдаты вытолкнули ребят на улицу. Игорь изловчился и ударил здоровой ногой немца под колено, тот упал. Олег бросился бежать, пытаясь перемахнуть через выложенную из камней стену. Но, сраженный автоматной очередью, повис на камнях. Потом пристрелили Игоря.

...В дом на окраине, где когда-то жил Игорь, я спешил с волнением. Встретил брат Игоря Петр. Сели и негромко разговаривали в кухне. Не слышно ступая по полу, наверное, боясь помешать нам, в комнату вошла седая сгорбленная женщина, поставила увеличенную фотографию перед нами.

— Вот мой сыночек.

Со снимка смотрел парнишка с широко расставленными глазами и высоким чубом, открывающим большой упрямый лоб. Рубашка с большим воротником была застегнута на все пуговицы. Смотрел он с фотографии открыто, я бы даже сказал — наивно.

Старушка заплакала и отвернулась. Мы с Петром вышли потихонечку на улицу. Встали у березы Игоря. Дерево стало громадным. В полуденный зной оно хорошо укрывало от палящих лучей солнца. Красавица, перебирая листочками, нашептывала свой бесконечный рассказ. Все говорила и говорила. О чем-то дорогом и сокровенном.

НА БЕРЛИНСКОЙ УЛИЦЕ

уристическую группу привезли в центр Берлина на площадь Александрплац. Переводчик объявил, что сбор в три часа, и мы были довольны, что почти полдня будем предоставлены сами себе, и город посмотрим просто так: без имен, названий, дат.

От шума городского мы с Николаем Васильевичем пошли с многолюдной площади на одну из небольших улочек с красными домами старой постройки, сплошь с островерхими крышами. В нижних этажах размещались маленькие магазинчики, в верхних — квартиры. Улочка привела нас в уютный парк с дорожками из красной кирпичной крошки, окаймляемыми подстриженной щеткой кустарников. В парке, тихом и малолюдном, все располагало к тому, чтобы отдохнуть молча, поразмышлять. Мой спутник предложил присесть, мы сели. Он закурил и как-то сразу заволновался. Часто затягиваясь дымом, прищурившись, стал рассматривать дома вокруг. Так ищут их, когда заблудятся. Потом успокоился и начал вспоминать...

Бойцы пробовали подняться в атаку, но безуспешно — пулеметный и автоматный огонь пока жил, не умолкали и самоходки, прячущиеся в парке.

За глыбами вывернутого снарядами бетона прятались Николай Кудинов и его боевые друзья. Чуть впереди в поблекшей гимнастерке и покрытой белесой пылью каске за повалившейся тумбой уличного светильника лежал солдат с воткнутым в сапог красным флажком, какие выдавали перед последним штурмом Берлина.

Николай не видел его лица, но по тому, как он суетился, оглядывался на взрывы, догадывался, что солдат необстрелянный, из последнего, наверное, пополнения. Как и Володя Бородин, лежавший на брусчатке рядом с Николаем.

Усилился огонь из окон домов, стали стрелять с верхней части кирхи. Оттого, что выполнение приказа — продвигнуться к центру на квартал — проваливается и от сознания того, что без потерь это сделать никак не удастся, грудь давило чувство страха, смешанного со злостью.

— Обещали, что наступать будем при поддержке артиллерии. А где она? Как всегда не поспекает? — возмутился кто-то из солдат.

— А пехота на что? Нами все дырки затыкают, — вторил ему другой.

Солдат с красным флажком попятился назад, наверное, от страха и оказался рядом с Николаем. Да, это был солдат из последнего пополнения, они знакомились с ним во время передышки между боями. Был он земляк, орловский. Что-то говорил Николаю, но уже ничего невозможно было расслышать — из-за перекрестка вырвался танк с крестами. Поднимая пыль, он с грохотом несся на пехотинцев.

— Конец, ребята! — услышал Николай крик Володи Бородина. — Как ценят раздавит...

— Замолчи, чучело, чтоб ты провалился. Бросай гранату под гусеницы! — приказал Николай ему и сам метнул одну в первый танк. Он научился это делать ловко — туловище почти не шевельнулось, только рука описала дугу в воздухе. Граната ударилась о мостовую, отскочила и рванула точно у правой гусеницы. Танк развернулся, врезался в витрину магазина, снес ее и остановился поперек улицы.

Но опасность не миновала. С верхних этажей яростно строчили пулеметы и автоматы. Добавились короткие очереди из магазина, где застрял подбитый танк, — стреляли выбравшиеся наружу танкисты. Николай понимал, что дальше двигаться нельзя, не обезвредив танкистов. Для этого нужно подобраться поближе, бросить внутрь магазина гранату, потом ворваться туда и окончательно расправиться с фашистами. Понимал он и то, что как только танкисты увидят его, то все разом перенесут огонь на одного, и тогда

придется остаться навечно на этой чужой земле. От этой мысли у Николая пробежал холодок по спине. От страха. Боялся и Володя, жавшийся к Николаю.

— Когда же этот ад закончится? — спросил кто-то из рядом лежащих.

Потом все увидели, как из-за поваленной тумбы выполз на улицу солдат с флажком за голенищем, быстро прополз десяток метров, поднялся с брусчатки и ринулся к магазину. Сердце Николая бешено заколотилось. Через мгновение впереди он увидел спины поднявшихся и бегущих вперед товарищей. Он схватил за локоть Володю:

— Где наша не пропадала!

Сразу же затрещали автоматы танкистов, заставляя прильнуть ничком. Несколько человек так и остались лежать на улице. После второго рывка не поднялся и солдат с флажком...

К вечеру магазин взяли. С помощью артиллеристов, подоспевших только во второй половине дня. Николай вытащил флажок из сапога смельчака, оторвал от древка и сунул его под гимнастерку — так удобнее, не стесняет движений. Догнал товарищей, и пехотинцы опять побежали в пекло, туда, где продолжало греметь берлинское сражение...

Когда мой попутчик закончил рассказ, мы поднялись и продолжили пешее путешествие по Берлину. По тем улочкам, где когда-то кипели кровопролитные бои и гибли люди, совершая подвиги.

ИГРУШЕЧНИК

скоре после окончания войны в нашем городке появились пленные немцы. Разместили их рядом с заводом в старых пролуразвалившихся бараках, обнесли высоким дощатым забором с колючей проволокой и вышками, на которых виднелись стрелки в военной форме и с винтовками.

Пленные строили больницу, стадион и двухэтажную баню, которая возводилась в рабочем районе, где в длинных серых, обшарпанных бараках обитали многочисленные семьи заводских рабочих. По утрам под охраной конвоя колонна немцев человек в сто, сопровождаемая мальчишескими голосами: «Немцы, гансы, оборванцы», нехотя плелась на стройку, рассредоточивалась по объекту и начиналась работа: кто замешивал раствор, кто носил кирпичи, кто делал кладку. Конвоиры рассаживались на ящиках вокруг бани и, поставив винтовки между ног, а то и просто прислонив их к ящикам, разомлев на солнце, неподвижно сидели, дымя цигарками, или вели между собой негромкую беседу.

Будущая баня имела высокий арочный вход, по бокам которого немцы на кирпичных постаментах соорудили шары почти в человеческий рост, которые вызывали у нас, мальчишек, большое любопытство. Двое обмазывали шары раствором и усердно заглаживали, придавая архитектурному сооружению сферическую форму, а третий маленьким ножичком выстругивал игрушку.

Нас, пацанов младших классов, сделанные немцем иг-

рушки здорово интересовали. Они были двух типов: деревянный человечек на суровой нитке, потянешь — и он карабкается по ней, вторая — фанерный раскрашенный гимнаст, подвешенный за руки к бечевке между двумя палочками, сдавишь палочки — и гимнаст резво кувыркается. У нас был страшный дефицит денег, которые мы получали в конторе «Чермета», сдавая металлолом в виде проволочек, скобочек, втулочек, стружки, которые мы находили или просто под ногами, или на заводской свалке. Килограмм цветного металла стоил рубль, а чтобы собрать такое количество, требовалась неделя, а то и две — как повезет. Мы копили деньги и, даже забывая о кино, предпочитали купить у немца игрушку за три рубля, хотя этих денег было бы достаточно, чтобы посетить три сеанса...

Вот и теперь молодой тощий немец в очках и пилотке мышинного цвета выстругивал очередную игрушку, чтобы продать нам. Выстругивал увлеченно, с упоением. Мы были знакомы с ним. Приходя на стройку, общались, если разрешал охранник. Говорил он на довольно-таки сносном русском языке. Звали его Вильгельм, но нам он сказал, чтобы называли Вилей. Это был пленный лет восемнадцати из последнего набора в немецкое ополчение, когда по призыву фюрера на фронт попали и ветхие, полуслепые старики, и юноши с физическими дефектами. Вильгельм учился в школе ваiania и зодчества, но когда бои переместились к столице рейха, на него надели шинель и научили пускать фаустпатроны по советским танкам. В первом же бою он потерял очки и его взяли в плен. Эту историю мы узнали из его уст.

В общем, Вильгельм увлеченно трудился над игрушкой. Но вдруг протяжно и тревожно загорланил заводской гудок, и Вильгельм, настороженно вытянув шею, прервал свое занятие и спрятал ножичек и поделку в карман рваной и замазанной известкой шинели. Над заводом поднимался черный султан дыма, крышу какого-то здания лизали языки пламени. Охрана засуетилась, прозвучала команда: «Становись!» Все заспешили, и колонна, подгоняемая конвоирами, рысцой побежала в лагерь.

Вечером отцы рассказывали, что горел важный цех, а по городу пополз слух — пленные подожгли.

На следующий день немцев на стройку не привели, а потом стало все, как и прежде: бредущая по грязи мрачная колонна, конвоиры с винтовками, а затем — переноска кирпича, досок, отделка шаров у входа в баню. Только охранники теперь уже не сидели на ящиках, а прохаживались взад-вперед с винтовками наизготовку. И опять Вильгельм, спрятавшись за шар, вытащил из кармана ножичек и, нагнувшись, стал расщеплять деревянную палочку для очередной игрушки. Увлеченный, не заметил бесшумно подкравшегося охранника.

— Встать! — прокричал конвоир.

С испуга у немца выпали из рук незаконченная игрушка и ножичек, сделанный из ножовочной пилы. Продолжая сидеть на кирпичах, Вильгельм через маленькие круглые стекла очков испуганно уставился на охранника.

— Встать! — срывающимся голосом повторил команду черноусый солдат и тут же ударил в плечо игрушечника прикладом. — Мразь фашистская...

Прибежала подмога, руководимая офицером, окружила непослушного немца. Замелькали приклады.

Мы, исподтишка наблюдавшие эту сцену, после того, как немец-игрушечник стал душераздирающе кричать, испугавшись, бросились наутек, а наутро перед входом в баню нашли затоптанную в грязь незаконченную игрушку — гимнаста. Очкастого Вильгельма мы больше не видели...

Объектом нашего мальчишеского любопытства были не только пленные немцы, но и их захоронения, расположенные чуть поодаль от заросшего деревьями кладбища. Ровные, аккуратно насыпанные ряды могил, выкрашенные серой краской металлические таблички, воткнутые в холмики. На табличках русскими буквами были четко выписаны номер, фамилия, имя, даты рождения и смерти. Мы от души потешались над непривычными фамилиями и именами.

...После пожара там появилось несколько свежих могил, на одной из них мы увидели надпись: «Вильгельм Шмидт, 1928—1946». Мы только могли предполагать, что это была могила Вили.

ЛЕДОХОД

Первая послевоенная зима была трудной. Отец после заводского гудка задерживался в цехе — хотелось побольше заработать. У матери такой возможности не было — спешила после работы в очередь, чтобы отоварить хлебные карточки. Редко кто из детей не переболел тогда разными болезнями — верными спутниками голода и разрухи.

Не прошла хворь и мимо Кольки. Он бредил всю ночь — чудилось, что на грудь наваливается какой-то страшный зверь. Мать накладывала мокрое полотенце на пышущий жаром Колькин лоб. Сознание возвращалось, и тогда он слышал произносимое родителями страшное слово, которое боялись и взрослые, и дети, — «скарлатина».

Утром отец завернул его в серое солдатское одеяло и понес в больницу. Она была забита скарлатинниками, класть Кольку было некуда, и если бы не врач Костин, то неизвестно, остался бы Колька живым или нет. Доктор договорился, чтобы его положили в заречную больницу. Туда еще можно было втиснуться — немцы при отступлении не успели сжечь и обезобразить этот район города.

В небольшой палате с единственным окном лежали восемь стриженных наголо мальчишек. Утром приходила медсестра и приносила восемь кусочков хлеба — дневной паек — и восемь красных таблеток американского стрептоцида. После горьких пилюль и хронического недоедания хлеб казался невероятно вкусным, в особенности, если доставалась горбушка.

После завтрака было интересно залезть на подоконник и смотреть на реку, на город, раскинувшийся на противоположном берегу, и на драчливых воробьев, резвящихся в больничном палисаднике. Вечером все становилось неинтересным — поднимавшаяся температура загоняла мальчишек под одеяла. Медсестра то и дело меняла мокрые полотенца — на пылающих жаром лбах они быстро становились горячими. Палата наполнялась всхлипываниями, а керосиновая лампа высвечивала испуганные ребячьи лица и хлопчущую медсестру, оставляя на потолке и стенах мечущиеся тени. Только к утру измученные болезнью мальчишки успокаивались и засыпали.

По воскресеньям Кольку навещали родители. Они стояли на улице, а он, приплюснув нос к стеклу, улыбался. Жесты матери означали, что нужно застегнуть рубашку на все пуговицы, а то — холодно. Но в палате весь день трещала круглая железная печка, источавшая жар от черной поверхности, и было тепло. В ожидании отца с мамой он отсчитывал каждый день. Стараясь захватить получше место у окна, подолгу всматривался в очертания противоположного берега и протоптанную на занесенном снегом льду тропку через реку.

Надвигалась весна, река потемнела, и тропка стала неразличимой. Только в лесу по-прежнему белел снег. Потом лед зашевелился и ожил. Льдины полезли друг на друга и тронулись в долгий путь. Середина поплыла быстрее и быстрее, а прибрежный панцирь нехотя пополз на берег, подминая под себя ивовые кусты.

В тот день, когда начался ледоход, медицинская сестра положила на тумбочку лишь восемь красных таблеток. Колька догадался, что хлеба сегодня не будет и папа с мамой не придут — виновата река, сломавшая все пути-дороги к заречной окраине. От этого стало уныло, захотелось заплакать. Только воробьям все было нипочем — хлопотали себе в палисаднике.

— Смотрите, смотрите, дядька на льдине! — закричал кто-то из ребят. Колька прислонил нос к стеклу... и сразу узнал отца в длиннополой шинели. Он был с багром в руках, на который опирался. Перепрыгнув с одной льдины на другую, все ближе подбирался к берегу.

Оттого, что сегодняшнее свидание состоится, и потому, что смельчак на льдинах — его отец, Колька обрадовался и с гордостью выкрикнул:

— Это — мой папка!

У берега отец остушился в воду, но выбрался на сушу и побежал к больнице. С шинели и из вещевого мешка за спиной стекала вода. К обеду на тумбочке лежали восемь кусочков мокрого, но необыкновенно вкусного хлеба...

Много лет минуло с той поры. Родителей не стало, а Кольку давно называли Николаем Ивановичем. Однажды проездом он завернул в родной городок. По провинциальному неспешно текла здесь жизнь. Появились новые многоэтажные строения, на заречную окраину перекинулся широкий мост. Однако здание больницы, ветхое и приземистое, сохранилось. Как и тогда, в сорок шестом, льдины громоздились одна на другую и, переломившись, мягко шлепались в черную воду. Опершись на поручни моста, с бьющимся сердцем смотрел он на ледоход. Теперь понимал, что отец совершил тогда бесстрашный поступок, чтобы накормить хлебом больных и голодных ребят.

ЯБЛОЧНЫЕ СЕМЕЧКИ

нашем городке садов не было. Основная часть их вымерзла зимой сорок первого, много яблонь и груш пожгли в период оккупации. Уничтожение садов завершилось после войны, когда каждое фруктовое дерево обложили налогом. В руках у разозленных мужиков заблестели топоры, и застонали стволы медовок и боровинок, анисовок и великолепных русских антоновок, посаженных еще в царское время. Рубили тайком, иначе можно в два счета схлопотать клеймо врага народа.

Яблоки стали в редкость. Мы, мальчишки, военным временем были ко всему приучены. Не роптали, не жаловались, свой витаминный голод утоляли боярышником, терном да рябиной. А часто — арбузными корками, которые собирали вдоль железнодорожного пути, ведущего в теплые республики.

Не знаю почему, может быть потому, что наша учительница биологии Надежда Петровна понимала наше бедственное положение больше, чем мы сами, и хотела облегчить его, поэтому, может быть, и решено было на просторном пустыре у школы посадить сад.

В сентябре на бабье лето мы вскопали пустырь. Участок размером с футбольное поле одолели быстро, за неделю. Работа привычная — дома огороды по пятьдесят соток копали. Да и ребят работало много. В октябре пошли дожди, но участок стоял пустым — говорили, что не достали саженцев.

Наша Надежда Петровна в накинутом на плечи пуховом платке с грустью иногда смотрела сквозь покрытое каплями дождя окно, потом переводила взгляд на нас. В школе не топили. Мы сидели одетые: кто в телогрейке, кто в пальтишке, сшитом на вырост из шинельного сукна. Помнится, что не только учительнице, но и нам было не по себе из-за этих саженцев, которые так и не смогли достать.

Не помню, кому это пришло в голову, но предложение всем понравилось: набрать семечек из яблок и самим вырастить саженцы. Теперь после занятий мы, подростки, отправлялись на железнодорожный путь. Это место выручало нас и раньше — то корку хлеба находили, то банку с остатками консервов, а теперь мы поднимали с насыпи и шпал огрызки яблок, выковыривали семечки и сыпали в мою, привезенную отцом с фронта, офицерскую сумку. Наши ежедневные походы принесли успех — уже через несколько дней сумка наполнилась почти доверху.

Перед уроком биологии мы высыпали семечки на учительский стол. Горка коричневых блестящих зернышек была видна всему классу, даже с задних мест. Вошла Надежда Петровна. Поздоровалась, потом еще что-то хотела сказать, но перевела взгляд на стол и замолчала. Медленно подошла к столу, опустила ладони в вулканчик из семян и осторожно зачерпнула. Освещенные скупым октябрьским солнцем, между пальцами учительницы заструились тонкие золотистые ручейки из зернышек...

Спустя несколько лет, когда я закончила школу и работал на заводе, Надежда Петровна рассказала мне, что семена мы принесли в школу как раз в день ее пятидесятилетия. Мы не знали о ее юбилее, все получилось случайно. Тогда время было такое, не до юбилеев...

Саженцы мы вырастили, вместе с Надеждой Петровной и директором посадили на участке, поливали, прививали. А совсем недавно довелось увидеть сад, посаженный нами. К школе пристроили второй этаж, окружили домами, но сад сохранился. Я смотрел на грустные кроны яблонь с толстыми шероховатыми стволами. Кое-где висели красные, желтые, зеленые плоды — сплошная разносортница. Вспомнилась Надежда Петровна в накинутом на плечи платке и сыпавшиеся из ее ладоней яблочные семечки, которые мы принесли в кожаной сумке...

ИНСПЕКТОР

ы, мальчишки, учась в школе сразу после войны, испытывали известные лишения. Учебников не доставало, да и те были старые, заляпанные чернилами, тетради выдавали по мизерной норме, каждое перо — на учете. Наш первый класс, самый многочисленный (что-то около пятидесяти мальчишек и девчонок), занимал тесную комнату на первом этаже деревянного двухэтажного дома, покрашенного желтой краской еще, наверное, в довоенное время. Сидели за полуразбитыми партами по трое, перья макали в чернильницы-непроливайки, которых тоже не хватало.

Однажды в классе случилось чрезвычайное происшествие: у кого-то из девчонок пропала ручка. Обыкновенная, какие у всех учеников были в то время: деревянная, тоненькая, с блестящим металлическим концом и пером, с выдавленной на его поверхности пятиконечной звездочкой и номером II.

— Еще раз проверь сумку, не завалилась ли куда, — советовала учительница Валентина Николаевна.

Пострадавшая ученица вытащила серый сатиновый мешочек размером с тетрадку и фиолетовыми чернильными пятнами по бокам и матерчатой ляжкой для ношения через плечо, вытряхнула из него книжку и тетрадки на парту, потом для убедительности вывернула наизнанку. Злополучной ручки не было.

— В парте посмотри внимательно, может быть туда положила, — наставляла учительница.

— Искала уже, — обиженным голосом проямлила

девочка, всхлипывая и размазывая слезы по лицу запачканными чернилами ручонками.

— Ребята, поищите у себя в партах, сумках, не попала ли туда ручка случайно, — настаивала наша учительница.

Мои соседки по парте принялись усердно копаться в сшитых матерями полотняных сумках, я тоже проверил все отделения и карманчики в моей гордости — офицерской сумке, подаренной отцом.

Но ручка не отыскивалась.

— Не могла же она сквозь землю провалиться, — посетовала Валентина Николаевна, а потом высказала свое сомнение, — а не украл ли кто ручку? Если такое случилось, то признайтесь, положите ее вот сюда, на стол, никакого наказания не будет.

Класс притих, но и это предложение не дало положительного результата...

И тут в класс вошел инспектор, он нас часто посещал. Мы его боялись, и всегда с опаской поглядывали на дверь того загадочного кабинета с обитой железом дверью, где он сидел. Был инспектор строг и недоступен, что подчеркивал и его внешний вид: скрипучие хромовые сапоги, галифе и гимнастерка мышино-зеленого цвета с большими накладными карманами. Объемистый живот покоился на кожаном ремне с латунной пряжкой в виде звезды. Носил он модные в то время, как у вождя, усы, был немногословен и частенько надирал нам уши за то, что бегали по коридору на перемене или за то, что не поприветствовали его. За разбитое в школе стекло или за пролитые на пол чернила по его воле полагалось приходиться на занятия с родителями...

— Почему урок не ведете? — обратился он к Валентине Николаевне. Она рассказала о случившемся. Инспектор обвел холодным взглядом класс и отдал команду. Громко и четко:

— Встать!

Застучали падающие крышки парт, мы быстро поднялись и, вобрав головы в плечи, стояли не шелохнувшись. В мертвой тишине пронзительно жужжала отчаянно бившаяся в стекло муха.

— Будете стоять до тех пор, пока злоумышленник добровольно не отдаст сворованное, — отчеканил инспектор.

Съежившись, переминаясь с ноги на ногу, мы выполняли

команду. Прозвенел звонок на перемену, но он нас не отпускал. Потом разозлился окончательно и стал отдавать новые команды:

— Встать, сесть, встать, сесть...

По мере того, как мы осваивали эти нехитрые движения, темп команды учащался. Вконец выйдя из себя, он закричал:

— Верните ручку, не заставляйте обыскивать вас!

Наша Валентина Николаевна стояла в каком-то оцепенении, потом подбежала к инспектору и что-то сказала ему скороговоркой и прямо в ухо. Мы не услышали сказанного, но увидели, как инспектор развернулся на каблучке и, громко хлопнув дверью, пулей вылетел из класса. Мы от радости захохотали ему вслед.

— Садитесь, ребята, — со слезами на глазах сказала Валентина Николаевна и сама села.

А тут и финал этой истории наступил. Девчущка, потерявшая ручку, как крикнет из-под парты:

— Нашлась, она под парту закатилась...

Мы были отпущены на перемену и побежали гонять мяч, сделанный из тряпок.

...Когда я стал взрослым, то рассказал этот случай отцу, и в разговоре узнал от него, что инспектор служил в войну в «органах», и мне стало ясно, почему он муштровал нас.

Спустя много лет эта история имела продолжение. Это произошло не так давно на вокзале, куда я пошел в обеденный перерыв купить сигарет. На перроне увидел следующее. Из поезда перегружали заключенных в машину, стоящую задом, почти вплотную, к зарешеченному вагону. Место оцепили черноволосые солдаты с автоматами наизготовку и послушными овчарками. Прозвучала команда, по короткому трапу из вагона в машину стали перебегать бритоголовые молодые люди с обострившимися скулами. Залаяли собаки. «Зэки, зэки», — заволновались мальчишки, окружившие оцепление.

Почти рядом с собой я увидел ветхого седого старичка в сапогах, длиннополом плаще и зеленом картузе военного покроя. В нем я узнал нашего школьного инспектора. Расправив грудь и усы, он внимательно, по-хозяйски наблюдал за происходящим. Глаза его живо, по-молодецки блестя.

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

сень в том году была дождливой. Свеклоборочные комбайны буксовали в черной слякоти, поэтому свеклу подпахивали и убирали вручную. У проходной по утрам толпились тепло одетые люди, сигналили автобусы и машины, хлопотали руководители завода.

Под руководством профгруппорга Василия Петровича группа заводских шефов прибыла в колхоз «Рассвет». Быстро разобрали распаханную грядку, и пошла нехитрая, но утомительная работа. От согнутых фигурок людей летели, шурша густыми листьями, корнеплоды. Кучки множились, и к полудню больше половины участка было пройдено.

«Если так и дальше дело пойдет, — подумал Василий Петрович, — то после обеда останется часа на два работы». А это значило, что на всей отведенной цеху площади свекла будет выкопана из земли, останется с корнеплодов срезать ботву, а погрузку сделает машина. На душе становилось легче — уж больно надоело неделями копать в грязи, часто под дождем и пронзительным ветром.

Обедали в колхозной столовой, разместившейся в домике сборной конструкции, небольшой, но уютной, даже с тюлевыми занавесками на окнах. Правда, они были засижены мухами, но в страдную пору в колхозе не до занавесок. На столах горой высился душистый аппетитный хлеб, испеченный в прославленной на весь район Навесненской сельской пекарне. От наваристого, дымящегося борща, густо заправ-

ленного перцем, по всему телу приятно разливалось блаженное тепло...

К трем часам с участком было покончено, и шефы начали усаживаться в автобус, собираясь в дорогу. Некоторые мужчины сбились по кучкам и начали «соображать» на посешок. Но тут к автобусу подкатил старенький «уазик», из которого выпрыгнул молодой подвижный человек в синей куртке и залепленных грязью кирзовых сапогах.

Василий Петрович знал его. Это был сын его товарища Ивана, с которым вместе росли, вместе работали до войны в колхозе подростками, потом занимались в райцентре на курсах механизаторов. А когда наши освободили деревню от немцев, сразу обоих взяли на фронт. Воевали в разных частях, но оба в танковых войсках. Пришли с войны и вместе пахали на лошадях землю. Только в сорок седьмом разлучились — Василий уехал из деревни и устроился на строящийся в пяти километрах от города завод, а Иван землю не бросил, старался и дорос до бригадира. Однако судьба обошлась с ним жестоко: на фронте не царапнуло ни разу, а в родной деревне по неосторожности попал под трактор в горячую пору посевной и погиб, оставив жене единственного сына с русыми волосами и такого же голубоглазого, как Иван. Мальчонка вырос, после десятилетки отслужил на флоте, закончил сельхозинститут, вернулся к матери в свою деревню. И вот теперь — председатель.

— Закончили, Владимир Иванович, — стараясь показать окружающим, что хоть они и земляки, но общаются без панибратства, обратился к нему Василий Петрович.

Председатель посмотрел на него, но отвел глаза и ничего не ответил. Но лицо его показывало волнение и озабоченность, чувствовалось, что он хочет завести какой-то разговор и думает, с чего начать.

— Понимаете, уважаемые шефы, — собравшись, наконец, с мыслями, начал он, — только что получил телефонограмму: ожидается крепкий мороз, а у нас еще не все убрано...

— Раньше нужно было шевелиться, а не ждать «белых мух». А то что получается: мы в колхоз, а колхозники нам навстречу — на базар, — быстро нашелся кто-то из горожан.

Потом все загалдели, высказывая недовольство и бросая косые взгляды в сторону председателя.

— Вы правы. Но обидно, что неубранным осталось единственное поле, небольшое совсем...

— Не уговаривай, тебе перед райкомом отчитываться, вот ты и заегозился, а мы свою свеклу убрали...

Мнения шефов разделились, веселая до встречи с председателем молодежь поутихла, никому не хотелось покидать теплый автобус, но Василий Петрович настоял и поехал смотреть участок.

Поле, зажатое между лесополосами, насквозь продувал жгучий ветер, который дул с севера и клонил к земле листья на грядках. Шофер автобуса торопил:

— Вы что, мужики, сдурели совсем, скоро темнеть начнет, при фонарях убирать будете? Ха-ха.

Председатель, стиснув зубы, молчал. Он начинал понимать, что контакт с уставшими людьми теряется, еще мгновение — и не останется у поля людей. Лишь автобус белый дымок на прощанье из глушителей выпустит. И будет стоять он один-одинешенек на краю неубранного свекловичного поля, на котором погиб его отец. Что делать дальше — он не знал. Оставалось одно...

Он встал на грядку, с ожесточением выдергивая корни из земли и бросая их в кучку. Василию Петровичу стало жалко его, он присоединился к председателю. Вскоре и остальные раскачались, рассыпались по полю. Первые метры давались с трудом. Ныло в спине и руки не слушались от усталости. Но потом организм «разломался», и дело пошло веселее. Даже шофер с изрядным животиком вылез из теплой кабины и начал помогать отстающим.

Женщины сначала «гудели», но потом «отошли», даже подшучивать начали над председателем:

— Шел бы по своим делам. Поди жена дома молодая, соскучилась...

Он улыбался:

— Не беда, вот закончим уборку, тогда и жене уделим внимание...

Завершали уже в темноте, когда морозец схватил ледком лужи и пошел косой, обжигающий лицо снег.

МЕТЕОРОЛОГ

опутчик был разговорчив. Не прошло и пяти минут, как рассказал, что работает в управлении сельского хозяйства и еле-еле вырвался в отпуск подлечить сердце и нервы в доме отдыха. За окном вагона мелькали поля с ранним снежком на стерне, чернели просторы опустевших свекловичных плантаций. В холодном вагоне было уютно.

— Зябко, — поежился я, — морозы синоптики обещают, видно, зима скоро...

— А я после одного случая отношусь к прогнозам с большим недоверием, — ухмыльнулся сосед. И под спешащий стук колес повел свой рассказ:

— Помнишь прошлогоднюю осень? В сентябре заглодало внезапно, а тут еще телефонограмма пришла тревожная. Дескать, спешите, земледельцы, скорее убирайте свеклу, крепкие морозы ожидаются. Собрали в райкоме специалистов, председателей. Первый дал указание строгое: не медля ни часа выводить на поля всю свеклоуборочную технику. Некоторые возражали: что толку убирать — корни сахаристость еще не набрали. Но первый многозначительно показал пальцем в потолок. Все поняли — указание свыше.

Меня ответственным назначили в «Весну», километров пятнадцать от райцентра. Заседание было в субботу, в воскресенье в колхоз выехал. Ехал и думал: хватило ли времени председателю Агаркову на подготовку? Мужик он исполнительный, правда, иногда ершится, все печется о

какой-то самостоятельности. В общем, километра два не доехал до усадьбы, вижу: один комбайнишка в поле ворочается, еле ползает, никакого накала. Останавливаю, подзываю комбайнера:

— Почему один?

— А почем мне знать, послали — вот и работаю.

Накаляюсь, еду в правление. Там мужики сигарки курят и байки рассказывают. Говорят: был хозяин, ушел. Куда — не ведают. Ну, думаю, разыщу — «бока наломаю». Подъезжаю к председательскому дому, смотрю, а он — ни стыда ни совести — деревья около собственного особняка сажает.

— Значит, елочки в землю тыкаешь, такой-сякой, — распаляюсь, — почему свеклу не убираешь? Тебе что, ни райком, ни обком не указ? Забыл тот год, когда из земли ее топорами вырубали? Прогноз научный игнорируешь?

Отчитываю его, а у него и жилка на лице не дернулась. Закурил, дым выпустил колечками и отвечает мне:

— К дельным советам всегда прислушиваюсь, выполнять стараюсь, а что касается прогноза, учен уже, не раз он подводил. Успокойся, у нас свой прогноз есть, — заулыбался Петр Семенович, — и морозов ранних он не обещает и тем более — крепких. А коли так, пусть свекла сахарку наберет, тогда и всеми силами набросимся на нее.

Разбудил во мне председатель еще большее зло, наговорил ему всякое: профессионализм потерял, ответственность, политическую зрелость, шарлатанов слушаешь...

А Агарков спокоен, как айсберг, говорит:

— Поедем к моему метеорологу, он меня не подводил. Сам с ним поговоришь.

Хотел в «уазик» прыгнуть и к первому сразу — нажаловаться на преда за самоуправство. Но успокоился, передумал. Едем на край села, останавливаемся у старенькой хатки с березкой и заросшим садом. Сидит ветхий дед на завалинке. В валенках, замызганной телогреечке, шапчонке с вытертым кожаным верхом, у которой одно ухо на небо смотрит, а другое — на землю. Самокрутку покуривает, не спеша дымок синий пускает. У меня внутри опять закипело. «Вот кто сельский смутьян», — думаю.

— Это что же ты, дедушка, мутишь голову председателю,

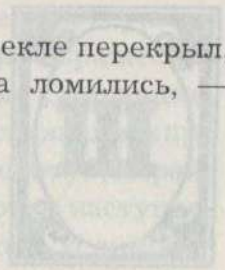
что зимы ранней не будет? Он на твою удочку клюет и план уборки свеклы преднамеренно заваливает. Как все это понимать прикажешь? Изволь, дорогой дедуля, объяснить.

— А чего объяснять-то. И так ясно: зима нынче не скоро соберется, а осень будет сухая, — сдвинув шапку на макушку и обнажив белый лоб, отвечает дедок.

— Это по каким таким признакам, милый предсказатель, ты ориентируешься? — не остываю я.

— Э-э-э, сынок, признак наш очень простой, жизненный. Нынешним летом ласточка два выводка делала. Она — не дура. Не станет выводить птенцов на гибель от морозов. В ноябре, не раньше морозы начнутся...

— В тот год колхоз «Весна» и план по свекле перекрыл, и с деньгами был, и кладовые от сахара ломились, — закончил рассказ мой попутчик.

ЁЛКА КУЗЬМЫ

офер Кузьма Стрельников спешил завидно вернуться домой. Вчера вечером председатель заскочил к нему и попросил срочно смотаться в областной центр на базу, привезти силосоуборочный комбайн. Их продавали по дешевой цене и он опасался, как бы его не перехватили. Девчатам со склада конфет коробку купил, а грузчикам дал на бутылку и моментально все уладил.

Вот и везет Кузьма комбайн домой. Лишь изредка остановится, посмотрит, не оборвалась ли проволока, которой увязан груз. Но все нормально. Хоть и умаялся, но радостно на душе. Уже и райцентр миновал, где делал остановку: колбасы в мясокомбинатовском магазине трех сортов купил, хлеба разного целый мешок для себя и для соседей, а в культмаге облюбовал серебристую звезду для внука — украсить новогоднюю елку. Внуку осталось сделать главный подарок, и Кузьма все спланировал заранее. Остановился около лесочка, который называли Ямник, взял из-под сиденья топор и направился в рощу. Все здесь знакомо: каждый кустик, каждый овражек. Укутанные снегом, на опушке рядком красовались молоденькие ели. Подошел к самой стройной — ветви ровные, пушистые, с какой стороны ни посмотришь — красавица.

— Хороша! На макушку звезду пристрою, — улыбаясь, размышлял он вслух. Откинув ногой снег из-под ствола, встал поудобнее и замахнулся что есть силы топором,

стараясь попасть пониже. Но тут что-то екнуло в груди, перед глазами поплыли красные круги, топор выскользнул из рук и, описав дугу, утонул в снег. Тело Кузьмы надломилось, и он медленно осел в снежный сугроб.

Очнулся от холода, обжигавшего мокрое от пота лицо и дрожащие скрюченные руки. Приходя в себя, повернулся навзничь. Сквозь еловые ветви просматривалось далекое небо, легкий ветерок сдувал с дерева пылинки инея. Попытался встать, но в груди снова заломило.

«Отлежусь, все как рукой снимет, — успокаивал себя Кузьма, — видно, старость пришла проклятая». Вспомнилось, что вот так же, как и сегодня, в этом же лесу, упал в снег зимой сорок второго. Но тогда его повалила вражеская пуля. Молодой был, быстро затянулась рана. Семнадцать тогда ему летом сорок первого стукнуло. Ушел с нашими при отступлении. Года прибавил, зачислили в пехоту. Из райцентра под новый год немцев прогнали, но потом наступление остановилось, и завязли солдаты в обороне. И зимой, и летом. А в июле бои страшные прокатились, много ребят полегло — полные возы грузили...

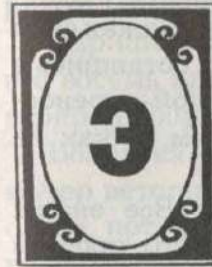
Вспомнилось, как после войны на полуторке из питомника саженцы возил для лесозащитных полос. И эти елки он возил, а бабы колхозные сажали и ученики из школы. Всех выгоняли на посадку, планы были большие. Тогда из деревни всем хотелось в город уйти, в колхозе ничего не платили, за палочки работали. Паспорт трудно было получить, на какие уловки только ни шли: и вербовались, и сельсоветовских умасливали, и через родственные связи с начальством действовали. У Кузьмы родственников видных не было, а унижаться — не в его характере...

Приехал домой, когда уже стемнело, его покачивало. О происшедшем в лесу ничего не сказал. Внуку, ожидавшему елку, ответил: «Посадим, внучек, елку прямо у дома — наряжать будешь. А сегодня нет елки».

Это был последний дальний рейс Кузьмы, вскоре он слег, лекарства не помогали. Как только стаял снег, попросил сына Владимира выкопать саженец ели и, найдя в себе силы, посадил его перед домом. Летом Кузьмы не стало...

Теперь внук Сергей после восьмилетки поступил в техникум, живет в городе на квартире, и каждый раз спешит в родное село на новый год, приезжают и другие родственники. Перед домом выросла елка, посаженная Кузьмой, метра на три за десять лет вымахала. Стройная, нисколько не хуже той, которую он хотел срубить в лесу, а может быть еще и красивее.

АВАРИЯ

то случилось во вторую смену. Станок вздрогнул, внутри что-то загремело, затрещало, и, как всегда в таких случаях, все повернули головы на этот звук. Токарь рванулся к красной кнопке и все стихло.

— Пропал план, — сокрушался прибывший мастер, — теперь голову снимут. И, скажи ты, в прошлый раз сломался в конце месяца, когда дел невпроворот, и сейчас — тоже.

Пришел дежурный слесарь-ремонтник Володька, походил вокруг станка, снял кожух, поковырялся во внутренностях механизма, подумал и заявил:

— Один я ничего не сделаю.

Мастер послал его за бригадиром слесарей:

— Иди в клуб, вызовешь Петровича.

Накануне дня машиностроителя там проходило торжественное собрание.

Володька посмотрел на часы — половина восьмого — и с неохотой направился в клуб. Чувствовал: срывается задуманное. Он еще днем втайне решил: «Побуду в цехе до перерыва, до восьми, а потом — на дискотеку. Покажусь в конце смены в цехе и — домой». Путала все его планы эта злополучная авария.

В фойе было пусто. Он хотел приоткрыть дверь в зал, и только тут сообразил, что можно и не вызывать Петровича: «Скажу мастеру, что нет его в клубе, да и все. И тогда — потанцуем».

Но в это время дверь кто-то открыл изнутри, наверное,

душно стало, и он увидел президиум на сцене, выступающего директора завода с трибуны и затылки сидящих в зале. Володька услышал, что директор произнес фамилию Петровича. Из первых рядов встал худощавый сутуловатый человек, поднялся на сцену, оркестр заиграл туш, и директор прикрепил значок к лацкану его пиджака.

В цех шли вместе. Володька пытался остаться в клубе, но Петрович, узнав, что сломался восьмишпиндельный, усмехнулся:

— С бала — на корабль.

И предупредил:

— Пойдем, помогать будешь.

Переодеваться Петрович не стал — спешил, пиджак снял и повесил на какой-то крючок прямо у станка, оставшись в клетчатой рубашке. Володьку послал за лампой-переноской, которая осветила сломавшийся механизм, и как на ладони все стало видно.

Без станка никак нельзя было обойтись. Все знали: восьмишпиндельный «тянет» план завода и его простой недопустим. В разговорах никто не упоминал об этом — и так было ясно.

На аварию пришел начальник цеха, из дома вызвали механика. Люди склонились над испорченным механизмом, давали советы. Володька молчал. Ничего он не мог сказать, тем более посоветовать. Три месяца прошло, как пришел из техучилища на завод, а там такой станок не изучали, больше нажимали на теорию. Да и дни практики пропускал — в цехе не требовали и мастера производственного обучения помалкивали.

Наконец «консилиум» решил, как быстрее устранить последствия аварии.

Володька начинал понимать, что теперь ему не отвертеться и пропала дискотека. В сердцах он изо всей силы стучал массивным молотком по концу вала, пытаясь освободить его. Работа продвигалась медленно. Вторая смена закончилась, свет в цехе погасили, только над сломанным станком горели светильники, высвечивая его чрево и сгрудившихся рабочих. Прямо как в операционной.

Уже был первый час ночи и Володьке нестерпимо захотелось домой.

— Скоро закончим? — спросил он у Петровича.

— До утра должны кончить. Если спешишь, то иди. Тебе нет восемнадцати, держать не имеем права.

— Да нет. Это я просто так...

Неудобно было уходить Володьке: «Посчитают за малолетку, подумают испугался».

Наконец добрались до сломанной шестерни и сняли ее. Механик приготовил запасную.

Петрович достал «Приму», закурил. Закурил и Володька. Ему стало хорошо от того, что можно передохнуть. А может быть еще и потому, что работа идет своим чередом, что рядом Петрович и что скоро все будет закончено.

...Пришедший в первую смену токарь включил станок, и все восемь шпинделей нехотя тронулись с места и, весело набирая обороты, зажужжали шмелями.

Володька собрал инструмент в ящичек и аккуратно вытер ветошью замасленные руки. Петрович сделал то же самое, потом надел пиджак со значком, который приколот вчера директор. Они не спеша, по-хозяйски, пошли плечом к плечу по пронизанному солнечными лучами главному пролету цеха. Чуть прихрамывающий Петрович и Володька — уставший, но довольный.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Москву Сергей ехал второй раз. Автобус на подъемах надрывно гудел, а по ровной дороге катился плавно, с легким шумом. Он был доволен, что едет в мягком кресле в этом стеклянном красавце.

Сначала за окном мелькала сырая после недавно стаявшего снега степь с редкими деревьями, а потом, уже под Тулой, начались леса, к снегу в которых тепло еще не подобралось.

«В Третьяковку сразу пойду, — мечтательно размышлял Сергей, — на выставку, в театр... Жаль, футбольный сезон не открылся».

Посетить знаменитые места столицы ему хотелось еще после первого мимолетного пребывания здесь в позапрошлом году во время службы в армии, когда возили на экскурсию. Особенно — Третьяковку. Сам рисовал, хотел поступить после школы в художественное училище, но по конкурсу не прошел.

Готовился к поездке с осени, когда рассказал о своем желании заведующему мастерскими, на что получил ответ ясный и простой:

— Отремонтируешь комбайн, трактор подготовишь к посевной и тогда — хоть на все четыре стороны.

С ремонтом он спешил. Однако свой свеклоуборочный комбайн сделал на совесть: простукал, прослушал, перебрал, промазал. Хуже дело с трактором. Его пришлось гнать в районные мастерские и ремонтировать вместе с бригадой штатных слесарей. Городские ребята халтурили — ставили

изношенные детали, им все побыстрее да побыстрее. Споры возникали, тем более частенько штатники под хмельком были. Но и на тракторе Сергей доехал до машинного двора из города своим ходом.

Когда обе его машины стояли на линейке готовности, председатель напутствовал:

— Приедешь расскажешь, как там в Москве. Да к посевной смотри не опоздай, она, верно, через пару недель начнется.

Председатель у них был свой, как говорят, доморощенный. До него сменились — куча. Приедут, наговорят красивых слов, обогатятся — и поминай как звали. А один был — напьется, сядет верхом на лошадь, кнут в руку и пошел гонять по дорогам — словно мальчишка. Еле-еле выперли — начальство поддерживало. А свой выступает коряво, но по делу. Работящий, прикипевший к земле человек. Образование высшее, но любую работу покажет своими руками. И зарабатывать стали прилично, и пьяных не видно по селу...

Приехал Сергей в Москву вечером, остановился у бабушкиной сестры, уехавшей в столицу еще до войны. С десятого этажа ее квартирки открылась широкая панорама: кубики домов с огнями до самого горизонта, игла Останкинской башни, тоже вся в огнях.

Наконец, он в знаменитой на весь мир Третьяковской галерее. Экскурсовод с маленькой указочкой показывает картины, рассказывает, кто их написал. Репин, Суриков, Шишкин, Куинджи... Эти имена Сергей знал и раньше, а теперь увидел работы художников воочию. «Бурлаки на Волге», «Рожь», «Утро стрелецкой казни». Кругом — русская земля, близкая, дорогая...

А эту картину Сергей видел еще в школьном учебнике — «Саврасов. Грачи прилетели».

Ничего как будто и нет в ней особенного, но сильно напоминало изображенное на картине родное село Михайловское. Церковь очень похожа. Когда-то в ней размещалась колхозная мастерская, а теперь построили новую по типовому проекту, а божий храм реставрируют. И деревца на переднем плане похожи, тоже с гнездами. Даже гомон грачей причудился Сергею с картины. Экскурсовод увела

группу в следующий зал, а он стоял и мечтал. Один, только сторожиха дремала в уголке.

Заскучал, загрустил после посещения картинной галереи Сергей: как там в мастерской, управляются ли перед севом? У лучшего друга Кольки Бородина с трактором не ладилось. Да и председатель предупреждал, чтобы не опаздывал. А как там дома мать одна управляется с хозяйством?

Спал беспокойно, встал рано. Весеннее солнце заливало комнату светом. Смотреть на улицу можно было лишь прищурившись. Когда-то здесь на месте микрорайона стояла деревня. Тополя с гнездами сохранились, и около них хлопотали грачи.

Сергей заспешил в дорогу.

— Три денька погостил и уже засобирался. Или что не так? — спросила бабушкина сестра.

— Все нормально, бабуля, спасибо вам. Как-нибудь еще приеду. Грачи уже прилетели.

Он показал жестом за окно, где на побуревшем снегу под тополями просматривались грачиные следы и важно расхаживали весенние птицы. Они брали веточки в клюв и поднимали их в пустовавшие всю зиму гнезда.

В НЕЗНАКОМОМ ГОРОДЕ

командировку Николай выехал неожиданно. В понедельник вызвал начальник отдела:

— Сейчас звонил Сажин — заболел. В Будайск придется ехать вам.

Сажин работал руководителем группы и отвечал за всю тему, Николай разрабатывал нестандартное оборудование. Проект предусматривал реконструкцию литейного цеха Будайского машзавода. Работа завершалась, оставалось согласовать чертежи, собрать необходимые подписи. Ехать не хотелось, но задание нужно выполнять.

По карте до этого городка было пятьсот километров, но дорога оказалась долгой — две пересадки на небольших станциях, ожидания поездов.

Из заснеженной, ровной, как стол, степи поезд ворвался в городок неожиданно. Уже смеркалось, но еще различались станционные строения, просматривался шпиль вокзала, увенчанный звездой в колосьях.

С первого взгляда городок показался Николаю неприветливым — вокзальный буфет был закрыт, столовую искать он не стал. По плохо освещенной пристанционной улочке добрался до гостиницы.

Наутро события разворачивались, как и обычно в таких командировках. На совещании по представленному проекту заводчане сделали несущественные замечания. Исправления Николай вносил прямо на заводе. В пятницу все недочеты устранил, подписи на документах получил. Оста-

валось протокол утвердить главному инженеру, но того на месте не оказалось — уехал на какое-то совещание. Его заместитель поставить подпись отказался:

— Ждите главного до понедельника. Отдохнете, с нашим городом познакомитесь.

«За два часа вдоль и поперек можно исходить ваш город», — подумал Николай и с сожалением вспомнил о намечаемой в воскресенье дома лыжной прогулке — сорвалась. Вместо настоящего отдыха — пустое топтание.

В субботу, чтобы убить время, пошел на прогулку. По мере удаления от гостиницы городской пейзаж менялся. Двух- и трехэтажные строения кончились, пошли одноэтажные домики с нависающими над тротуаром тонкими ветвями вишен. Шел назад по противоположной стороне улицы. Здание гостиницы просматривалось хорошо. Из красного кирпича, по центру — невысокая башенка с круглым оконцем, над которым белым кирпичом выложен год постройки — 1940.

«Одногодок», — подумал он и заметил: стена вокруг высоких окон была иссечена оспинами от пуль и осколков. По мере удаления от оконных проемов количество выбоин уменьшалось...

Николай не помнил подробности военного времени, но день победы в памяти его остался. Он тогда жил в селе у бабушки. Секретарь сельсовета бежала по улице с какой-то бумажкой и кричала:

— Война кончилась, война кончилась!

У каменной школы собрались старики и молодые, радовались, плакали, пели песни. Потом стали приходить с железнодорожной станции мужчины. В вылинявших гимнастерках, с жиденькими вещмешками за спиной. Мальчишки встречали их за околицей. Отца Николай так и не встретил, а бабушка утирала слезы и рассказывала, что отца убили на фронте.

...За гостиницей показалась покатаая площадь, на самой возвышенной части которой красовалось белое сооружение с колоннами — Дворец машиностроителей. Вывеска гласила, что здесь же размещается краеведческий музей.

Он забрел сюда. Экспонатов мало, но экскурсовод оказалась разговорчивой:

— Работаю здесь в свободное время, а основное мое занятие — учитель истории в школе. Постоянные посетители — учителя, ученики. Рады вам, чувствуется: вы приезжий...

Музейные предметы относились к делам горожан: старый телеграф времен гражданской войны, плуги, изготовленные будайцами еще до революции, часть крыла самолета с рваными краями...

Взгляд Николая заскользил по фотографиям. На одной из них он узнал гостиницу: та же башенка, те же цифры 1940, те же выбоины на стенах. Только окна зияли пустотой. На башенке развевался флаг, а на ступеньках входа группа улыбающихся военных. «Они первыми ворвались в город и водрузили знамя освобождения», — прочитал он под фотографией. Далее следовал список этих первых: рядовой Кузьмин, лейтенант Радзиевский, сержант Сеницын...

«Однофамилец», — подумал Николай и остановил взгляд на лице сержанта.

Его словно током пронзило, голова закружилась, в груди сдавило.

— Отец, — прошептал он, и чем дальше стоял у снимка, тем больше убеждался, что не ошибается. Очень похожи были сын и отец. Только Сеницын-отец выглядел тогда, в сорок третьем совсем мальчишкой. Курносый, с выгоревшими белесыми бровями. Лицо улыбочное. На кармане гимнастерки белел кружок медали...

Из шока его вывела работница музея:

— Интересная фотография, не правда ли? Радзиевский принес, вместе с воспоминаниями.

Николай попросил его записи, стал с жадностью искать подробности об отце. «...Третий слева — Петя Сеницын из Орловской области, хороший разведчик был, погиб в сорок третьем...» — прочитал он...

Возвращался Николай в гостиницу вновь через покатуую площадь мимо четырехэтажных домов. Раскрасневшиеся на морозе дети гоняли шайбу на улице, какая-то молодая пара шла обнявшись, прохожие спешили кто куда.

Город уже не казался ему таким чужим и неприветливым, каким он считал его до сих пор.

ЕВСЕИЧ

ва сына у Евсеича — Михаил и Виктор — и оба живут в Москве. Михаил закончил институт международных отношений, после чего приходили от него в деревню письма в узких конвертах с заморскими марками. Теперь он работает в здании с гербом на фасаде, в «высотке», как говорит сын. Евсеич знает, что работа у него важная, государственная и гордится этим. Виктор — токарь на заводе. Попал в столицу случайно. Жил в городе, в заводском микрорайоне. Послали в командировку выручать родственное предприятие — там план важный «горел». Станок дали новый, старался. В общежитие после смены идти не хотелось, скучно без дела там — задерживался на заводе, по три нормы выгонял. Начальник цеха предложил остаться, ходил к директору, выхлопотал комнату в общежитии, и переехал Виктор вместе с женой и дочуркой в Москву. Уже десяток лет живет там.

...Поднялся Евсеич нынче, как только заговорило радио, позавтракал наскоро и — в гараж. Снег от ворот еще вчера отгреб, чтобы сегодня хлопот меньше было. Быстро подготовил свой «Запорожец» и хотел было нажать на газ.

— Ты, дед, совсем склеротиком стал, — подбежала жена, — деньги-то забыл.

— Елки зеленые, да как же это я, — виновато закачал головой Евсеич.

Жена высыпала в карман полущубка горсть монет — специально ходил вчера в сельмаг, наменял там.

Дорога до города расчищена от снега, только местами намело косяки. По бокам — снежные валы, едешь, как в тоннеле, ничего не видно, кроме телеграфных столбов. Лишь на спусках через овраги откроется на миг заснеженное поле. Иногда приходится обгонять трактора с бочками, которые едут на сахарный завод за бардой.

Знакомая до каждого овражка, столба, переезда дорога. По ней он уезжал с товарищами в армию в сороковом году. Сирень тогда кипела в палисадниках, озорные песни под ливенку разливались по деревне. Не думали-не гадали, что уезжают новобранцы из родного дома надолго, а большинство — навсегда. «Сколько нас призвали той весной? — силится вспомнить Евсеич. Задумывается на минуту-две, а потом сам себе отвечает: — Семерых, а вернулись двое: я и Гаврила Тарасов, покалеченные оба».

Знакомая до боли дорога. Возил он по ней хлеб в заготовку после войны. Бывало, поскрипывают колеса да похрустывают суставы у лошадки-труженицы. Голод был, траву всю поели, лебеду в хлеб добавляли, но не смел он и горстки отсыпать из уложенных в телеге мешков. Нет, не потому, что боялся клейма «вредитель», и не потому, что мог «загреметь на десятку», просто честно жить привык, на чужое не зариться. Привозил на элеватор зерно в полной сохранности, сдавал все до зернышка.

Через час впереди как на ладони открылся город: белокаменная церковь, дома за ней, а слева — корпуса заводов, небольших, но нужных. Проехал по мосту, поднялся в гору, поворот направо, потом — налево, вот и почта. Сюда Евсеич стал частенько ездить после того, как прочитал объявление в районной газете, что установлен телефон-автомат и с его помощью можно связаться с разными городами. Нравится ему ждать очередь в кабину. Сердце волнительно бьется в ожидании разговора по телефону с сыновьями. Да и смотреть на публику страсть интересно. Люди разные: вот усатый человек с ненашенским выговором умоляет: «Девушка, соедини меня срочно». А сам купюру денежную сует. А вот молодушка в джинсах в обтяжку захлопывает за собой дверь кабины и, приложив ладошку к трубке, улыбаясь, разговаривает. Во вторую кабину бабушка вошла, кричит что есть мочи — о внуках печется.

Когда подходит очередь Евсеича, он по-хозяйски входит в кабину, откидывает от стенки стульчик, снимает шапку и не спеша расстегивает полушубок. «Склеротиком» назвала, подсмеивается он над женой, и начинает набирать семизначный номер Михаила, который знает на память.

— Приемная на проводе, — отвечает женский голос в трубке.

— Здравствуйте, барышня! Михаила Петровича прошу.

— Минуточку.

Евсеич смотрит на черный аппарат, озабоченно ждет.

— Орлов слушает, — узнает он твердый голос сына.

— Здравствуй, Миша, — оживляется Евсеич, — как у тебя дела там?

— Доброго здоровья, батя...

И начинается немудреный разговор отца с сыном о делах семейных, о деревенских новостях, о погоде.

— Приедешь погостить-то, сынок? Я тебе валенки сваял, не валенки — дом. Ходить будешь на зимнюю рыбалку. Рыба — с лапоть нынче берется, — зная слабость сына кричит в трубку Евсеич.

— Может быть вырвусь, отец, на денек-другой, а пока не могу — дела.

Евсеич знает: здорово занят сын на работе, но настаивает:

— Год, как не проводывал нас со старухой. Обязательно приезжай с Татьяной и внуками...

Он раскраснелся, распарился, но пора закругляться. В конце разговора отец спохватывается — не сказал чего-то главного, наконец собирается с мыслями, напутствует сына:

— Живи, Мишка, по уму, за нас не волнуйся. Выдюжим!

Потом разговаривает с Виктором. С ним он старается говорить по-простому:

— Витька, бес, забыл нас совсем с бабкой.

— Приедем в августе всей семьей, — обещает сын. — Поговори с председателем, чтобы комбайнером взял недельки на две.

— Поговорю, до августа еще далеко, — отвечает отец.

— А вы, папаня, почему с мамой не навещаетесь? — переходит в наступление сын.

Евсеич ссылается на работу, хозяйство...

Он выходит из телефонной кабины, спускаясь по лестнице, планирует: «А что если набраться смелости да пойти к председателю и отпроситься на недельку. А за меня подежурит Гаврила Тарасов...» Но это только мечты...

Прихрамывая, шагает он к машине, которую поставил напротив почты. Чудится Евсеичу, что на него все смотрят и завидуют, что сыновья у него путевые. И от этого на душе у него становится тепло, спокойно и радостно.

КАЧЕЛИ

споминаю друга детства Кольку. Хороший он был, добрый, нежадный. В сарае возле его дома стояли качели, и он всегда разрешал на них покачаться. Качели — самые простые: к бревну потолка привязаны концы веревки, а внизу дощечка с прорезями по краям, в которые входит веревка.

Время было военное, всего не хватало, и веревка, которая пошла на качели, наверное, пригодилась бы в хозяйстве, но Колькина мать не трогала ее. Может быть потому, что сделал качели муж Владимир перед самым уходом на фронт, и память о нем была дорога, или оттого, что не хотела лишать нас, пацанов, такого удовольствия, как покачаться на качелях.

Как только приду я в сарай, так Колька сразу уступает место на дощечке. Ему самому, конечно, хочется покачаться, но он сядет на скамеечку с железным шпеньком, где отец отбивал косу, и смиренно ждет, пока я покачаюсь. А иногда достанет кремневые камешки, которые он прячет в глубоком кармане штанов с помочами, и высекает искры: вжик-вжик — и вспыхивает оранжевый снопик в сумраке сарая. Раз задумали самолет сделать, похожий на тот, который пролетал над селом. Сбили планки гвоздями и связали лыком, пустили под бугор, а он не полетел, упал в крапиву, так и не достали...

Мирно проходили у нас день за днем. Но однажды вбежала в сарай Колькина мать тетя Валя, плачет, к небу руки вскидывает:

— Сыночек, — причитает, — папка наш... — А потом захлебнулась слезами.

Схватила Кольку, подняла на руки, прижала к себе. Я соскочил с качелей, понял, что не до игры теперь, и домой поплелся. На улице увидел почтальонку тетю Клаву, она от Колькиного дома по грязи потопала.

Но и потом я ходил на качели. Проходило время как и обычно, если не считать того, что мой друг, качаясь, напевал песню:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...

Только полкуплета и все. Получалось у него скучно, тягуче, даже плакать хотелось. Где он научился этой песне? Может от конюха Ильи, который, шатаясь из стороны в сторону на свежеструганной ноге, напоминающей перевернутую бутылку, горланил эту песню? Только у него получалось громко, на всю улицу, а Колька пищал еле-еле, да еще глаза трет кулачком, наверное, отца жалко...

Сразу же после войны Колька с матерью уехали жить в город. Как сейчас помню: сидит мой дружок в телеге, на меня смотрит, и навален скарб разный — табуретки, узлы, ведра, корыто. Я бежал за телегой до самой риги, жалко было расставаться с Колькой, но тетя Валя крикнула, чтобы я домой возвращался, иначе заблужусь. Уехал друг, и качаться стало не на чем, и скука заела, а на сарае появился здоровенный замок...

Два года назад мне неожиданно довелось встретиться с другом детства. Меня послали на комбайновый завод, чтобы договориться и получить запасные части для жаток. Дело не ладилось и нужно было добиваться решения вопроса у руководителя. И этот визит меня чуть в шок не вогнал: директором оказался Колька, теперь — Николай Владимирович. После того, как узнали друг друга, были и крепкие объятия, и воспоминания. По командировке быстро все уладилось, вечером пошли в небольшой ресторанчик в городском парке. Выпили, закусили, поговорили. Вышли на аллею. Под ногами шуршали бело-желтые листья, освещаемые мертвенно-белым светом ртутных светильников, которые и лица делали белыми.

— Эх, дружище! — обнял меня Николай. — Сколько лет пролетело, сколько воды утекло. Прошлое жаль до боли в груди. Трудно было — безотцовщина, жизнь на одну стипендию впроголодь. Когда женился — крохотная комнатуха в общежитии: тут же и белье сушится, и чертежи чертили. А ведь как интересно было: турпоходы, театры, футбол, книги... Сейчас все есть: квартира четырехкомнатная, гарнитур шикарный, машина престижная, а жизнь какая-то бестолковая.

Ну, если тебе обижаться на жизнь, — пытался приободрить я его, — смотри, каких высот достиг, — генеральный!

— Нет! Не то, — крутил головой Николай, — работаю, как ишак, сам себе не принадлежу. Деньги, деньги, только о них и забота. А тут еще коттедж за городом строю... Затеял. Нет у меня жизни настоящей, не такую хочу...

— Брось ты все, Колька, в твоем ли возрасте так жить? Растлевают потихоньку тебя деньги и вещи... Ты хоть книжки читаешь?..

— Милый мой, газеты не каждый день удается прочесть...

Расслабленный и какой-то отрешенный от всего, он переступил бортик металлической лодочки парковых качелей и плюхнулся на скамью. Я тихонько качнул его, тяжелого и притихшего. Под натужный и ржавый скрип качелей он негромко запел песню про ямщика. Мне припомнились наши качели в сарае, и мне тоже стало не по себе.

Приложение

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА ЛИВЕН И РАЙОНА

Ливны. Город как крепость основан в 1586 году для защиты южных границ Русского государства от набегов татар, но известен с 12-го века. Вплоть до 1681 года, когда был заключен мирный договор с Турцией, оставался важным пограничным городом. 7 (20) января 1918 года в городе установлена советская власть. В августе 1918 года стал центром крестьянского восстания на Ливенщине. 2 октября 1919 года в город вошли военные части генерала Деникина, 3 ноября, через месяц, вытеснены частями Красной Армии.

В тридцатых, в особенности в 1937—38 годах, в городе производились расстрелы жертв политических репрессий: в лесу Липовчик казнено 423 человека, в подвалах отделения НКВД — 224 человека. Все они посмертно реабилитированы.

В ноябре 1941 года Ливны на один месяц оккупировали немецко-фашистские захватчики, 25 декабря город был освобожден. Война оставила здесь большие разрушения.

В послевоенное время не только восстановлен, но и приобрел облик современного промышленного города с развитым гидромашиностроением, химической, приборостроительной, пищевой и строительной промышленностью. Значительное развитие получила инфраструктура. Население в настоящее время составляет около 55 тысяч человек.

Ливны — родина выдающегося русского философа, общественного деятеля и богослова С. Н. Булгакова, великого русского актера П. М. Садовского, русского поэта, журналиста и драматурга А. И. Клушина, журналиста, прозаика, драматурга С. И. Турбина, литератора В. Ф. Саводника.

В городе родился известный участник революции 1905 года, расстрелянный по решению суда, А. Ф. Щербаков.

Уроженцами Ливен являются академики Р. В. Хохлов, Л. В. Пустовалов, О. М. Белоцерковский, ученый-физик С. М. Белоцерковский, крупный русский врач Н. Н. Феноменов, художники Н. Д. Лосев, И. М. Проскурин, Е. М. Адамова.

Ливны — родина Героев Советского Союза Н. П. Бочарова и В. Н. Красова, кавалеров трех орденов Славы И. И. Морозова и Н. А. Турбина. Здесь жили астроном Е. В. Быханов, композитор А. С. Аренский, поэт А. М. Жемчужников, вместе с другими писателями образовавший группу под псевдонимом Козьмы Пруткова; учились авиаконструкторы Н. Н. Поликарпов и А. И. Микоян, писатель А. В. Ионов. Ливенское духовное училище закончили известный русский ученый-метеоролог М. Ф. Спасский, христианский философ Е. В. Говоров, известный деятель музыкальной культуры И. С. Тезавровский и другие знаменитые люди.

В Ливнах бывали А. С. Пушкин, А. А. Фет, писатели К. Симонов, Ю. Жуков, С. Наровчатов, М. Луконин, Я. Хелемский, Д. Блынский, политический деятель Л. Д. Троцкий, полководец Г. К. Жуков, военачальник Н. П. Пухов. В конце двадцатых — начале тридцатых годов здесь жил и писал свои произведения видный русский писатель К. Г. Паустовский.

В 18-м веке в городе создана самобытная гармонь — ливенка, получившая большую популярность, но позднее утратившая ее. Второму своему рождению гармонь обязана ливенцам В. И. Занину, самодеятельному артисту, и К. Ф. Кудрявых, мастеру гармоней.

Имеется несколько зданий — памятников архитектуры, среди них церковь Сергия Радонежского, построенная в 1666 году. Установлены памятники Н. Н. Поликарпову, воинам, погибшим в войне 1941—1945 гг., воинам, погибшим в Афганистане. Работает краеведческий музей. Имя города присвоено одному из танкеров Новороссийского морского пароходства.

Алдобаевка. Здесь проживал ханский сборщик дани.

Апушкино. Вблизи располагается урочище «Апушкина гора», еще в 1959 году получившее статус памятника природы. Здесь произрастают реликтовые растения: лапчатка донская, шлемник Хитрово, солонечник узколистый, лук неравный, многие другие.

Барково. Место организации первой на Ливенщине сель-

скохозяйственной коммуны. Теперь — центр коллективного хозяйства, удостоенного в 1939 году ордена «Знак Почета».

Бараново. Родина Героя Советского Союза И. Е. Войнова.

Березовка. Родина Героя Советского Союза А. В. Зуйкова.

Введенское. Школьный музей плешковской игрушки.

Грачев Верх. Родина Александра Печерских, закрывшего под Сталинградом амбразуру вражеского дота своим телом.

Дубровка. Жерновка. Места ожесточенных боев летом 1942 года.

Екатериновка. Вблизи было поселение эпохи бронзы.

Здоровец. Сюда 20 августа 1918 года В. И. Ленин направил телеграмму бойцам Орловского железного полка с указанием о беспощадном подавлении восстания крестьян в Ливенском уезде.

Казанское. Родина Героя Советского Союза А. Е. Бахтина.

Калинино. Здесь родился выдающийся авиаконструктор Н. Н. Поликарпов. Сохранились усадьба, летняя кухня, колодец, остатки церкви, где его крестили.

Ключевка. Древнее городище. По версии здесь были первые Ливны.

Козьминское. Один из центров восстания крестьян в августе 1918 года.

Коротыш (село). Вблизи, на реке Сосне просматриваются остатки древнего поселения. Вотчина писателя А. И. Клушина.

Крутое. Родина Героя Советского Союза В. З. Петрашова. Здесь родился известный партизан войны 1914—1945 гг. И. И. Мартынов. На реке Сосне — обнажения известняков девонской породы.

Костомаровка. Родина кавалера трех орденов Славы И. Х. Репина.

Кунач. Древнее село, вотчина графа Ф. В. Раstopчина, губернатора Москвы, сыгравшего видную роль в войне 1812 года.

Липовчик (урочище). Памятник на месте расстрела граждан во время политических репрессий 1937—1938 гг.

Липовец. Родина Героев Советского Союза М. Н. Павлова и А. И. Кузьмина.

Лютос. Здесь родился известный художник-керамик, заслуженный художник РСФСР П. В. Леонов.

Навесное. Неподалеку, в урочище Кузилинка, сохранилась древняя растительность — участок тырсово-осоковой степи.

Никольское. Неподалеку — древнее селище.

Норовка. Родина местного писателя и журналиста Д. И. Головина.

Ольхов луг. Родина Героя Советского Союза С. А. Бахтина. Вблизи открыто поселение эпохи бронзы.

Паниковец. Родина Героя Советского Союза Д. Г. Редькина.

Плешково. Место зарождения промысла знаменитой плешковской игрушки.

Прилепы. Родина Героя Советского Союза И. К. Никульникова.

Ревякино. Родина Героя Советского Союза И. М. Филипповского.

Редькино. Родина Героя Советского Союза Т. И. Селищева.

Рог. Родина кавалера трех орденов Славы Ф. И. Афонина.

Росстани. Здесь в братской могиле похоронен Герой Советского Союза танкист И. Т. Любушкин.

Сергиевское (Голицино). Родина Героя Советского Союза С. А. Говорова, одного из первых героев Орловщины. Село было вотчиной князя М. Ф. Голицына.

Близ села находится памятник природы — участок дубравы и луговой травы, примечательный тем, что там сохранились редкие растения: ковыль, многолетний лен, миндаль, ломонос.

Сторожевая (Пушкарово). Родина поэта М. А. Беляева.

Теличье. Здесь была слобода татарского сборщика дани Ахмета, имелись мясные склады. Раньше называлась Телячьа, Теляжья.

Троицкое. Родина Героя Советского Союза И. М. Быкова. Известный русский поэт допушкинской эпохи В. П. Петров прожил в селе свои последние годы.

Успенское. Здесь в 1929 году создан один из первых колхозов на Ливенщине. Родина кавалера трех орденов Славы И. А. Козьякова. Древнее городище. Ломки девонского известняка на реке Сосне. В годы войны 1941—1945 гг. находился штаб 13-й армии. Музей «Крестьянский двор».

Шебаново. На левом берегу реки Сосны было поселение 3—5-го веков.

Ямское (урочище). Заповедное место. Многие виды растений, произрастающие здесь, занесены в Красную книгу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алехин А. Д. Когда начинается художник. М., 1994.
Власов В. А. Заступники свободы. Тула, 1991.
Гершберг С. Р. Стаханов и стахановцы. М., 1981.
Горловский историко-революционный музей. Шли дружины в бой. Горловка, 1980.
Зеболов В. А. Брянский фронт. Тула, 1973.
Курский государственный педагогический институт. Хрестоматия по истории Орловского края, выпуск II, Курск, 1975.
Паустовский К. Г. Золотая роза, М. 1983.
Пясецкий Г. М. Исторические очерки города Ливен и его уезда, 1893.
Самаркин В. И. Разгром Деникина под Орлом, Тула, 1969.
Секирин М. К. и др. Через всю войну, М., 1991.
Хргиан А. Х. Михаил Федорович Спасский, М., 1955.
Селитренников Д. П. Мятаж в Ливнах, Тула, 1989.
Сизов П. В. Музыкальная Орловщина, Тула, 1980.
Сизов П. В. Музыкальные были Орла, Тула, 1985.
Чирков Ю. И. А было все так... М., 1991.
- Использованы публикации газет «Известия», «Аргументы и факты», «Орловский вестник», «Центральная Россия», «Вече», «Знамя Ленина», журналов «Огонек», «Техника — молодежи».

СОДЕРЖАНИЕ

I. Землики

Выпускники духовного училища	7
В доме Быханова	13
Путь к возвышенному	18
Их родина — ливенский край	27
Служение людям	32
Царю не поклонился	41
Сын социализма	46
За землю родную	52
Партизан Мартынов	61
Наши золотые звезды	65
Солдатская слава	81
Генералы	88
Поэт из Пушкарово	93

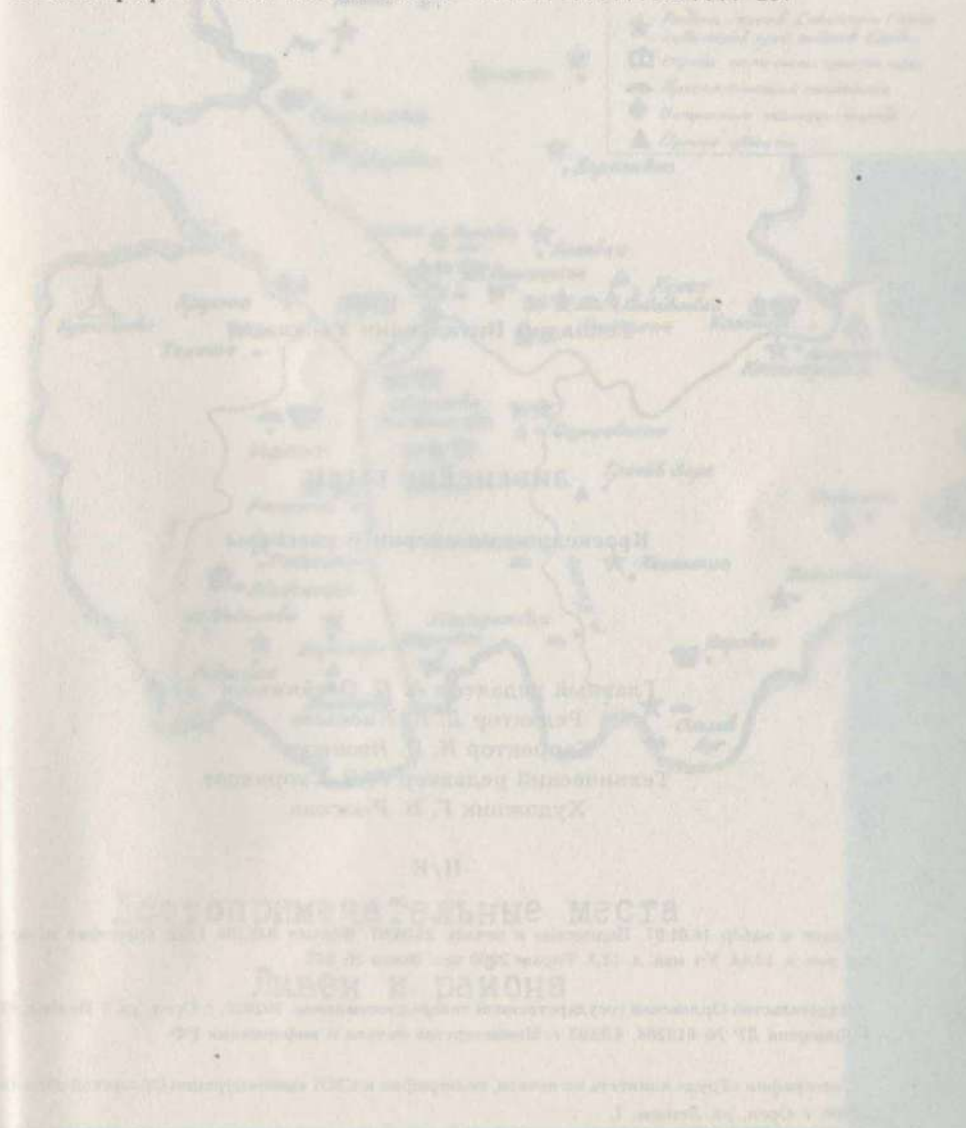
II. Встречи с прошлым

Ливенская крепость	99
Гавриил Пясецкий рассказывал	103
Ливенские села	111
Предвестники бури	115
Буря	123
Красные и белые	130
По главной улице	134
Старожил вспоминает	139
Застучали по рельсам колеса	144
Письма Леонида Кербера в Ливны	152
Парни играли самозабвенно	159
Это было в 41-м	167
Ливенский щит	179
Имя на борту	185

III. Рассказы о былом

О чем шептала береза	191
На берлинской улице	194
Игрушечник	197
Ледоход	200
Яблочные семечки	203

Инспектор	205
Отцовское поле	208
Метеоролог	211
Елка Кузьмы	214
Авария	217
Грачи прилетели	220
В незнакомом городе	223
Евсейч	226
Качели	230
Приложение. Достопримечательные места Ливен и района ..	231
Библиография	237

Об авторе

Геннадий Витальевич Рыжкин работает в Ливнах на заводе «Ливгидромаш» ведущим конструктором. Одно из увлечений — изучение Орловского края. Его краеведческие материалы, рассказы, стихи публиковались в различных периодических изданиях. В 1996 году вышла в свет его первая книга «Страницы ливенской жизни». Это — вторая книга.

